

ПРИЛОЖЕНІЯ
КЪ 5-МУ ВЫПУСКУ ПЪСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

I.

СКАЗКИ

ПРО ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА.

1.

(Пермской губерніи).

Жиль-быль Буславъ девяносто годовъ; живучи Буславъ, переставилъ; остается его молода жена Ванильоа Тимошеевна, остается у нее младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ маленькими ребятами поигрывать: у кого руку оторветъ, у кого голову расколетъ. Отдала Ванильоа Тимошеевна своего сына любимого Старика Угрумищу *) учить—во листы писать: а выучился Василій Буславичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать.

Однажды у Старика Угрумища сдѣлался пиръ и бесѣда: онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича; пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду; изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни съ чернымъ **) вязомъ. Старша ***) Угрумища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему:—Ты не сѣкчи, молодой сѣктунъ! Тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей,—вотъ тебѣ пять сотъ рублей.—

---

*) Пилигримищу.—О.

**) Черленнымъ, червленымъ.—О.

***) Старицишша, старичище.—О.

II

Пришелъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говорить: «Ахъ, матушка родимая! Я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ Старшомъ Угрумищей разсорился.» Мать взяла его—пьянаго напояла и въ темную темницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ спитъ да спитъ, ничего не знаетъ. Женщина по воду ходила и ему въ окошко закричала: ««Что, говоритъ, Василій Буславичъ, спишь, ничего не знаешь? И, говоритъ, по воду ходила,—сколько людей коромысломъ прибила!»» Василій Буславичъ, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить,—народъ *).

Старша Угрумища ему и взмолился: — Гой ли ты еси, Василій Буславичъ! Уходи, говоритъ, свое сердце ретивое, утоли плеча богатырскія: я тебѣ пять сотъ сулилъ, а теперь отдамъ всю тысячу!—Вотъ Василій Буславичъ смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говоритъ, матушка родимая! Я сегодня много крови пролилъ, много народу погубилъ!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабль, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобъ ѣхалъ куда хочетъ, и рукой въ слѣдъ махнула.

Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга: лежитъ тутъ Морская Пучина *), вокругъ глаза. Онъ вокругъ ее нохаживаетъ, сапожкомъ ее пошнываетъ, а она ему и говоритъ:—Не пинай меня: и самъ тутъ будешь!—Вотъ послѣ этого рабочіе его расшутились межъ собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: вѣтъ перескакали; онъ скокнулъ напоследѣ, и задѣлъ только ее пальцемъ, да тутъ и померъ.

(Записано г. Огаревымъ, доставлено В. И. Ламанскимъ).

•

---

*) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. IV. и ниже.—О.

Жилъ Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай переставился. Оставалось у него малое дѣтище Василей Богуслаевичъ. Когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходитъ онъ на улицу на Рогатицу, играть онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородами: котораго изъ нихъ схватить за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ.

Отъ такихъ его наглыхъ шутокъ чернь взволновалася. Собираются посадники Новгородскіе, думаютъ крѣпку думушку; они приходятъ къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: «Ты гой еси, честная жена Амелоа Тимооосевна! Уйми ты свое мило чадо Василя Богуслаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по своему: уже намъ Великой градъ отъ его шутокъ людьми порѣже сталъ.» Отъ такихъ рѣчей честная жена Амелоа Тимооосевна прикручинилась, общаетъ имъ управу дать, отпускаетъ она посадниковъ съ почестью и призываетъ къ себѣ свое чадо Василя Богуслаевича. Призвавъ его, говорить такія рѣчи: —Охъ ты мое чадо милое! Перестань ты ходить на улицу на Рогатицу, полно тебѣ играть съ мужиками Новгородскими! Вижу я въ тебѣ силу богатырскую; но ты еще дитя младое; твои шутки неудалы: кого ты схватишь за руку, отрываешь изъ могучихъ плечъ; а возмешь за буйну голову, остается она въ твоихъ рукахъ. Скорбятъ на тебя посадники и мужики Новгородскіе. Когда они на насъ пойдутся, на кого намъ понадѣяться? Въ спротствѣ мы съ тобой остались. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысячу? А побѣшь ты и тысячу, за тысячью ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова добраго: перестань ходить ты на улицу!—

Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичъ поклоняется своей матушкѣ, честной женѣ Амелѣ Тимооосевнѣ до сырой земли; поклонивши-

---

*) О достоинствѣ этой сказки, не смотря на ея поддѣлки, см. въ „Замѣткѣхъ.“ Намъкъ изъ народнаго во многомъ переначенъ на книжный ладъ.— О.

ся онъ отвѣтъ держитъ: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе; а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу: по чѣмъ же мнѣ позабавиться, съ кѣмъ отвѣдати могуча плеча? Не сидѣть ты меня породила, не даромъ мнѣ моя звѣзда щастливая дала силу богатырскую. Какъ придетъ моя пора, укрочу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Старо-Славенская и княжество Руское. А теперь я во твоей волѣ; но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищей, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвити, съ кѣмъ отвѣдати мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дамъ по чести всему граду и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку.»

Получа позволеніе отъ своей матушки, Василей Богуслаевичъ выставляетъ у своего двора бѣла-каменна, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаетъ въ нихъ зелена вина и пива пьянаго по края полны; онъ пускаетъ въ нихъ золоты чары, съ тѣми камнями самоцвѣтными, въ каждой чарѣ вѣсу тридцать пудъ. Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати: ««Кто хочетъ пожить весело, кто хочетъ въ краснѣ въ хорошѣ походить, тотъ бы шелъ къ Василью Богуслаевичу на широкой дворъ не обысlauchи, но спросясь только съ своей силою, понадѣявшись на буйну голову!»» Бирючи ходятъ день до вечера, они кличутъ громкимъ голосомъ: никто имъ не вызывается. Самъ Василей Богуслаевичъ смотритъ съ высока терема въ окно косящете: чаны стоятъ непочаты, никто къ нимъ не появляется.

Тогда жилъ-былъ нѣкто Оома Толстой сынъ Ременниковъ. Онъ идетъ къ широкому двору не обысlauchи, подходитъ къ чанамъ не спрашиваючи; онъ беретъ золоту чашу: одной рукой поднимаетъ, однимъ духомъ выпиваетъ. Увидѣвъ то Василій Богуслаевичъ, бѣжитъ съ высока терема, не одѣвшись, безъ чебатовъ, за собою онъ тащить стемлянный вязъ, и этотъ вязъ свинцомъ налить Сарочинскимъ; онъ бьетъ вязомъ Оому по уху по правому: на Оомѣ головушка не тряхнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играетъ въ немъ отъ радости. Обнимаетъ онъ Оому въ бѣлыхъ рукахъ и ведетъ его въ свои теремы

златоверхіе. Приведши его въ свой высокъ теремъ, цѣлуетъ во уста, и тутъ кладутъ они между собою слово крѣпкое-богатырское, чтобъ были имъ братьями, не щадить другъ за друга буйныхъ головъ, чтобы пити имъ изъ одной чары и ѣсти имъ съ одного блюда, носить платье цвѣтное съ одного плеча. Потомъ сажаетъ его за столы дубовые, за скатерти бранныя, за ѣствы сахарныя: шлп-ѣли, прохлажались, межъ собой забавлялися.

Между тѣмъ Василью Богуслаевичу лежитъ на сердцѣ дума крѣпкая: онъ поглядываетъ въ окно косящете и ждетъ, не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрашаючи. Появляется тутъ вдоль по улицѣ Новогородецъ Потанюшка: онъ малъ собою, невеличекъ и на одну ногу прихрамываетъ. Приходитъ онъ къ дубовымъ чанамъ, онъ бросаетъ вонъ золоты чары, подымаетъ чанъ зелена вина одной рукой, выливаетъ его однимъ духомъ до суха, онъ выпивши разбиваетъ чанъ о сыру землю, и того чана не осталось ни щеночки. Увидѣвъ то Василей Богуслаевичъ, вспрыгнувъ онъ изъ окна отъ радости, закричалъ громкимъ голосомъ: «Охъ братецъ мой, Юма Толстой сынъ Ременниковъ! Пойдемъ встрѣтить молодца удалова: вонъ пришелъ къ намъ третій братъ!» Они схватываютъ палицы булатныя, во которыхъ вѣсу по пятидесять пудъ, бѣгутъ съ высока терема въ широки ворота, прибѣгаютъ они ко Потанюшкѣ, они бьютъ его въ буйну голову: палицы въ части разлетаются, а на Потанюшки головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку подъ бѣлы руки, повели его на широкой дворъ, на крыльцо красное, во теремы златоверхіе. Тамъ они ноцѣловалися и дали другъ другу клятву крѣпкую, чтобъ были имъ вѣмъ братьями и были ихъ душамъ за единую.

Скоро прошелъ слухъ по всему граду, что Василей Богуслаевичъ выбралъ богатырей сильныхъ, изъ всей земли Старо-Славенскія, что живутъ они съ нимъ безъ выхода, что пьютъ-ѣдятъ съ одново стола, цвѣтно платье *) съ одново плеча. (Отъ молвы сей посадники взволновалися, собираются они во теремы тайниціе, начинаютъ цышой совѣтъ и думу крѣпкую. Когда всѣ посадники по скамьямъ

VI

услысь, встаеъ тутъ чуденъ старъ—матѣръ челоуѣкъ, выходитъ онъ на средину горнищы, на всѣ четыре стороны поклоняется, онъ поглаживаеъ свою сѣдую бороду, трожды удареъ о полъ носохоуъ, и начинаеъ слово мудрое: «Вы гой еси, мужи Славенскіе и всѣ посадники Новогородскіе! Не стало князя въ нашей области: Богу-слаи оставилъ намъ мало дѣтище; мы правимъ всею землею Рускою. Уиноваемъ мы на это дѣтище княженецкое: мы ждемъ въ немъ обороны крѣикія и управы добрыя, ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго, чтобъ поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадаеъ отъ него земля Славенская, опустѣеъ княжество Руское: Василей Богуслаевичъ дошелъ едва-ль лѣтъ пятнадцать, а ужъ замыслы его не робяцкіе и забавы его не обычныя. Прежде онъ своими шутками осиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь прибираеъ къ себѣ богатырей изъ всея земли Рускія. Въ чемъ будетъ его такова дума? Онъ хочетъ насъ прибрать во свои руки и владѣть нами своей волею. Пропадеъ наша вся слава добрая! Насмѣеся намъ бѣлой свѣтъ, что мы, мудрые посадники, покорилися малому дѣтищу! Оле намъ стыда сего! О вы, посадники могучіе! Соберите вы свое единодушіе, призовите вы свой крѣикой умъ! Не дѣтищу нами ругатися, подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолщено! Мы сдѣлаемъ пиръ на цѣлой мірь: призовемъ мы на оной Василья Богуслаевича и учнемъ выпытывать; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго; буде не станетъ нить, янъ онъ зло мыслить; буде выпыетъ, во хмѣлю онъ промолвится, и что есть на сердцѣ, онъ все выскажетъ. Ко-ль примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Славенскія, мы сорвемъ ему голову съ могучихъ плечъ. Насъ бѣлой свѣтъ не осудитъ въ томъ: не одинъ онъ роду княжецкаго на бѣлой Руси, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу. Буде жъ нѣтъ, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ!»»

Сію мудрую рѣчь выслушавъ посадники, съ мѣстъ своихъ поднимаясь и до пояса они предъ Чудиномъ поклонялись. Всѣ сказали они однимъ голосомъ: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»»

На зарѣ потомъ на утренней, на восходѣ красна солнышка, тѣхъ теремахъ тайницкихъ становяъ столы дубовые, разстилаъ скатерти браныя, готовяъ ѣствы сахарныя, привозяъ бадны зе^а

VII

вина и пива сыченого, бросаются по гостямъ торговымъ, покупають вина заморскія, что ни пьяныя, и все посадники собираются. Приѣзжаютъ они въ Старо-Славенской дворецъ и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ съ честію: они просятъ ее въ Великой Новгородъ на почестный пиръ. Имъ (въ) отвѣтъ держитъ честна жена:—Не мое дѣло по пирамъ ходить; погуляла я и натѣшилась, когда живъ былъ мое солнышко, государь Богуслай, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василью Богуслаевичу: можетъ, онъ почтитъ вашъ пиръ своею молодостію. — Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики Новгородскіе къ своему княжичу, они просятъ его съ великою честію на свой пиръ въ Великой Новгородъ. Василей Богуслаевичъ идетъ къ своей матушкѣ спростатися, благословляетъ ево княгиня къ нимъ на пиръ итить, благословляючи наказываетъ своему чаду милому:—Ты пей, мой другъ,—не пропей ума! Мужики Новгородскіе хитры-лихоратливы *), обойдутъ тебя словомъ лестливымъ; но ты, когда до похвалъ дойдетъ, не хвались ничѣмъ у нихъ, лѣта твои младыя, не груби ты ни въ чемъ посадникамъ. — Сіе выслушавъ Василей Богуслаевичъ, поклоняется своей матушкѣ, что ево надуумила, и идетъ на пиръ во Новъ-городъ одинъ одинехонекъ; оставляетъ онъ въ дому своихъ побратениковъ, Юму и Потанюшку.

Приходитъ онъ во Новъ-городъ. Посадники ево встрѣчаютъ на улицѣ, принимаютъ подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія. Тамъ сажаютъ его за столы дубовые въ переднемъ углу. Василей Богуслаевичъ имъ за честь покланяется и не хочетъ сѣсть во переднемъ углу. Посадники его нудятъ добрымъ словомъ: «Садись ты тамъ, чадо княжее: тамъ сиживалъ твой батюшко, Богуслай, нашъ князь.» За слово сіе доброе княжичъ ихъ послушался: садится онъ въ переднемъ углу. Ему подносятъ стону вина заморскова, онъ пьетъ и ѣсть—проклажается, онъ въ полсыта наѣдается и въ полпьяна чапивается, онъ сидитъ какъ красная дѣвушка, ни молвить онъ ни одного слова. Уже посадники на веселѣ, начинаютъ они похвальбу ожать. Иной хвалится добрымъ конемъ, иной хвалится молодой женою, иной сплюю и богатствомъ, иной храбростію и мудростію: одинъ

VIII

лишь Василей Богуслаевичъ ни чѣмъ не похваляется. Тутъ встають съ скамьи первые посадники, Чудинъ да Сатко Богатой Гость, они громкимъ воياطъ голосомъ: ««Ты гой еси, нашъ батюшка, Василей Богуслаевичъ! Что ты такъ приунывъ сидишь? Что ни чѣмъ ты не похвалишься?»» Имъ отвѣтъ держаль молодой княжичъ: «Охъ вы люди почетные, посадники Новгородскіе! Чѣмъ предъ вами мнѣ похвалиться? Я послѣ государя моего батюшки сиротою остался малешенекъ, государыня моя матушка во вдовствѣ живетъ. Хотя есть у меня золота казна, имѣнье и богатство: то не я собралъ, а мой батюшко. Когда буду я въ порѣ-времени, тогда буду я похваляться.»

Таковымъ рѣчамъ посадники удивились, начали между собою перешептывать. Наливають они братину зелена вина, начинаютъ пить приговаривая: ««Кто другъ Великому Нову-граду и всей земли Славенскія, тотъ пей братину до суха!»» Подаютъ они братину Василью Богуслаевичу. Уже нельзя ему было отговориться: онъ ее въ бѣлы руки принимаетъ и до суха выпиваетъ; и сталъ онъ отъ того на веселѣ. Тогда посадники опять начинаютъ похваляться и опять приставать къ своему княжичу, для чего онъ ни чѣмъ не похвалится. Тогда заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла въ немъ кровь молодецкая, заговорилъ онъ имъ таковы рѣчи: «Ой еси вы, посадники Новгородскіе! Се похвала Василья Богуслаевича. что сидѣтъ ему надъ землею Славенскою и княжить надъ Рускою; быть Нову-граду всему за нимъ; онъ будетъ брать пошлины датошныя со всея земли, съ лову заячья и гоголинаго; всѣ посадники предъ нимъ поклонятся, онъ принудить всѣхъ своею рукою богатырскою!» Выслушавъ таковы слова, всѣ посадники взволновались и кричали вопреки ему: ««Не бывать за тобой Нову-граду, не сидѣтъ тебѣ надъ землею Славенскою и не княжить надъ Рускою! Не доживъ поры ты похваляешься: не стерпѣтъ того намъ посадникамъ! Младъ еще, незрѣлъ твой умъ, намъ нечево отъ тебя дожидатися: на утро ты иди изъ земли нашей; не пойдешь, инъ погонимъ тебя не съ честію, потеряешь ты буйну голову!»» Имъ (въ) отвѣтъ держаль Василей Богуслаевичъ: «Не боюсь я васъ, посадниковъ: собирайте вы всю силу Новгородскихъ я иду съ ней перевѣдаться; не изгнать вамъ меня изъ земли Славенскія; такъ быть за мной всему Нову-граду, а вамъ, посадникамъ у ногъ моихъ!» Сказавъ сіе, встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, даетъ поклонъ всѣмъ посадникамъ и идетъ къ своей матушкѣ.

IX

садишки изумилися, дають ему широкої путь. Пропустя его, думу думаютъ, похвальбѣ его насмѣхаются, посылають они собрати всю силу Новгородскую на улицу на Рогатицу, щобъ убити имъ своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнятъ: «Гдѣ ратовать съ нами малу дѣтищу!» »

Ужъ на вѣчѣ бьютъ въ большой колоколь, волнуется вся страна Старо-Славенская, собирается рать сильная на одного младаго княжича. Въ то время дошла вѣсть къ честной женѣ Амелѣ Тимоо-евнѣ, что похвалился ея мило чадо Василей Богуслаевичъ словами неудалыми, щобъ битися ему со всею силою Новгородскою. Отъ того честна жена прикручинилась; она идетъ со крыльца красного къ своему сыну во высокъ теремъ, она укоряетъ его за незрѣлой умъ, что нагрубилъ онъ вѣмъ посадникамъ: — Гдѣ тебѣ, вѣщаетъ она, битися одному противу силы Новгородскія? Погубилъ ты меня въ старости!—Сказавъ сіе, схватываетъ его въ беремечко и мчитъ въ погребѣ бѣлы-каменные, задвигаетъ двери засовами желѣзными, насыпаетъ ихъ песками сыпучими, оставляетъ его тутъ хмѣль выспати; а сама идетъ въ свою казнохранильницу, беретъ она золотое блюдо, насыпаетъ на него камня самоцвѣтнаго и ѣдетъ въ Великой Новгородъ ко посадникамъ. Она кланяется имъ до пояса, поставляетъ золотое блюдо на дубовой столъ, говоритъ имъ рѣчи улыльныя, щобъ простили они ея мило чадо Василья Богуслаевича за слова, что онъ во хмѣлю сказалъ, что нельзя ему стоять противу силы Новгородскія, ибо лѣты его млада, чтобъ, пономня они Богуслая, своего князя, пощадили его дѣтище.

Отъ сего посадники возгордилися, говорятъ они своей княгинѣ невѣжливо: ««Поди ты вонъ, баба старая! Не пойдешь, ниъ вышлемъ тебя съ нечестію. Намъ не надобно злата-серебра, ни камня самоцвѣтнаго, дорога намъ похвальба Богуслайченкова, намъ надобна его буйна голова!»» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горючыми слезы, возвратилась во свой дворецъ бѣлой-каменной, велѣла запереть широки ворота и засѣла въ кручинѣ великой.

На утрей день лишь просіялъ бѣлой день, не гуси и лебеди подымаются съ великаго Прмера озера, идетъ то сила Новгородская

X

на улицу на Рогатицу; не вешняя вода тутъ обледѣла, окружили то посадники и мужики Новгородекіе широкой дворъ Василья Богуслаевича: выбиваютъ они широки ворота изъ пяты, валятся они на обширной дворъ.

Тутъ съ ними встрѣтилась дѣвчоночка, черненька - маленька: она шла изъ избы пришедшая въ рѣку Волховъ по воду, на плечѣ у ней коромыслица, не тяжело и не легкое,—всего вѣсу въ немъ триста пудъ. Увидѣвши то невѣжество, вскричала она къ мужикамъ и посадникамъ: — Охъ б . . . вы дѣти неудалые! Сметъ ли бы вамъ ходить на широкий дворъ не спрашивая? Почиваетъ еще нашъ батюшко Василей Богуслаевичъ, а вы сюда гремѣть пришли! Погоню я васъ съ широкова двора! — Не дали ей докончить словъ, принялись ее колотить въ дубины вязовыя. За ту шутку дѣвчоночка осердилася, бросаетъ она ведры дубовыя, беретъ въ руки свое коромыслица, гонитъ она ихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ лишь разъ махнетъ, тамо улица, а въ другой хватитъ,—съ переулочками. Побивала дѣвчоночка тысячу, добивалася она до трехъ полковъ. Уже руки ея примахалися, коромыслица изломалася: бѣжитъ она на широкой дворъ во теремы высокіе. Прибѣжавъ туда, кричитъ громкимъ голосомъ:—Вы гой еси, богатыри могучіе! Чтѣ вы спите-почиваете? На вашего брата названаго нападаетъ вся сила Новгородская, уже выломали ворота на широкой дворъ, приступаютъ къ погребамъ бѣлымъ-каменнымъ, гдѣ почиваетъ Василей Богуслаевичъ.—Ей въ отвѣтъ сказали Оома Толстой сынъ Ременниковъ со Потанюшкой: ««Не сила то Новгородская нападаетъ на нашего брата названаго: налетѣли то комары изъ болотъ Каростанскихъ; пусть пробудятъ они его жужжаніемъ, а не честь будетъ богатырская намъ боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ. Онъ прогонитъ ихъ однимъ замахомъ.»» Сіе молвивши, завернули они буйны головы во подушки пуховыя.

Между тѣмъ Василей Богуслаевичъ отъ крика - вопля народнаго пробуждается: онъ вскакиваетъ на рѣзвы ноги и потряхается, отъ того въ погребѣхъ стѣны бѣлы-каменны распадаются, желѣзные засовы ломаются и желты пески разсыпаются; становится онъ среди двора. То увидѣвъ сила Новгородская, бросается на него тысячами. У молодого княжича нѣтъ оружія, ни збруи ратныя. За своимъ стеланнымъ вязомъ показалось ему далеко идти, ибо тѣ вязы были у

XI

него въ высокомъ теремѣ: онъ схватываетъ ось дубовую необдѣланную; ею гонитъ онъ силу на улицу Рогатицу; побиваетъ онъ людей тысячи. Не успеютъ посадники подковъ наготовиться. Уже вся сила дрогнула, но онъ гонитъ ихъ на чисто поле, пригоняетъ ихъ къ быстрой рѣкѣ, не даетъ онъ имъ развернуться, не внимаетъ онъ ихъ покорности, молодецка кровь разогрѣлася, онъ хочетъ бить всѣхъ на голову.

Узрѣвши то посадники, приуныли все, буйны головы повѣсили; они бросаются во Новгородъ, насыпаютъ злата-серебра, камня самоцвѣтнаго на златы блюда; идутъ они въ Старъ-Славенскъ дворецъ ко честной женѣ Амелѣ Тимошеевнѣ. Они хочутъ на дворъ взойти, а въ широки ворота заперты. Они выходятъ на улицу противъ широка терема, противу оконъ косящетыхъ, преклоняютъ они буйны головы ко сырой землѣ и кричатъ громкимъ голосомъ: ««Охъ ты мать наша, честна жена Амелѣ Тимошеевна! Прогнѣвали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василья Богуслаевича: онъ побилъ ужъ всю силу Новгородскую. Упроси ты его словомъ родительскимъ, чтобъ оставилъ онъ людей хотя на сѣмена!»» Но княгиня, то услышавши, не показала имъ своихъ ясныхъ очей, отослала ихъ съ нечестіемъ. Она лишь велѣла имъ возвѣстить: —Какъ вы дѣло затѣяли, такъ и оканчивайте; я баба старая, не возмусь за ваши дѣла ратныя.—

Посадники, услышавши свою опалу великую, видятъ бѣду неминуемую, посѣлаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ Старчище Многолѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, раззорялъ грады крѣпкіе; но когда обуяли его лѣты древнія, не выходилъ онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему приидають посадники и молятъ его спасти свою отчизну, и унять младаго княжича. Долго Старчище не слушалъ ихъ, однако на кручину ихъ умиляется. Поднимается съ дубовой скамьи, идетъ онъ на сборнои дворъ: тамъ снимаетъ онъ съ вѣча большой колоколъ, которой колоколъ шести сотъ пудъ; надѣваетъ оной на буйну свою голову вмѣсто шапочки. Оттолѣ шествуетъ во чисто поле, къ той быстрой рѣкѣ, гдѣ Василей Богуслаевичъ остальную рать доколачивалъ. Онъ, подшедь къ нему, закричалъ громкимъ голосомъ:—Ты гой еси, Богуслаевъ сынъ! Не за свои ты шутки принимаешься: переставъ ша-

ХІІ

лить при старомъ мужѣ! — Отъ такихъ рѣчей молодой витязь прогнѣвается, набѣгаетъ онъ на Старчища Многолѣтища, бьетъ рукою крѣпко во тяжель колоколь. Красная мѣдъ рассыпается, присядаетъ старой мужъ къ сырой землѣ, онъ молить-просить пощады своей: — Охъ ты сильной-могучъ богатырь! Не чаялъ я такой силы въ твоей младости! Я живу на свѣтѣ сто лѣтъ и двадцать, не видалъ я себѣ спорника и поборника: днесъ пропала моя слава богатырская, побѣдиль меня молодой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служилъ Славенской землѣ, ты дай мнѣ жизнь на успокаянье. — Убивать его Василей Богуслаевичъ не держалъ ни въ умѣ въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію.

Въ ту пору, познавъ посадники свою бѣду необѣдную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во теремы тайницкіе, они пишутъ крѣпкіе записи, чтобъ быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всею Новымъ-градомъ, землей Славенскою и Рускою, брать пошлины, каки онъ хочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту запись крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Бугуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ, Оому Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя, перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставить людей хотя на сѣмена.

На просьбу ихъ богатыри преклонились, бросаютъ они вязы стемляные, кои держали на готовѣ въ рукахъ своихъ, буде бы ослабѣлъ въ рати братень ихъ. Они идутъ въ поле со посадники; не дошедъ къ мѣсту побоища, кладутъ на голову запись крѣпкую и кричатъ громкимъ голосомъ: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичъ! Перестань губить свою отчину: покорилась тебѣ земля Славенская и все княжество Руское! Поклонились къ ногамъ твоимъ все посадники: вотъ ихъ запись крѣпкая, чтобъ владѣть тебѣ по своей волѣ надъ всею Великимъ Новымъ-градомъ со всеми землями и областями!» Они, сказавъ сіе, со всеми посадники у ногъ его повалилися.

Тутъ Василей Богуслаевичъ укротилъ свой сильной гнѣвъ. Онъ простилъ и пожаловалъ всехъ, кто остался отъ побоища. Онъ вла-

ХІІІ

дѣлъ надѣ Новымъ-градомъ съ мудростью и милостью. Никто не смѣлъ на него подняться, всѣ сосѣди дальніе присылали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими. Вся Чудь платила ему дани со вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братеникахъ Оомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витязей со всего свѣта бѣлаго, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Нову-граду.

(Русскія сказки Чулкова, часть IV).

✱

3 *).

Во славномъ было въ Великомъ Новѣ-градѣ, а и жилъ тамъ Буслай девяносто лѣтъ, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: съ мужиками Новгородскими **) не перечился, со житыми посацкими поперегъ словечка не говаривалъ; жилъ Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣй его вѣку долгаго оставалось житье—бытье великое, все имѣнье посацкое, да оставалась матера вдова, матера вдова Амелоа Тимоѣевна, да оставалось чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастѣ, отдавала его родимая матушка, матера вдова Амелоа Тимоѣевна, граматѣ да пѣнью церковному учить. Грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло ***). А и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.

А и стало Васькѣ пятнадцать лѣтъ, выходитъ Васька на улицу на Рогатицу, играть со малыи со ребятами. Повадилося Васька на

---

*) Оцѣнку этой сказки см. въ „Замѣткѣ.“—О.

**) Слишкомъ длинная для народнаго языка форма.—О.

***) Это уже конечно подправка: изъ пѣсень и народныхъ сказаній знаемъ противное.—О.

XIV

улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцы до пьяну напивати-ся. А и ходитъ Васька съ ними по улицѣ, а и ходитъ—уродуетъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за голову, у того головы не бывало. Пошла по Нову-городу жалоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новгородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новгородскіе, все люди посацкіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимооосевнѣ, а и говорятъ таковы рѣчи: ««Ты гой еси, честна вдова Амелоа Тимооосевна! Уйми ты свое чадо милое, Василія Буслаевича: ходитъ онъ на улицу на Рогатицу, водитъ дружбу со удалыми молодцы, со удалыми молодцы до пьяну напивается, надъ мужики Новгородскіими насмѣхается; котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за ногу, ногу выдернетъ; котораго возьметъ за голову, головы не бывало. Снизволь, честна вдова Амелоа Тимооосевна, сказать свою заповѣдь великую Василью Буслаевичу: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не играть по своему. Ужь нашъ Великой Новгородъ отъ его шутокъ порѣже сталъ.»» И чинитъ отвѣтъ честна вдова Амелоа Тимооосевна мужикамъ Новгородскіимъ, обѣщаетъ надъ Ваською дать управу. И чинитъ почести честна вдова Амелоа Тимооосевна мужикамъ Новгородскіимъ. А и стала мать Ваську журить-бранить, журить-бранить, его на умъ учить: — Перестань, Васька, на улицу на Рогатицу ходитъ, не водись со удалыми молодцы, не пей вина до пьяна, не шути шутокъ до смертнаго съ мужиками Новгородскіими. Не въ твои лѣта малыя шутить шутки богатырскія, вынимать руки изъ могучихъ плечъ, снимать буйны головы со добрыхъ людей. Скорбятъ на тебя мужики Новгородскіе и весь міръ крещеный. Съ твоей ли силой стать на тысячу? Будетъ ты побьешь тысячу, а за тысячею ихъ смѣты нѣтъ. Заповѣдаю тебѣ моимъ словомъ великимъ: не ходитъ на улицу на Рогатицу, не водитъ дружбу съ удалыми молодцы, не пьетъ съ ними вина до пьяна, не шутитъ съ мужиками Новгородскіими шутки богатырскія.—Честной вдовѣ Амелоѣ Тимооосевнѣ, своей родной матушкѣ, Васька поклоняется до сырой земли, а въ отвѣтъ держитъ таковы рѣчи: «Осударыня моя матушка! Не боюсь страху посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое. Не пойду на улицу на Рогатицу, не сведу дружбы со удалыми молодцы, не стану шутить

шутки богатырскія. Не таланъ же мнѣ сидѣть дома, не таланъ же сѣду безъ пробы износить. Придетъ пора, укорочу я мужиковъ Новогородскіихъ: придутъ съ покоринцемъ посадники. Прикажи своимъ словомъ, родимая, накурить зелена вина, наварить меду ньянова, потѣшить Новгородъ съ мужики Новогородскіими.»

Пошелъ Васька во высокъ теремъ, сѣдѣлъ онъ, Васька, на ремчатый стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты, а въ ярлыкахъ отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочетъ пить да ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкъ дворъ, пей, ѣшь до сыта, носи платье разноцвѣтное до вѣку. А шелъ бы на широкъ дворъ не обысלאючи, понадѣючись на буйну голову.» Несутъ бюрючи по улицамъ ярлыки скорописчаты, кличутъ кличъ по улицамъ широкимъ, по тѣмъ частымъ переулкамъ. Выставлялъ Васька у своихъ бѣлокаменныхъ палатъ, у своихъ широкіихъ воротъ, чаны дубовые, наливалъ въ нихъ зелена вина, меду ньянова съ краями полны, опускалъ въ чаны дубовые золоты чары во тридцать пудъ со камнями самоцвѣтными. Во славномъ было Новѣградѣ, шли люди грамотные, читали ярлыки скорописчаты. Васька сидѣть во своемъ терему, смотритъ въ окошко косящатое: чаны стоятъ непочаты, а повольниковъ по улицамъ вѣтъ. Идутъ къ Васькѣ на широкой дворъ къ тому чану, къ зеленой вину, къ меду пьяному, идетъ Оомка Ременниковъ къ широку двору, не обысלאючи: беретъ чару единой рукой, выпиваетъ чару единымъ духомъ. Какъ завидѣлъ то Васька, бѣжитъ съ высока терема не одѣваючись, за собой тащитъ червеной вязъ, вѣсомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ, а въ томъ червленомъ вязу въ половинѣ было налито свища Сорочинскаго *), и тутъ Васька сталъ его Оомку опробовать, сталъ его бити червленнымъ вязомъ по уху по правому: стоитъ Оомка—не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряхнутся. Загорается ретиво сердце у Васьки Буслаева, отъ дива руки опускаются. «Гой еси ты, Оомка Ременниковъ!» говоритъ Васька Буслаевъ: «а и будь ты мнѣ названой братъ, пуще брата родимаго!» Ведетъ его Васька во высокъ теремъ, и тутъ они кладутъ промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ од-

---

*) Это, какъ и въ сказкѣ Чулкова, выдумка, вмѣсто народнаго—„Чебурачкаго.“—О.

ной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ его Васька за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. Вертится у Васьки ретивое, думаетъ Васька думу крѣпкую, а самъ въ окошечко поглядываетъ: не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрашивая? Идетъ-плыветъ по улицѣ удалъ-добрый молодецъ Потанюшка, малъ-малехонецъ, невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ, на головкѣ шапочку охорашиваетъ, на высокъ теремъ поглядываетъ. Приходитъ онъ, Потанюшка, къ дубовымъ чанамъ, бросаетъ золоту чару за веревочку, подымаетъ чанъ съ зеленымъ виномъ единой рукой, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ до суха: только и видѣли зелено вино. А выпивши, разбиваетъ Потанюшка дубовой чанъ о сыру землю: и того чана дубоваго не осталось ни полщепочки. А Васька въ окошечко косящатое на удалъ молодецкую посматриваетъ, горько *) поглядываетъ, а завидѣвши его обыча бѣогатырскія, кричитъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, братецъ мой, Оомка Ременниковъ! Пришелъ къ намъ удалъ-добрый молодецъ, нашъ названой братъ. Бери ты палицу булатную во пятьдесятъ пудъ, бѣги со терема высокова въ широки ворота.» Бѣгутъ Васька съ Оомкою въ широки ворота, бьютъ Потанюшку въ его буйну голову: Потанюшка стоитъ—не шевельнется, палицы на щепочки разлетаются, а на Потанюшкѣ головушка не тряхнется. Берутъ Потанюшку подъ бѣлы руки, ведутъ его на широкъ дворъ, на крыльцо красное, во терема златоверхіе. А и тутъ они цѣловались, и кладутъ промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ одной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаетъ они братца названого за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, за питья медвяныя. Пьютъ-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. А и мало время позамѣшковавши, идутъ къ нимъ гости не спрашивая, идутъ Дѣти Боярскія, Лука да Матвей **). Васька молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшковавши, пришли мужики Залѣшане; единой сходкой входятъ они на широкъ

---

*) Зорко?—О.

**) Моисей.—О.

XVII

дворъ, единымъ словомъ говорятъ таковы рѣчи: «А и не было такого удалаго-добра молодца супротивъ Васьки Буслаевича, а нынѣ во теремѣ потѣшается, названными братцами похваляется, а насъ Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не поставляетъ.» Тутъ Васька спохватился, что Потанюшка сокрушилъ чаны, что въ укоръ дался мужикамъ Залѣшанамъ. А и говоритъ Васька таковы слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человекъ есть изъ васъ, иди сюда: пей-ѣшь, прохладжайся, со мной, Васькой, потѣшайся.» И вошли мужики Залѣшане къ Васкѣ во высокъ теремъ. Сходились-собирались къ Васкѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь Посацкой. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ одинаго, а самъ Васька тридцатой сталъ

Скоро прослышали мужики посацкіе про Ваську Буслаева и про его названныхъ братцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ выхода, пьютъ-ѣдятъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозятъ грозу всему Новугороду. Собирались мужики посацкіе въ терема тайниціе, собирались—по скамьямъ садились. А и мало время позамѣшавши, встаетъ тутъ чюдень старецъ, мать человекъ. Мужики Новгородскіе пріосамились, отъ стараго до малаго всѣ били челомъ. А и сталъ чюдень старецъ, мать человекъ посередъ терема тайническаго, на всѣ стороны онъ поклоняется, сѣду бороду поглаживаетъ, о посохъ вязовой спирается и говоритъ слово мудрое: «Вы гой еси, мужики посацкіе! Вѣдомо вамъ дѣтище неудалое, Василій Буслаевичъ, вѣдомы вамъ его замыслы неребяцкіе, знаемы вамъ его забавы необычныя: собираетъ онъ названныхъ братцовъ, живетъ съ ними безъ выхода, пьетъ-ѣсть съ одного стола, носитъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозитъ грозу всему Новугороду. Прежь того шутилъ онъ шутки великія, сиротилъ людей—смѣты нѣтъ: а теперь задумалъ дѣло злое, прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣетъ нами по своей волѣ. Не дѣтину ругатися мужикамъ посацкіимъ: поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлой міръ для Василія Буслаевича: будетъ онъ на пирѣ, ударимъ челомъ отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго; будетъ станеть нить, во хлѣлю промолвится; будетъ пить не станеть, инъ зло на насъ мыслить. Будетъ не кормилецъ намъ, сорвемъ ему голову съ могучихъ плечъ. Насъ бѣлой свѣтъ не охулитъ, ужъ и онъ намъ

XVIII

остуды не положить. Не одинъ онъ во Новѣгородѣ, промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Кланялся чюдень старецъ, матеръ чело-вѣкъ на всѣ стороны. Поднимались мужики посацкіе съ мѣстъ своихъ, кланялись старцу до поясу и говорили всѣ во едину рѣчь: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова умная!»» На зарѣ-то было на утренней, на всходѣ красна солнышка, подымались мужики посацкіе, становили столы дубовые во тѣхъ теремахъ тайницкіихъ, разстилали скатерти браныя, ставили ѣства сахарныя, приво-зили бодья съ зеленымъ виномъ да съ медомъ сыченымъ; приходили гости торговые съ винами заморскими, ни съ пьяными, ни съ по-хмѣльными *). Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелоѣ Тимооосевнѣ съ честію, просятъ матеру вдову на честной пирѣ и говорятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелоа Тимооосевна! Иди къ намъ на честной пирѣ.»» И кланялись мужики Новгородскіе до пояса. Возговорить имъ мате-ра вдова, честна жена Амелоа Тимооосевна: — Не мое дѣло по п-рамъ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ-былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу, Василью Буслаевичу: онъ почтитъ вашъ пирѣ своею молодостью. — Идутъ мужики посацкіе къ Василью Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честію на великъ пирѣ и гово-рятъ таковы рѣчи: ««Гой еси ты, Васплій Буслаевичъ! Иди къ намъ на честной пирѣ.»» Выслушалъ рѣчи посольскія, идетъ Васька къ матерой вдовѣ, къ честной своей матери Амелоѣ Тимооосевнѣ, спро-шать благословеніе на пирѣ иттить къ мужикамъ посацкіимъ. Гово-ритъ ему честна вдова Амелоа Тимооосевна: — Ты пей, мое дѣтище, не до пьяна: мужики посацкіе хитры-лихорадливы; не взвидишь ты, мое милое дѣтище, какъ обойдутъ тебя словомъ лестливымъ. Будетъ учнутъ хвалить тебя мужики посацкіе, не хвались, мое дѣтище: лѣта твои малыя. Будетъ учнутъ тебѣ поминать про шутки молодецкія, не чини отповѣдь грубую: лѣта твои малыя.—И даетъ ему благо-словеніе матера вдова, честна жена Амелоа Тимооосевна, иттить на пирѣ къ мужикамъ посацкіимъ. И чинилъ Васька отповѣдь

---

*) Это что такое? См. „Замѣтку.“—О.

XIX

мужикамъ посацкимъ, быть къ нимъ на честной пиръ одинъ па одинъ. Спровѣдали согласіе мужики посацкіе, собирались въ терема тайницкіе.

Прослышалъ Васька про канунъ варенъ—пива ячныя у мужиковъ посацкихъ, пошелъ въ терема тайницкіе. Встрѣчаютъ Ваську въ теремахъ тайницкихъ мужики посацкіе, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ въ палаты посольскія, сажаютъ за столы дубовые, въ переднемъ углу. Говоритъ Васька мужикамъ посацкимъ: «Вы гой еси, люди степенные, честны мужики посацкіе! Велика честь моей молодости: есть постарше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкимъ. И нудили Ваську посацкіе ласковымъ словомъ: ««Садись, дѣтище: тутъ сиживаль твой родимый батюшка, Буслай Довмонтьевичъ *)»» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкимъ пуще того. Пустились мужики посацкіе на злорады хитрости, говорили небылы рѣчи: ««Садись, дѣтище: сидѣть тебѣ будетъ на отнемъ столѣ и править мужиками посацкими по своей волѣ.»» За сіе слово Васька спохватается, во передней уголъ сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посацкіе. Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понеслись **) ѣствы сахарныя. Пьютъ-ѣдятъ, прохладаются, въ полъняна напиваются, рѣчи держатъ крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ — не молвить словечушка. Стали мужики посацкіе похвалу держать; Садко ***) молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего Сокола ****): онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, долы промахиваетъ, горы перелетываетъ.»» Чурило *****) молвить: ««А и нѣтъ такой нигдѣ молодой жены супротивъ моей Настасьи Апраксѣвны: ужъ она ли ступитъ не ступитъ—по алу бархату; ѣсть ѣства сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужъ у моей ли молодой жены очи соколы, брови соболю, походка павлиная, грудь лебединая, а и краше ея

---

*) Отчество Буслая присочинено.—О.

**) Не народно.—О.

***) Вотъ и Садко, пояннутый Чулковымъ.—О.

****) Соколъ у Садки былъ не конь, а корабль.—О.

*****) Для краснаго слонца попалъ сюда и Чурило, притомъ съ чужою женою—Дуная Ивановича.—О.

пѣтъ нигдѣ во всей околицѣ поднебесной.» Костя Новоторжепинъ молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого богатчества супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.»» Ставръ *) молвить: ««А и нѣтъ нигдѣ такого удалаго молодца супротивъ Ставра: ѣдутъ ли онъ въ поѣздѣ богатырскомъ—не вѣтры въ поляхъ поднимаются, не вихри буйные крутятъ пыль черную, выѣзжаетъ сильный-могучъ богатырь Ставръ Путятинъ **) на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Анкудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горять, на бедрѣ виситъ мечъ кладенецъ, во правой рукѣ копьё булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку Шемаханскаго, на конѣ сбруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры преклоняются, зелены листы съ деревьевъ опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырской конь осержается, мечетъ изъ-подъ копытъ по стѣнной коннѣ, бѣжитъ въ полѣ—земля дрожитъ, изъ рта пламя валить, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую, конемъ вернуть—улица, копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи, мечемъ хватить—лежитъ тьма людей.»» Задумался Васька, держитъ онъ думу крѣпкую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкихъ, а самъ ни чѣмъ не похвально. А и тутъ посацкіе догадались, догадались-спохватились, встаютъ со скамьи, а сами молвятъ: ««Ты гои еси, дѣтище, Василій Буслаевичъ! Ты что по что приунылъ сидишь, что ни чѣмъ не хвалишься?»» Встаетъ Васька со скамьи, встаетъ—всѣмъ покланяется и держитъ отповѣдь: «На что мнѣ, молодцу, радоваться? Чѣмъ передъ вами похвалиться? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а осударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несмѣтныя, и то я не самъ добылъ: оставилъ мнѣ осударь батюшка; мои лѣта малыя, похвалиться мнѣ не чѣмъ; придетъ пора да время, и я буду похвалиться.» Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики

---

*) Сколько набралъ издатель богатырей изъ Кирилъ, и съ такими рѣчами, какихъ имъ никогда не вложилъ бы народъ!—О.

**) У народа „Годиновичъ.“—О.

посацкіе дивовалися, стали промежь себя перешептывать: «Зло держитъ Васька на сердцѣ.»» Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорятъ: «Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!»» Садятся мужики посацкіе за дубовы столы усмѣхаячись и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька—поклоняется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полныяна. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая и сталъ Васька похвалятися: «Глушые вы, неразумные, мужики посацкіе! Взять будетъ Василью Буслаевичу Новгородъ за себя, править будетъ мужиками посацкими на своей волѣ, брать будетъ пошлины даточныя со всей земли, съ лову заячьяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посацкіимъ будетъ лежать у ногъ моихъ!» Нелюбы стали мужикамъ посацкіимъ рѣчи спорныя, закричали всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище неудалое, незрѣлъ твой умъ: не бывать за тобой Новугороду, потерять тебѣ буйну голову. Не честь тебѣ съ нами жить, нѣтъ про тебя съ нами земли!»» Разгорается сердце молодецкое пуше прежняго, распаляется голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,»—отповѣдь держитъ Васька—«иду съ вами перевѣдаться!» Встаетъ Васька изъ за стола дубоваго, встаетъ—идетъ, не кланяется. И только видѣли его.

Собираются въ терема тайницкіе мужики посацкіе, думаютъ думу крѣпкую, пишутъ записи поручныя: ««Битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды *) по три тысячи на всякъ годъ.»» И на томъ мужики посацкіе руки подинали. Скоро спровѣдаетъ матера вдова, честна жена Амелоа Тимооеевна, что ея дѣтище похваляется словами неудальными, хочетъ битися со всѣми мужиками посацкіими; беретъ она золотое блюдо, насыпаетъ на него каменя самоцѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкіимъ и во слезахъ молвитъ рѣчи умильныя:—Нелзя стоять дѣтищу малому противъ всей силы Новгородской.—И кланялась мужикамъ посацкіимъ каменьями самоцѣтными, а кланявшися

---

*) Зыходы.—О.

ставила золото блюдо на дубовый столъ. Зартачились мужики посацкіе: ««Намъ не надобно злата и серебра, и каменя самоцѣтнаго: дорога похвальба Буслайченкова!»» На томъ и рѣчь ставили мужики посацкіе.

Не долая вода по лугамъ разлелѣялась, не бѣлы лебеди со водъ чистыихъ подымались: сходилися-собиралися мужики посацкіе, сходились на улицу на Рогатицу, собиралися ратью сильною противъ Васьки Буслаева. Втапоры матера вдова, честна жена Амелева Тимоооевна догадалася, схватила Ваську въ беремище, кидала въ погребъ бѣлокаменны, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Стучать мужики посацкіе въ ворота дубовыя, а отповѣди нѣтъ. И выбиваютъ они широки ворота изъ паты, валятся на широкъ дворъ ко крыльцу рѣшетчату. Втапоры на встрѣчу имъ выходитъ изъ избы приспѣшная дѣвка чернавка, малешенька-чернешенька, на плечѣ виситъ у ней коромыслицо, не тяжело, не велико — вѣсомъ въ триста пудъ, а сама кричитъ: — Охъ вы, мужики посацкіе, глупые-неразумные! Смѣтъ ли бы вамъ ходить на широкъ дворъ не сироваючи! Погоню я васъ съ широка двора! — За такое дурно учили мужики посацкіе бить дѣвку чернавку въ дубины вязовыя. За тѣ шутки неумѣстныя дѣвка осержается, бросаетъ ведра дубовыя, хватаетъ въ руки коромыслицо вязовое, гонитъ мужиковъ посацкіихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ разъ махнетъ, тамъ улица; гдѣ два махнетъ, тамъ улица съ переулочками. Побивала дѣвка тысячу, добиралась дѣвка до трехъ полковъ. Бѣлы руки примахались, коромыслицо изломалось, стало дѣвкѣ не въ мочь. Бѣжитъ дѣвка въ терема высокіе, кричитъ дѣвка: — Вы гой еси, богатыри могучіе! Нападаетъ вся сила Новгородская на Василья Буслаевича, разломала широки ворота, приступаетъ къ погребамъ бѣлокаменнымъ, хотять соимать буйну голову съ Василья Буслаевича.—Оомка Ременниковъ со Потанюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, а и говорятъ дѣвкѣ таковы рѣчи: ««Не сила то Новгородская нападаетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева: палетають то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ.»» А молвивши таково слово, Оомка со Потанюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховыя. Только ихъ и слышали. Завопила дѣвка пуще прежняго.

XXIII

Отъ того ли крика Васька пробуждается: онъ встаетъ—поднимается, на рѣзвы ноги опирается, бѣло-каменны погребѣ распадаются, желѣзны засовы ломаются, желты пески разсыпаются; онъ вскочилъ на широкъ дворъ: на дворѣ вся сила Новгородская. А и не было на Васькѣ сбруи ратныя, не попалась ему палица желѣзная, что попалась ему ось телѣжная: гонить ея Васька мужиковъ Новгородскихъ на улицу на Рогатицу. Бьются мужики съ Ваською, хочетъ Васька побить всѣхъ на голову. Махнетъ Васька на право—вся улица пуста; махнетъ на лѣво—въ переулочкахъ пусто. Ужь учаль побивать Васька третью тысячу. Приуныли мужики посацкіе, повѣсили буйны головы, идутъ въ терема тайницкіе, насыпаютъ злата и серебра, и каменья самоцѣтнаго, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелю Тимоеевнѣ. Клонятъ мужики посацкіе буйны головы предъ окошками косящатыми и молятъ во едину рѣчь: «Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелоа Тимоеевна! Прогнѣвали мы, люди глупые, тебя, осударыню, нагубили рѣчью грубою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несмѣтную, грозить извести весь Повгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на сѣмена.» И кланялись мужики посацкіе златомъ и серебромъ, и каменьями самоцѣтными. Отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелоа Тимоеевна съ нечестіемъ.

Вспомнили мужики посацкіе про Старчища Многолѣтища. Идутъ мужики посацкіе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бьютъ челомъ Старчищу Многолѣтищу и просятъ его во едину рѣчь унять шутки неудалыя Васьки Буслаева. А молвить имъ Старчище Многолѣтище:—Гой еси вы, мужики посацкіе! Побивалъ я рати сильныя, разорялъ грады крѣпкіе, а нонѣсь обуяли меня лѣта древнія, сижу я во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ. Не моеѣ старости унять шутки неудалыя Васильки Буслаева. — И на томъ ставилъ рѣчь свою Старчище Многолѣтище. И прошали мужики посацкіе его пуще прежняго. Старчище съ дубовой скамьи подымается, словно соколъ молодой воздымается, не беретъ онъ ни палицы булатныя, ни сбруи ратныя, а надѣваетъ на голову колоколъ во триста пудъ вѣсто шапочки. Идетъ Старчище Малолѣтище *) на улицу на Рогатицу. Добивалъ

---

*) Многолѣтище.—()

Васька третью тысячу, а добивши Васька бѣжить по улицамъ широкѣмъ. Стоитъ тутъ Старчище Многолѣтище, на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ во триста пудъ, безъ сбури ратныя, безъ палыцы булатныя. Кричитъ тотъ Старчище Многолѣтище:—А и стой ты, Васька, не попархивай, молодой глудзырь не полетывай: изъ Волхова воды не выпити, есть молодцовъ супротивъ тебя! Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалыя!—Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается, а молвитъ таково слово: «А и гой еси ты, Старчище Многолѣтище! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими опричь тебя, Старчища Многолѣтища: Въ задоръ войду, тебя убью!» И ударилъ Васька Старчища во колоколъ тою осью телѣжною: качается Старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится. Заглянулъ онъ Васька Старцу подъ колоколъ: а во лѣвъ глазъ ужъ вѣку нѣту. И проситъ Ваську Старчище Многолѣтище дать животь на успокаяніе. Поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію *).

Пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой, завидѣли его удалы молодцы, Оомка со Потанюшкѣй: у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идутъ въ терема тайниціе, пишутъ крѣпки записи: ««Быть Новугороду за Ваською Буслаевымъ.»» Насыпаютъ чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимооеевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ — поклоняются: ««Осударыня матушка! Пріямый ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молода Василья со дружиною. А и ради мы платитъ на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбнику, съ калачниковъ по калачику, съ молодцовъ повѣнчанное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей и со ремесленныхъ, опричь поповъ и дяковъ.»» И на томъ ставили рѣчь свою мужики посацкіе.

---

*) Этотъ исходъ у Чулкова и принять Сахаровымъ: Буслаевъ убилъ Старца и это-то обозначено словами—„во лѣвъ глазъ ужъ вѣку нѣтъ.“—О.

Втапоры матера вдова, честна жена Амелоа Тимооеевна опосы-
лаеть дѣвку чернавку привести Ваську со дружиною. И пошла та
дѣвка чернавка по Ваську, а идетъ дѣвка—запыхалася, нельзя дѣвкѣ
по улицѣ пройти: полтеи по улицѣ валяются отъ мужиковъ Нового-
родскіихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки,
учала ему разсказывати:—Не вѣдаешь ты, малое дѣтище, что пришли
мужики Новгородскіе, принесли они дороги подарочки и принесли
записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ
честной женѣ Амелѣ Тимооеевнѣ.—И на томъ дѣвка рѣчь свою ста-
вила. Ведетъ дѣвка Ваську со дружиною на широкъ дворъ, приво-
дитъ дѣвка Ваську къ зеленой вину.

И сѣли молодцы во единъ кругъ, выпивали по чарѣ зелена вина
съ того уразу молодецкаго. Кричатъ Оомка Ременниковъ со Пота-
нюшкой: ««У мота, у пьяницы, у молода Васьки Буслаева не ушито
не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, цвѣтна платья не уношено,
увѣчье на вѣкъ залѣчено *)!»» И повелъ Васька молодцовъ ко осу-
дарынѣ своей матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ
Тимооеевнѣ. Втапоры мужики посацкіе клали записи поручныя на
буйны головы, приносили дороги подарочки, вдругъ сто тысячей. И
съ той поры мужики посацкіе поклонилися, поклонилися—сами по-
корилися.

(«Русск. нар. сказки», Сахарова, 1841 г.).

* *
* *

---

*) Такъ, обличая свой источникъ, ошибочно исправляетъ Сахаровъ выра-
женіе изъ сборника Кириши; см. въ пѣсняхъ.—О.

II.

СКАЗКА

про Новгородца Акундина и Князя Глѣба Ольговича *).

Снизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ стары годы прежніе жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный. Живали старики не по нашему, не по нашему—но заморскому, а по своему—православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздольное. Вставали ранымъ раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣриныхъ на добры дѣла. Старики судъ рядили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодые молодіцы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя старушки судили-рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на Великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то было поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того.

Какъ во старомъ было городѣ, братцы, во Новгородѣ, какъ во томъ ли во Новгородѣ жилъ Акундинъ молодецъ, а и тотъ ли

---

*) О значеніи этой сказки, еще болѣе испорченной, чѣмъ предыдущая, см. въ „Замѣткѣ.“—О.

XXVII

Акундинъ, молодой молодецъ, былъ со посадской стороны, со посадской стороны, со торговой. Ужь и онъ ли, Акундинъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ, а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, во Москвѣ побывать? Садится Акундинъ на суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовые, кладетъ весельца кленовые во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волахъ по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. На ту пору Акундинъ пробуждается ото сна, а самъ съ собой думу думаетъ: «А и что то за городъ? А и что то за люди?» Подумавши Акундинъ подымался въ нарядъ со суденышка на крутъ бережокъ. Какъ во ту пору на встрѣчу ему идетъ Калѣчище Перехожій.—Богъ на помощь и добрый путь молодцу заѣзжему!—говоритъ Калѣчище Перехожій. «Спасибо тѣ на ласковомъ словѣ,» молвитъ Акундинъ. И били челомъ другъ другу. А бивши челомъ, спрошалъ Акундинъ его Калѣчища: «А и что то за сторона? А что то за городъ? А и что то за люди?» И молвитъ Калѣчище:—Сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а править тою стороною столыный князь Олегъ; а что городъ-то поселенъ по Окѣ по рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжить Рязанскаго роду князь, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ; а люди-то Рязанцы, его молода князя Глѣба Олеговича слуги исконныя.—«Такъ!» молвилъ Акундинъ, да и задумался, а задумавшись говоритъ себѣ рѣчь невзначай: «А кабы ты широкую сторону Рязань, и со молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ, и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду?» Во ту пору Калѣчище слушалъ его слова неудалыя, а самъ себѣ держитъ на умѣ:—Не корыстна сторона для Новагорода: кабы Рязань не полонили злы Татарове, кабы Рязань не обложили данью великою, постояла бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду.—А и мало время помѣшавши, беретъ Калѣчище Акундина за его бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, поодавъ крута бережка, и ставитъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а становивши на высокъ курганъ говорилъ таковы рѣчи: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на городъ

XXVIII

Ростиславль, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется во городѣ во Ростиславль?—Какъ глянулъ Акундинъ во городѣ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича стоятъ посередь торго, хотять войной городъ отстоять, да силы нѣтъ войной стоять. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу, такъ тутъ Калѣчище не вспозналъ, что и дѣлать. «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича,» говоритъ Акундинъ, «войной стоять.» А и тутъ молвить Калѣчище Перехожій: — Погляди-ко, молодой молодецъ, на Оку рѣку, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется въ Окѣ рѣкѣ?—Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветь чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, спиною валить круты берега, а самъ все просить стару дань. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, такъ и знай себѣ говорить: «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича войной стоять!»

Во ту пору Калѣчище беретъ Акундина за его бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, во чисто поле, а приведши во чисто поле ко крутой горѣ, молвить таково слово: — Ты гои еси, доброй молодецъ изъ Новагорода! Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ величать тебя по изотчеству? — На тѣ ли рѣчи спросенныя возговорить Акундинъ: «Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня, молодца, Акундинъ Акундинычъ.» — Тебя-то, Акундинъ Акундинычъ, я ждалъ тридцать и три года, съ крута бережка не сходячи, а и думалъ тебя вѣкъ не видать.—И тутъ Калѣчище скидалъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ на себя платье посадничье, а самъ вымольвлялъ рѣчи вѣстныя:—Ты гои еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Спознай своего дядюшку родимаго, Замятю Путятича: а вѣдъ и мой-то братъ, Акундинъ Путятичъ, былъ тебѣ родимый батюшка. Не влюбили люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго, а правилъ, вишь, ими не такъ. Какъ не влюбили твоего батюшку родимаго, какъ порѣшили сгубить его съ родомъ съ племе-

XXIX

немъ, такъ и не стало знать Акундина Путятича: сокрушили его со всѣмъ домою. Со той поры не взмилось мнѣ на посадничествѣ сидѣть, и придумалось мнѣ до Кіева дойти; со той поры, во тоскѣ во кручинѣ, горе гореваньицею качу, тебя, мое милое дѣтище, дожидаячи. А и вотъ тебѣ мечъ кладенецъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а и вотъ тебѣ калена стрѣла твоего батюшки родимаго. Акундина Путятича; а вотъ тебѣ тугой лукъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича. — Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ раставатися. Видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися. Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣлымъ свѣтомъ раставатися, и учалъ отповѣдь чинить:—А и гой еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Какъ и будешь ты во славномъ во Новѣ-городѣ, и ты ударь челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему Новугороду: «А и дай же то Боже, тебѣ ли, Нову-городу, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать, какъ и быть ли тебѣ, Нову-городу, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богачествѣ! — Какъ переставился Замятня Путятичъ, и туто Акундинъ схоронилъ его во сыру землю, а самъ пошелъ войной стоять за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича.

Во ту пору змѣй Тугаринъ спалъ-почивалъ. А приплылъ онъ, Тугаринъ, отъ Калуги по Окѣ по рѣкѣ, и приплылъ онъ, Тугаринъ, ко городу Ростиславлю за старою данью. Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ задумалъ женитися, а приговорилъ взять себѣ жену изъ роду княжова, у стольнаго князя у Рязанскаго, у Олега Ивановича, его молодую дочь Настасью Олеговну. А и не думалъ и не ждалъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такой бѣды на свой городъ Ростиславль. Да и запросилъ же онъ, злодѣй Тугаринъ, старую дань за всѣ годы старыя, а дань-то всей насчитывали старыя люди съ три осмипныхъ мѣшка съ чистымъ золотомъ, съ чистымъ серебромъ, со камнями самоцвѣтными. Сидитъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во своемъ терему думу думаячи, бѣду отбываячи. И жаль-то стало ему и молодую княжну Настасью Олеговну, и своихъ исконныхъ слугъ Ростиславичей. Коли дань платить, такъ и свадьбѣ не быть. Во ту пору приходитъ во его высокъ теремъ, ко молодой

князю Глѣбу Олеговичу, старый посадникъ Юрья Микитичъ, и бьетъ ему старый посадникъ большимъ челобитыищемъ, а самъ вымолвляеть таковы рѣчи: ««Ты гой еси, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, наше свѣтлое солнышко! Не прикажи рубить-казнить, а прикажи слово вымолвить?»» И билъ на томъ челомъ молодую князю старый посадникъ. Какъ возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ:—А и гой еси ты, старый посадникъ Юрья Микитичъ! Не придумалъ ли ты ду-мушки, какъ бѣду отбыть? — ««Не кручинься, нашъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ,»» молвилъ Юрья Микитичъ. ««Велика Божья милость до вѣку, сильны твои исконныя слуги по всей землѣ. Отбывали въ старину не тѣ бѣды великія, а эта бѣда не бѣда. Повели только посла снарядить съ хлѣбомъ съ солью да съ ласковымъ словомъ, и дѣло уладится.»»—Будь по твоему, какъ придумала голова твоя умная,—молвилъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. И билъ челомъ молодую князю на ласковомъ словѣ старый посадникъ Юрья Микитичъ.

Идетъ—не идетъ старый посадникъ Юрья Микитичъ на площадь. Шуба-то на немъ соболиная во сто рублевъ, а то данье старого князя Олега Олельковича; шапка-то на немъ корабликомъ во двадцать рублевъ, а то даанье старой княгини Настасьи Ивановны; какъ на шубѣ-то пуговицы валящаты серебряны во десять рублевъ, а то даанье молодца князя Глѣба Олеговича; какъ на стару посаднику, у того ли Юрья Микитича, гривна золотая, что и цѣны ей нѣтъ, а то даанье стольнаго князя Рязанскаго Олега Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича камка Цареградская, что и цѣна-то ей у молодца князя въ казнѣ, а то даанье стольнаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича обошелъ поясъ узорчатой со камнями, что и цѣна-то ему у молодца князя въ казнѣ, а то даанье молодой княжны Рязанской Настасьи Ивановны. Какъ сталъ старый посадникъ Юрья Микитичъ посередъ площади во своемъ ли во нарядѣ, а ставши на всѣ стороны поглядываетъ, сѣду бородушку поглаживаетъ, а самъ ни словечка не молвить.

Во ту пору Старчище у княжа двора бьетъ во набать, а пробивши одинъ разъ бьетъ и въ другой, а пробивши въ другой разъ бьетъ и въ третій. Во ту жь пору бирючи кличь кликали по всему городу

по Ростиславлю. Идетъ міръ крещеный, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Какъ увидалъ старый посадникъ Юрья Микитичъ народъ Божій вокругъ себя, такъ и давай кланяться на все стороны, а кланявшись сталъ слово вѣстное говорить: ««А и гой еси вы, неконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Вѣдомо вамъ стало, что подѣ нашъ столыный градъ Ростиславль пришелъ войной лютой змѣй Тугаринъ за старой данью?»» На его-то слово вѣстное, стара посадника Юрья Микитича, били челомъ старъ и младъ, и говорили все во едину рѣчь:—Вѣдаемъ, родимый, бѣду неминучую, и что придумаетъ твоя голова умная, такъ тому и быть.—Тутъ старый посадникъ Юрья Микитичъ пріосамился, да и сталъ грозну рѣчь говорить: ««А и гой еси вы, неконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Ваши-то стары старпки силы не спрашивали, сами бѣды отбывали. Да за то и жаловалъ ихъ старый князь. Какъ сѣлъ на столѣ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такъ вы и головушки не клоните, какъ отбыть бѣду неминучую. Али вамъ лучше въ ордѣ жить полоняниками? Не хочу болѣй носадничать и печаловать міромъ крещенымъ!»» И молили люди посадскіе его, стара посадника Юрья Микитича, порады и печаловаться за міръ крещеный. И тутъ молвилъ имъ Юрья Микитичъ: ««Ну, инъ быть такъ! Стану по старому носадничать, отбуду бѣду неминучую. Только слушайте, люди посадскіе: снарядитъ казну княжую, да пристроить хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину!»» На ту-то рѣчь грозную стара посадника Юрья Микитича били челомъ старъ и младъ, и говорили все во едину рѣчь:—Снарядимъ тѣ, родимый, княжую казну, пристроимъ хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину, только отбудь бѣду неминучую!—И на томъ кланялись Ростиславичи.

Бьетъ Старчище у князя двора во набать, а бывши растворялъ тесовы ворота на обѣ стороны, а самъ сталъ на особицу. Во ту пору идетъ—не идетъ со красна крыльца княжова старый посадникъ Юрья Микитичъ пословъ рядить. Бирючи по городу разбѣгались, а сами кличутъ кличъ на княжой дворъ. Идетъ міръ крещеный изъ всехъ домовъ, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Идутъ на княжой дворъ послы наряженные съ хлѣбомъ-солью. А молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во високомъ теремѣ сидитъ, думу думаячи, бѣду отбываячи: вишь жаль ему стало неконныхъ слугъ. Какъ собрался народъ Божій на княжой дворъ, и старый посадникъ Юрья Микитичъ

посламъ наряженнымъ сталъ наказъ чинить: «Гой еси вы, послы наряженные! Повелѣлъ вамъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ пойти съ хлѣбомъ-солью челомъ бить люту змѣю Тугарину и словомъ ласковымъ миръ урядить. Коли будетъ миръ да любовь со Тугаринымъ, напишите записи поручныя; коли дѣло пойдетъ на брань, киньте грамоты размѣтныя. А ино все будетъ по старому, а дани не дадимъ!»»

Бьетъ Старчище у княжа двора во набать. Идутъ послы наряженные изъ городу. Во ту пору лютый змѣй Тугаринъ пробуждается, а самъ на городъ посматриваетъ:—Коли честию старой дани не дадутъ, такъ ужъ весь городъ затоплю!—Подходить послы наряженные ко круту бережку, не дошедши до крута бережка бьютъ Тугарину большімъ челобитьемъ, а сами молвятъ: ««Ты гой еси, воевода грозенъ змѣй Тугаринъ! Не топи нашъ стольный городъ Ростиславль, а прійми хлѣбъ-соль отъ молода князя Глѣба Олеговича, да подари словомъ привѣтливымъ пословъ наряженныхъ!»»—Давно бы такъ!—возговорить Тугаринъ,—спасибо на хлѣбѣ и на соли молоду князю Глѣбу Олеговичу; спасибо и на большомъ челобитьицѣ посламъ наряженнымъ! — И принималъ Тугаринъ отъ пословъ наряженныхъ хлѣбъ-соль молода князя Глѣба Олеговича, а принявши съѣлъ за единъ разъ.—Коли вы послы наряженные,—молвилъ Тугаринъ,—присланы миръ урядить, такъ урядимъ первую рѣчь о старой дани.—Кланялись послы наряженные, а кланявшись говорили во едину рѣчь: ««Миръ готовы урядить: на то мы и послы наряженные, а дани не вѣдаемъ за собой.»»—Какъ вы, смерды Ростиславичи, дани за собой не вѣдаете?—заговорилъ грозну рѣчь змѣй Тугаринъ;—припомните-ка по записямъ поручнымъ, сколько потягло за вами?—И тому-то слову изоймаючи, выступаетъ дьякъ Чоботокъ на особицу, да развернулъ записи поручныя и по тѣмъ записямъ свелъ, что долгъ съ Ростиславичей изстари поконченъ, и отъ дани также слобождены на всѣ вѣки грядущіе. И на томъ дьякъ Чоботокъ ставилъ свою рѣчь. Да ту жъ рѣчь опослѣй вымолвляли и послы наряженные.—Ой вы, смерды Ростиславичи! Позабыли все старое,—говорилъ посламъ наряженнымъ змѣй Тугаринъ;—знаю я, сколько за вами приходится старой дани; знаю я, сколько потягло дани за вашими отцами; знаю я, сколько приряжено дани за вашими дѣдами, опричь того старой голдовщины и мостовщины съ Оки рѣки, что идетъ въ Золоту орду.

XXXIII

Ужь коли миру быть, такъ насыпьте всё три мѣшка съ краями полными *) полны. И вы насыпьте во единъ мѣшокъ чиста золота, —то дань за себя; и вы во другой мѣшокъ кладите чиста серебра, —то дань за вашѣхъ отцовъ; и вы во третій мѣшокъ уберите каменьевъ самоцвѣтныхъ. —то дань за вашѣхъ дѣдовъ. Безъ того и миру не быть. Ужь коли рать поведу, то затоплю вашъ городъ Ростиславль, погублю вашъ родъ со дѣтьми и внучатами, а женъ вашихъ въ орду продамъ! — На тѣ угрозы небывалыя послы наряженные не знали не вѣдали. какой отвѣтъ чинить. Одинъ дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ, онъ догадавшись просилъ у змѣя Тугарина показать мѣшки во городѣ во Ростиславль: да потомужъ ему нужно вымѣрять, кому сколько придется со двора насыпать въ мѣшки. —А и ты-то посолъ, а и ты-то умная голова, а и тебѣ-то даю мѣшки! —говорилъ Тугаринъ дьяку. На тѣ-то рѣчи посульные дьякъ и руки протянулъ, и мѣшки прибралъ. «Ладно,» думаетъ дьякъ про себя: «безъ мѣшковъ-то не во что будетъ и дани собирать. Скорѣй бы ихъ въ банѣ сжечь. да на вѣтеръ пустить.» И вопрошали послы наряженные его, змѣя Тугарина: коли не хочетъ безъ дани миръ урядить, ино бы размѣняться и граматами разметными? А змѣй Тугаринъ молвить имъ: —Кабы вы присланы были не послами уряжешими, такъ бы васъ всѣхъ съѣлъ за единъ разъ! —И клали послы гранаты разметныя на кругъ бережокъ, а клавши приговаривали: ««А будь на порушитель въ записи поручной судъ Божій!»» И тѣмъ-то рѣчамъ змѣй вѣры не ималъ: онъ злодѣй держится еретичествомъ.

Идутъ послы ко городу, ворота растворяются, входятъ послы на княжой дворъ, бѣетъ Старчище во набатъ. А и туто на княжомъ дворѣ встрѣчалъ ихъ, пословъ наряженныхъ, старый посадникъ Юрья Микитичъ. Ему-то послы наряженные били челомъ и повѣдали рѣчи отъ змѣя Тугарина. На ту пору дьякъ Чоботокъ клалъ три мѣшка предъ старыимъ посадникомъ предъ Юрьемъ Микитичемъ, а положивши говорилъ свою рѣчь: «А и выманилъ я тѣ мѣшки у змѣя Тугарина, во что онъ, собака. дань собираетъ: а безъ нихъ-то онъ,

---

*) Полнымъ?—О.

собака, не будетъ знать, сколько со города Ростиславля дани потягло.» И на той своей рѣчи Чоботокъ билъ ему, посаднику, болѣшимъ челобитьищемъ. Какъ глянулъ старый посадникъ на тѣ три мѣшка, такъ отъ страха и не вѣсть, что съ нимъ содѣялось: вишь жаль ему стало княжой казны. ««А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ!»» кричитъ старый посадникъ Юрья Микитичъ. ««А и ты то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринымъ держишься еретичества; а и знаю я, какъ тебе со бѣла свѣта согнать! А и берите вы, люди посадскіе, того дьяка за его бѣлы руки, опускайте вы того дьяка во всѣ три мѣшка, а и несите вы того дьяка ко змѣю Тугарину!»» По сказанному, какъ по писанному, хватали его, дьяка, подѣ бѣлы руки, опускали его, дьяка, во всѣ три мѣшка, и понесли его, дьяка, ко змѣю Тугарину. Какъ принесли его, дьяка, ко круту бережку, какъ заглянули Тугарину во глаза, такъ и дай же то Боже ноги бѣжать. И онъ, дьякъ Чоботокъ, на ту пору догадливъ былъ: давай мѣшки глотать, свѣту Божьяго искать. Какъ проѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И увидалъ онъ, дьякъ Чоботокъ, крутъ бережокъ, а возлѣ бережка змѣя Тугарина, да и давай себѣ молить: «Гой еси ты, дядюшка, змѣй Тугаринъ молодой! А и послушай мое челобитьице не малое: а и злой-то посаднище, старой Юрья Микитища, не соизволяетъ тебѣ платить стару дань: ужъ и онъ ли, старой Микитища, насмѣячись надъ тобой, завязалъ меня, дьяка, во всѣ три мѣшка, будто за твои, дядюшка, грѣхи; а и били меня, колотили меня, все, родимый дядюшка, за тебя; а ты, де, дьякъ, съ Тугаринымъ за одно.» И не вѣсть, что дьякъ причитывалъ, а Тугаринъ про то не зналъ, не вѣдалъ. И вставалъ Тугаринъ на крутъ бережокъ, приподнималъ дьяка во мѣшкѣ, а самъ себѣ молвить:—А и что то за дань во мѣшкѣ? Ни то чисто золото, ни то чисто серебро, ни то каменья самоцвѣтныя.—Какъ развязалъ Тугаринъ мѣшки да заглянулъ туда, а тамъ дьякъ сидитъ, а самъ слезно плачетъ.—А и той дани не надо мнѣ, а и та дань на смѣхъ мнѣ!—кричитъ змѣй Тугаринъ. И туто Тугаринъ пыталъ его дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича золотой казны?—И на то-то дьякъ молвить: «Ай право скажу, ничего не утаю: лишь вынь, дядюшка, изъ мѣшка!»—Туто Тугаринъ вынималъ его,

дьяка, изъ мѣшка, и ставилъ его на особицу. «Золотой-то казны,» возговорить дьякъ, «у молода князя Глѣба Олеговича смѣты нѣтъ, а та золота казна во высокомъ теремѣ, въ золотомъ ларцѣ лежитъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища: а сколько тамъ золотой казны, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича каменьевъ самоцвѣтныхъ?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, сойди въ Оку рѣку да уйми крутоярыя волны!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ сходилъ съ крута бережка въ Оку рѣку да уймалъ крутоярыя волны. «Каменьевъ самоцвѣтныхъ у молода князя Глѣба Олеговича,» говорилъ дьякъ, «смѣты нѣтъ; а тѣ каменья самоцвѣтныя во высокомъ теремѣ, во золотомъ ларцѣ лежатъ; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ каменьевъ самоцвѣтныхъ, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича силы ратной?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку рѣку да достань бѣлосыпучаго песку!» И туто Тугаринъ послушливъ былъ: онъ окунался въ Оку рѣку, доставалъ бѣлосыпучаго песку, а доставши подавалъ дьяку. «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича:» и учалъ дьякъ бѣлосыпучій песокъ по полю розсыпать, а самъ отъ крута бережка утекаючи, ко городу Ростиславлю убѣгаючи. А змѣй-то Тугаринъ думаетъ не то: онъ чаялъ силу ратную сочестъ, а дьякъ себѣ на умѣ, кабы живу домой уйти. И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. И дьякъ Чоботокъ ко городу прибѣгалъ, въ тесовы ворота стучалъ, а самъ приговаривалъ: «Ай, братцы, чустите скорѣй! Ай, родимые, растворяйте ворота! Смилился Тугаринъ злодѣй: хочетъ онъ, собака, миръ урядить.» На его ли слова вѣстныя тесовы ворота растворялися. Входить онъ, дьякъ, на княжой дворъ, а и бѣетъ онъ, дьякъ, большіимъ челобитыицемъ: «Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пошли посломъ стара посадника Юрья Микитища ко змѣю Тугарину: хочетъ онъ змѣй миръ урядить.» На ту ли рѣчь нежданую выходить со красна крыльца старый посадникъ Юрья Микитичъ, а самъ грозну рѣчь говорить:

«А и зелье ты злое, старый дьякъ! А и тебе-то, дьяка, змѣй не беретъ!» И молилъ его дьякъ выслушать словеса посольскія, а самъ знай себѣ бьетъ большія челобитьица. И туто воевода нріосамился, а дьякъ Чоботокъ правилъ ему словеса посольскія: «Отъ грознаго воеводы змѣя Тугарина слово милостивое стару посаднику Юрью Микитичу; бьетъ челомъ змѣй Тугаринъ ему, посаднику, до земли и шлетъ ему, посаднику, слово вѣстное: не надо мнѣ ни чиста золота, ни чиста серебра, ни каменьевъ самоцвѣтныхъ: а и знаю я тебя за добра человека; а ты ли одинъ славенъ въ ордѣ! Супротивъ стара посадника Юрья Микитича нѣтъ никого; а и съ нимъ-то я миръ поряжу, стару дань слажу; а и пускай онъ самъ о себѣ принесетъ записи поручныя.» И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что то дьякъ его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ: пулы беретъ, на суды суды ведетъ.

Вотъ и пишетъ онъ, посадникъ, записи поручныя, а самъ наряжается во большой нарядъ, да и идетъ ко змѣю Тугарину самъ о себѣ. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ издавеча, такъ и давай себѣ говорить:—А и знаю я, то старый дьякъ идетъ; а и онъ-то опять хочеть въ обманъ ввести, надо мною, змѣемъ, насмѣхаючись.—Во ту пору приходитъ старый посадникъ Юрья Микитичъ, становится на крутъ бережокъ, а самъ вымолвляеть словеса посольскія, не бивши змѣю челомъ: «Отъ стара посадника Юрья Микитича слово великое тебѣ ли, змѣю Тугарину; повѣдалъ ты, змѣй Тугаринъ, дьяку, что придумалось тебѣ, Тугарину, миръ урядить, буде старый посадникъ Юрья Микитичъ придетъ самъ о себѣ. Ино ты доброе дѣло задумалъ. А и я-то, старый посадникъ Юрья Микитичъ, а и я-то принесъ записи поручныя.» На тѣ-то слова посадничьи змѣй вѣры не ималъ; а и онъ-то змѣй знай себѣ говоритъ:—А и знаю я, что ты старый дьякъ; а и тебѣ въ обманъ не дамъ; а и будетъ того, что на нервомъ разу неправдой ушелъ! — И туто его, стара посадника, змѣй Тугаринъ съѣлъ за единъ разъ. И дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ былъ: онъ злодѣй во воротахъ за Старчица стоялъ да на стара посадника глядѣлъ. Какъ, де, завидѣлъ онъ, дьякъ, что змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай себѣ кричать: «Ай, батюшки, бѣда! Ай, родимые, бѣда! Не стало нашего

XXXVII

стара посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ, ужь его ли, родимаго, змѣй Тугаринъ съѣлъ! А и что мы, сироты, будемъ безъ него?» И его дьячьи слова скоро во высокъ теремъ дошли, ко молоду князю Глѣбу Олеговичу. А никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не знаетъ, что то дьячья стрешня, стара дьяка Чобота.

Бѣеть Старчище у княжа двора во набать. Бирючи по городу разсыпалися, сами кликали кличъ на княжой дворъ. И туто молодой князь Глѣбъ Олеговичъ выходилъ изъ высока терема на свой княжой дворъ рядъ рядить, міромъ править. Какъ сталъ онъ, молодой князь, на свое мѣсто показанное, и во ту пору всѣ князья и бояре и весь міръ крещеный становился въ ряды: стары люди къ старикамъ, молодые молодцы къ молодцамъ, а князья и бояре тожь по себѣ. И били князю челомъ. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Гой еси вы, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Не стало нашего стара посадника Юрья Микитича на бѣломъ свѣтѣ. Ужь вы сами, князья и бояре, придумывайте, какъ бѣду отбыть.» На его слова, молода князя Глѣба Олеговича, князья и бояре и весь міръ крещеный били челомъ, а бивши челомъ говорили всѣ во едну рѣчь: «Вѣдаемъ, свѣтлое наше солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ, про стара посадника Юрья Микитича, что его на бѣломъ свѣтѣ не стало. Не кручинься и не печалуйся ты, наше свѣтлое солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пойдемъ всѣ войной, отъ стара до мала, на змѣя Тугарина, и положимъ всѣ свои животы за тебя, наше свѣтлое солнышко!» И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Снасибо вамъ, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Порадѣю за васъ на своемъ столѣ. Коли войной бѣду отбывать, такъ и я иду съ вами!» И били челомъ всѣмъ міромъ молоду князю Глѣбу Олеговичу.

Бирючи по городу разсыпалися, кликали кличъ на большу войну. Напередъ идетъ ко княжу двору стрѣleckая дружина, со топорами, со рогатинами, да со большіими копьями; а за ними шли стары старики, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; а далѣй шли молодые молодцы всѣ во ратныхъ доспѣхахъ: со стрѣлами, со колчанами, да со большіими мечами. Какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, одно-

рядочки шелковы, всё узорчаты; какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, шапочки поярковы, всё корабликами; какъ у нихъ ли, молодыхъ молодцовъ, спѣхи ратны словно жаръ горять. Какъ и тѣ ли, молодые молодцы, головкой помахиваютъ, шапочки побрасываютъ, а сами говорятъ: «А и дай же то Боже, супостата поборать, за молодца князя постоять! У насъ ли молодой князь Глѣбъ Олеговичъ воеводою большой, наряжался во походъ со тремя полками. Какъ во первомъ-то полку все дружина удалая, стары копейщики. Какъ и первой-то полкъ ведетъ самъ боярской сынъ, молодой стрѣлецъ; какъ и второй-то полкъ ведетъ самъ княженецкой сынъ, молодой боецъ; какъ и третій-то полкъ ведетъ старый бояринъ, стрѣлцкая голова. Какъ у тѣхъ ли у полковъ ѣдетъ напередъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. Порадѣйте, братцы молодцы, супостата поборать, за молодца князя постоять!» Сходилася-собиралася рать ко княжу двору. Какъ и ту ли рать уряжалъ старый бояринъ, стрѣлцкая голова. Предъ нимъ дьякъ читаетъ грамотки урядныя, кому быть головой во первомъ полку. Доставалось быть головой сыну боярскому, тому сыну боярскому Данилѣ Ивановичу. Какъ доставалось быть головой во старомъ *) полку сыну княжецкому, тому Микитѣ Ивановичу, молодому бойцу. Какъ во третій полкъ приговорилъ быть себѣ старый бояринъ, стрѣлцкая голова, онъ ли Нежданъ Борисовичъ. И становилъ онъ, старый бояринъ, всё полки на особицу: напередъ урядилъ большой полкъ старыхъ стрѣльцовъ; далѣй того выводилъ середній полкъ молодыхъ молодцовъ; а послѣй того становилъ сторожевую рать старыхъ стариковъ. У большова-то полка, что у знамечка стрѣлцкова, стоялъ молодой княжецкій сынъ, то наименьшій сынъ стара князя Олега Омельковича. А урядивши рать, во терема высокіе пошелъ старый бояринъ къ молодцу князю Глѣбу Олеговичу вѣсть подать. Бьетъ Старчище во большой набать. Идетъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ изъ высока терема, садится онъ на крутояраго **) коня. Конь подъ нимъ воздымается выше лѣсу стоячева, выше облака ходячева; а и молодой князь бьетъ того коня по крутымъ бедрамъ: конь подъ нимъ смиряется, клонитъ голову до земли, а самъ копытомъ въ землю бьетъ. Какъ на молодцу ли князю на Глѣбу Оле-

---

*) Во второмъ?—**) Любопытный эпитетъ, нигдѣ у народа не встрѣчающійся.—О.

говичу былъ ратный сбруй, богатырской: колчанъ съ каленой стрѣлой, дѣдовской, да мечъ кладенецъ его батюшки родимаго. И повелъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, на войну рать стрѣleckую, да другу рать молодыхъ молодцовъ; а третью рать старыихъ стариковъ урядилъ во городѣ сидѣть; а городомъ вѣдать указалъ ли тому старому боярину, стрѣleckой головѣ Неждану Борисовичу.

Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну. Какъ прочуялъ змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ. Широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змѣя войной воевать. Широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать. На широкіихъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода взошла. На ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ догадливъ былъ: онъ вынималъ изъ колчана калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую, а самъ приговаривалъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да прямо во Тугарина! Ты угоди, моя калена стрѣла, во его во правой глазъ! Ты прострѣли, моя калена стрѣла, его недобрый глазъ!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во правой глазъ. Отъ того ли боя великаго, отъ того ли стрѣла могучаго не стало права глаза у Тугарина, того ли глаза недобраго.—А и знаю я, чья та недобрая стрѣла, а и знаю я, кто ту недобру стрѣлу пускалъ, — возговорить Тугаринъ. — И ты, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, не води рати на меня: погублю тебя во твоей молодости, уведу во полонъ твою молодую княжну Настасью Ивановну во ту ли Золоту орду! — На его-то змѣя слова извѣстные молодой князь Глѣбъ Олеговичъ ни словечушка не молвить, ни отвѣди не чинить. Только молодые молодцы сабелями помахиваютъ, его Тугарина на смертну рать зовутъ. И туто стрѣleckа рать въ обходъ пошла, Тугарина полонить, его, змѣя, живота лишить. На ту пору Тугаринъ догадливъ былъ: онъ Оку рѣку переймалъ, на стрѣleckу рать пускалъ; и стало стрѣльцамъ не въ мочь.

Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря въ широкомъ полѣ растилася: а выходилъ то молодой Акундинъ. И

видитъ онъ, Акундинъ, что Рязанцамъ стало не въ мочь, и припало у него, Акундина, желанье постоять войной за молода князя Глѣба Олеговича. Соизаесть онъ, Акундинъ, съ крута бедра свой мечъ кладенецъ, беретъ съ могуча плеча свой тугой лукъ, а достаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Натягиваетъ тетивочку шелковую, а самъ приговариваетъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да во того ли змѣя Тугарина, да во его ли буйну голову! Ты разбей, разбей, моя калена стрѣла, буйну голову Тугарина!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во самую буйну голову. И во ту пору онъ, собака Тугаринъ, догадливъ былъ, и онъ учалъ молить: — А и гой еси ты, молодой Акундинъ изъ Нова-города! А и бери ты сколько хошь золотой казны, а и бери ты болѣй того каменьевъ самоцвѣтныхъ, лишь возьми, возьми свою калену стрѣлу: а и твоя-то калена стрѣла сгубила меня, молодца, до вѣку. — И его-то, Тугарина, онъ, Акундинъ, не слушаетъ; и его то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ, а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымались. И беретъ онъ, Акундинъ, мечъ кладенецъ, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.

Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ съ диву дивовался. а самъ со боярами говорить: «А и что то за невѣдомъ человекъ? А и какъ Ока рѣка въ круты берега собиралася? А и какъ змѣя Тугарина на бѣломъ свѣтѣ не стало? Не ужь-то и бѣда миновала надъ стольнымъ нашимъ городомъ?» И посылаетъ онъ посла къ Акундину, а велитъ ему, послу, спросить: «Ты скажи, невѣдомъ человекъ: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя по имени и какъ величать тебя по изотчеству?» А допросивши, молвить: «Молодой князь Глѣбъ Олеговичъ бьетъ тебѣ, молодцу, большіимъ челобитьцемъ,» а справивши большое челобитье звать его, молодого молодца, во высьокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыхъ лебедей рушать. Идетъ посолъ къ Акундину, а не дошедъ покланяется, а самъ исправляетъ словеса посольскія: «Отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича къ тебѣ, молодцу, слово великое; повелѣлъ стольный князь Глѣбъ Олеговичъ тебя спросить: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя, молодца, по имени и какъ величать тебя, молодца, по изотчеству?» И на ту

рѣчь посольскую Акундинъ отвѣдь чинить: — А и спасибо стольному князю Глѣбу Олеговичу на его словѣ ласковымъ, а и про его спрость я самъ скажу. — И справлялъ посолъ ему, Акундину, большое челобитьице, и звалъ его, молодого молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыхъ лебедей рушать. Идетъ онъ, Акундинъ, ко городу ко Ростиславлю. Тесовы ворота растворяются, а на встрѣчу ему выходитъ весь міръ крещеный да со большѣмъ челобитьицемъ. Входитъ онъ, Акундинъ, на княжой дворъ, а туто ему князья и бояре правятъ большое челобитьице отъ молода князя Глѣба Олеговича, и ведутъ его, Акундина, во высокъ теремъ за его бѣлы руки. Входитъ онъ, Акундинъ, во высокъ теремъ, и туто ему, Акундину, велику славу поють. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Ты скажи, скажи скорѣй, молодой молодецъ: какъ зовутъ тебя по имени и какъ величаютъ по изотчеству?» На то-то слово привѣтливое вымолвляетъ Акундинъ: — Родомъ я изъ Новгорода, со посадской стороны; зовутъ меня Акундинъ Акундиничь. — А молвивши, билъ Акундинъ князю челомъ. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ бѣють тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкій съ хлѣбомъ-солью: ««Ты прійми, прійми, добрый человекъ, большое челобитьице отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подноситъ ему, Акундину, хлѣбъ-соль. И кланялся Акундинъ всему міру крещеному, всѣмъ исконнымъ слугамъ на хлѣбъ на соли. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ бѣють тебѣ, молодому молодцу, челобитьицемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ выходитъ тысяцкій со шубой соболіною: ««Ты прійми, прійми, добрый человекъ, большое челобитьице отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подноситъ ему, Акундину, шубу соболіную. И кланялся всѣмъ князьямъ и боярамъ, всѣмъ исконнымъ слугамъ, на даръ великомъ, на шубѣ соболіной. И возговоритъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «За твои ли услуги великія жалую тебя, молодого молодца, цѣною золотой со гривною.» На тѣ-то слова княженецкія выходитъ тысяцкій со цѣною золотою и со гривною: ««Ты прійми,

прійми, добрый человекъ, большое жалованье отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича.» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, золотую цѣпь со гривною. И кланялся Акундинъ большіимъ чело-
 битыицемъ на великомъ жалованьицѣ молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Не вели рубить-казнить, а вели слово вымолвить: велика милость Божья до вѣку, широко твое княжене Рязанское отъ Оки рѣки до Дону глубокаго, вѣрны твои слуги исконныя на всей землѣ, велико твое княженецкое подаренье! Не мнѣ, Акундину, носить цѣпь золотую, не мнѣ, Акундину, носить цѣнь золотую и со гривною. Есть у тебя, стольнаго князя, князя и бояре: и то-то подаренье князь-ямъ и боярамъ. — И дивились князя и бояре мудрымъ словесамъ Акундина. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Князь-ямъ и боярамъ свой почетъ, а тебя, Акундина Акундиныча, чествую почестью великою за твои ли услуги великія.» И на томъ князь положилъ свою рѣчь. И кланялся Акундинъ большіимъ чело-
 битыицемъ, а самъ вымолвлялъ:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и не было у насъ во посадничествѣ такого подарень-ица, а и не было у насъ во всей посадской сторонѣ такого жало-
 ваньеца; а и слышалъ я, сказывали люди старые, что во каменной Москвѣ жаловалъ стольный князь Димитрій Ивановичъ на великъ день своего боярина, что наилучшаго. И ты, осударь, попечалуйся о моемъ сѣтованьицѣ, и ты, стольный князь, соизволь принять мое худое нежеланье. — И сонмалъ молодой князь Глѣбъ Олего-
 вичъ со правой руки золотъ перстень со камнемъ самоцвѣтнымъ, и жаловалъ его, Акундина, своимъ подареньицемъ, а самъ вымолвлялъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Ужь и видно то, что ты со роди-
 мой земли Русскія, и знать то по всему, что въ твоємъ горячемъ сердцѣ кипитъ кровь богатырская, того ли Велика Новгорода по-
 садничья. А и вы-то, мои слуги исконныя, урядите вы нарядъ по всей земли Рязанской, чтобы ему ли, молодцу Новгородскому, Акундину Акундинычу, пѣли славу вѣчную.» А и тутъ всѣ князя под-
 ходили по себѣ къ Акундину бити челомъ и обниматися, а опослѣй вымолвляли всѣ во едину рѣчь: «А и будемъ тебѣ, молодцу Ново-
 городскому, Акундину Акундинычу, пѣть славу вѣчную по всей зем-
 лѣ Рязанской; а и слава та пойдетъ въ роды родовъ, а во той ли славѣ будемъ пѣть: сослужилъ ли онъ, Акундинъ Акундинычъ, служ-

XLIII

бу великую всей землѣ Рязанской, да и избавилъ ли онъ, Акундинъ Акундинычъ, городъ Ростиславль отъ полону великаго, отъ люта змѣя Тугарина.»» А и кланялся онъ, Акундинъ, на всѣ стороны, а самъ вымолвлялъ: — А не я то сдѣлалъ, а не я то урядилъ: то воля Божья была! Спасибо вамъ, люди добрые, за ваши словеса пріятливыя. А и дай же то Боже, молоду князю Глѣбу Олеговичу во вѣки на столѣ княжить! А и дай же то Боже, вамъ, исконнымъ слугамъ, ему, молоду князю, до вѣку служить! А и дай же то Боже, всей землѣ Рязанской вѣкъ вѣковать! — И повели его, Акундина, князя и бояре подъ бѣлы руки во гридницы княженецкія, сажали его, Акундина, за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя, а посадивши его за дубовы столы, прошали хлѣба-соли кушать, бѣлыхъ лебедей рушать. Пошла пирушка великая, столъ богатый на радостяхъ. А и пиръ-то былъ уряженъ на всѣ три дни: во единомъ пиру пировалъ Акундинъ во гридниці княженецкой, у молодца князя Глѣба Олеговича; какъ во другомъ пиру пировалъ Акундинъ во палатахъ посадничихъ, у князей и бояръ; какъ во третьемъ пиру пировалъ Акундинъ на посадской сторонѣ, у всего міра крещенаго. А опослѣй того пира великаго, выходилъ Акундинъ во высокъ теремъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу прощатися. Возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «А и гой еси ты, добрый молодецъ Акундинъ Акундинычъ! Какъ и жаль-то мнѣ съ тобой разстатися! Придумалось мнѣ, молоду князю, поселить тебя на усадьбище немалое, во палатахъ посадничихъ, а за твои ли услуги великія наградить тебя боярствомъ. А и сталъ бы печаловаться ты по всей землѣ Рязанской, по моимъ исконнымъ слугамъ. Соизволь принять мое жалованьице княженецкое, соизволь занять усадьбище немалое, палаты посадничьи.» И билъ челомъ Акундинъ ему, молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвлялъ: — Велика твоя милость княженецкая, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и далъ я великъ обѣтъ итти во стольный Кіевъ градъ, да каменну Москву посмотришь. — И молилъ его, молодца князя, чтобы отпустилъ его, Акундина, во стольный Кіевъ градъ побывать, каменну Москву посмотришь. И отпущалъ его молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, а на прощаницѣ велѣлъ одарить его, Акундина, князьямъ и боярамъ казною княженецкою да хлѣбомъ-солью. И провожали его, Акундина, князя и бояре и весь міръ крещеный вплоть до Оки рѣ-

ки, до его суденышка оснащенного. Какъ и міръ-то крещеный ему хлѣбъ-соль подносилъ, а люди-то приговаривали: «Ты прійми, прійми, молодой молодецъ, отъ всего міра крещенаго хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ міру крещеному, пріималъ хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго. Какъ и князья-то со боярами молвятъ ему: «Ты нрійми, прійми, молодой молодецъ, изъ казны княженецкой золота и серебра и камня самоцвѣтнаго сколько хошь, на нуть-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.» И кланялся Акундинъ князьямъ и боярамъ, а изъ казны княженецкой не бралъ онъ ни золота, ни серебра, ни камня самоцвѣтнаго, а только молвить: —А и то-то добро мнѣ, молодцу, не надобно!—

Садится онъ, Акундинъ, на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовые, кладетъ весельца кленовые во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ рѣкѣ, и плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. Сидитъ Акундинъ на кормѣ, а самъ дивуется: «А и чтò то за великъ городъ стоитъ на круту бережку?» Никто ему, Акундину, ни словечка не скажетъ, никто ему, Акундину, вѣсточки не дастъ. Подымался онъ, Акундинъ, во нарядъ, а поднявшись выходить на крутъ бережекъ и идетъ ко тому городу великому. Входитъ онъ, Акундинъ, во тотъ городъ великой, а во томъ городѣ великомъ бѣда учинилася: нападали злы Татарове на тотъ великъ городъ Муромъ, полонили они людей посадскихъ во полочъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной, того ли воеводы Муромскаго дочь названую. Идетъ онъ, Акундинъ, на воеводской дворъ, ко тому ли двору изукрашенному. Входитъ онъ, Акундинъ, на тотъ дворъ, а тамъ молода боярыня, Аѳимья Ивановна, плачетъ-возрыдаетъ, а сама въ возрыданьицѣ вымолвляетъ:—Гой еси ты, моя ненаглядная дочь, Настасья Ивановна! Ужь воротись ты, моя лебедь бѣлая, ко своему ли ко родимому батюшкѣ, Неждану Ивановичу, ко своей ли родимой матушкѣ, Аѳимѣ Ивановнѣ, ко своей ли родимой сестрицѣ, Авдотѣ Ивановнѣ! Ты взойди, взойди во свой теремъ изукрашенный! Ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ твой теремъ изукрашенный. Ты взойди, взойди во палаты бѣлокаменные, ко своему ли батюшкѣ родимому: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во налатахъ бѣлокаменныхъ нѣту радости, нѣту веселія у тво-

XLV

его родимаго батюшки. Какъ и онъ ли, твой родимый батюшка, со тоски со кручинушки хлѣба-соли не кушаетъ, день и ночь възрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во теремъ брусящатый, ко своей ли матушкѣ родимой: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во теремѣ брусящатомъ нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой матушкѣ. Какъ и она ли, твоя родима матушка, со тоски со кручинушки позабыла свое вѣжество пригожее, позабыла свое бѣло личико сурмить *), позабыла свои дороги нарядушки рядить, день и ночь възрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во вышку рѣшетчатую, ко своей ли родимой сестрицѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во вышкѣ рѣшетчатой нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой сестрицѣ. Какъ и она ли, твоя родима сестрица, со тоски со кручинушки позабыла игры дѣвичьи, день и ночь възрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во свой зеленый садъ, ко своей ли нянюшкѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣлъ зеленой садъ, осиротѣла твоя нянюшка. Какъ и твоя-то нянюшка слезно плачетъ, възрыдаетъ, а сама въ възрыданьицѣ слово молвить: Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Для кого я взлелѣяла мою бѣлую лебедушку, красну дѣвицу Настасью Ивановну? Ужь досталась она, родимая, злу Татарченку, бесерменину. Ты раступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Ты взойди, взойди на свой широкой дворъ, какъ и тамъ ли всѣ твои подруженьки: ужь онѣ слезно плачутъ-възрыдаютъ, а въ възрыданьицѣ слово молвятъ: поднимися ты, туча грозная, по поднебесью, ты заслони, туча грозная, путь-дороженьку злу Татарченку въ Золоту орду! Ты возстань, возстань, вѣтеръ буйной со полунощи, ту умчи, умчи, вѣтеръ буйной, нашу лебедь бѣлую, молодую подруженьку, свѣтъ Настасью Ивановну, во теремѣ изукрашенный! Какъ и безъ тебя ли, наша лебедь бѣлая, пріутихли игры дѣвичьи, пріумолкли тайны бесѣдушки, нѣту радости въ зеленомъ саду, нѣту веселія среди двора широкаго. Ты взойди, взойди, туча грозная, ты възгрянь, възгрянь, громова стрѣла, да во того ли зла Татарченка, бесерменина!—Какъ во ту пору выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ

---

*) Эта выдумка уже не совсѣмъ кстати: лицо вышло бы чернымъ, сунуть лишь брови.—О.

унижать свою молодую жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну. Какъ и онъ ли, Нежданъ Ивановичъ, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а въ возрыданьицѣ слово молвить: ««Ты не плачь, не плачь, моя молодая жена, свѣтъ Аѳимья Ивановна! Не руди ты своего бѣла личика, не надсажай своего здоровьица некрѣпкаго. Какъ и безъ того знать по твоему бѣлу личику злую тоску со кручиною; какъ и безъ того знать по твоимъ горячимъ слезамъ бѣду наносную. Снаряжу я рать могучую, опошлю ту рать въ Золотую орду немирную, по нашу лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Ты взойди, взойди въ извѣчные дома Божьи *); ты пролей, пролей свои горячи слезы ко Создателю!»» Какъ и тутъ Нежданъ Ивановичъ подкликалъ сѣнныхъ дѣвушекъ, а самъ приказывалъ: ««Ужъ и вы ли, сѣнныя дѣвушки! Ведите вы мою молодую жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну, во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый. Унимайте вы мою молодую жену отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой.»» Принимали сѣнныя дѣвушки молодую боярыню Аѳимью Ивановну подъ ея бѣлы руки и вводили во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый, унимали ее, молодую боярыню, отъ слезъ горячихъ, отъ надсадушки великой. Выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ ко воротичкамъ тесовымъ, ко рѣшеточкѣ золотенькой, а самъ выговаривалъ: ««Гой еси вы, добры Муромцы и весь міръ крещеный! Вѣдомо вамъ, добры Муромцы, что на нашъ славный городъ Муромъ нападала Золотая орда немирная, полонила та Золотая орда немирная великъ полонъ изъ людей посадскихъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной.»» Какъ и тутъ все добры Муромцы и весь міръ крещеный били ему, Неждану Ивановичу, великимъ челобитьемъ, а сами во едину рѣчь вымолвляли: — Вѣдаемъ мы, люди посадскіе, про горе великое, про нежданъ полонъ. Какъ и та ли Золотая орда немирная полонила нашихъ дѣтушекъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной. Ужъ и ты ли, нашъ могучъ воевода, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ, придумай-пригадай: какъ воротить изъ полону нашихъ дѣтушекъ? Ужъ у насъ ли, людей посадскихъ, не стало ума-разума со великой бѣды; ужъ у насъ ли, людей посадскихъ, опустились бѣ-

---

*) Кажется, сочинитель счелъ эти „извѣчные дома“ за храмы и церкви, между тѣмъ какъ это были богадѣльни и больницы.—О.

лы руки со кручинушки, да и нѣтъ силы при старости, да и нѣтъ крѣпости во великомъ сиротствѣ. — Какъ возговорить тутъ Нежданъ Ивановичъ: «Порадѣйте, добры Муромцы, изнять изъ Золотой орды мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Награжу я того золотой казной, надѣлю я того золотой парчей, кто воротитъ мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Будетъ старъ человѣкъ, — и я того буду чтить во отца; будетъ молодой молодецъ, — и я награжу того Настасей Ивановной со великіимъ приданыимъ.»»

Во ту пору онъ, Акундинъ, стоялъ у воротичекъ тесовыхъ, у той рѣшеточки золотенькой. И жаль ему стало добрыхъ Муромцовъ, а жалчѣй того воеводы Муромскаго. Со того ли со жалѣньяца возговорить онъ, Акундинъ: «Ты гой еси, воевода Муромскій, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ! Прикажи мнѣ, молодому молодцу, нагонять Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да твою дочь названую Настасью Ивановну?» Какъ и туто ли возговорить Нежданъ Ивановичъ: ««Нагоняй ты, молодой молодецъ, Золоту орду немирную, выручай ты изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да мою лебедь бѣлую Настасью Ивановну. Награжу я тебя золотой казной, надѣлю золотой парчей и отдамъ за тебя лебедь бѣлую Настасью Ивановну со великіимъ приданыимъ.»» И давалъ Акундинъ великъ обѣтъ нагнать Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да названу дочь Настасью Ивановну. Какъ и туто наряжались во нарядъ добры молодцы Муромцы, а съ ними молодой бояринъ Замятія Микитичъ, того ли воеводы Переславскаго сынъ названный. И надѣлялъ его, Акундина, онъ, воевода Муромскій, славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ, хлѣбомъ-солью на путь-дороженьку. На веходѣ солнца свѣтлаго, на ранней зарѣ утренней, выходилъ Акундинъ изъ славнаго города изъ Мурома нагонять Золоту орду немирную. Какъ за нимъ ли, Акундиномъ, выходилъ молодой бояринъ Замятія Микитичъ со дружиной Муромской. Подходить онъ, Акундинъ, ко круту бережку, садится на свое суденышко оснащенное, беретъ весельца кленовые, кладетъ весельца кленовые во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ по рѣкѣ, а за тѣмъ суденышкомъ плывутъ лодочки Муромски. Ъдетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а на третій завидѣлъ Золоту орду немирную на круту бережку. Какъ и туто злы Татарове полонъ дѣлать: доставалась ле-

XLVIII

бѣдъ бѣлая Настасья Ивановна злу Татарченку, стару бесерменину. Какъ и она ли, лебедь бѣлая Настасья Ивановна, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а сама во слезахъ слово молвить: — Ужь и ты ли, ба-тющка родимой мой! Не жалѣй золотой казны, выкунай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченкокъ, уряди.тъ на единъ день три дѣльца дѣлать: какъ и первое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, поить-кормить; какъ и другое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, качать-прибаюкивать; какъ и третье-то дѣльцо—его, стара бесерменина, стеречь бѣлоярова *) коня. Ужь и ты ли, матушка родимая моя! Не жалѣй золотой казны, выкунай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченкокъ, на единъ день меня по три раза бьетъ за вины небывалыя: какъ и первая-то вина—не велить мнѣ долго спать; какъ и другая-то вина—не велить цвѣтное платье носить; какъ и третья-то вина—не велить русу косу носить. Ужь и ты ли, родимая сестрица моя! Не жалѣй ты золотой казны, выкунай меня изъ Золотой орды. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужь и онъ ли, злой Татарченкокъ, на единъ день по три раза журить-бранить: какъ и первое-то журить-бранить — не велить родимую сторонушку вспоминать; какъ и другое-то журить-бранить—велить отца съ матерью забыть; какъ и третье-то журить-бранить—не велить тебя сестрой называть. — Какъ и тутъ ли онъ. Акундинъ, выходилъ на крутъ бережокъ, доставалъ калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую и пускалъ свою калену стрѣлу во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Какъ его-то, братцы, калена стрѣла полетѣла въ Золоту орду, и налетѣла, братцы, его калена стрѣла прямо во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Дотолѣ онъ злой Татарченкокъ и живъ былъ. Во ту пору злы Татарове осержались, а и хотять его, Акундина, съ душой съ животомъ разлучить. Какъ и онъ ли, Акундинъ, вынималъ свой мечъ кладенецъ, да учалъ рубить Золоту орду немирную. Бьетъ онъ, Акундинъ, Золоту орду единъ день, и той орды кабы на половину стало; бьетъ онъ Золоту орду и дру-

---

*) Бѣлоярая—у народа пшевица, которой кормятъ коня: но „бѣлояраго коня“ не слыхано.—О.

XLIX

гой день, и той орды кабы треть осталась; бьетъ онъ Золоту орду и третій день, и той орды кабы не бывало. А добивши онъ Золоту орду, выручалъ людей посадскихъ со душой красной дѣвйцей со Настасьей Ивановной изъ полону крѣпкаго и снаряжалъ онъ тѣхъ полоняниковъ во нарядъ ко славному городу Мурому, со тѣмъ ли молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ.

Пошли тѣ Муромцы по круту бережку, а онѣ, Акундинъ, садился на свое суденышко оснащенное, да и поплылъ по Окѣ по рѣкѣ, къ тому ли славному городу Мурому. Ёдетъ онъ, Акундинъ, день, ѣдетъ и другой, а во ту пору идетъ-плыветъ на встрѣчу ему друга орда немирная. Какъ и туто злы Татарове окружали его суденышко оснащенное, а и требовали они, злы Татарове, дани великой. На ту пору денегъ съ Акундиномъ не случилось: только было съ нимъ сто рублей дробныхъ денежекъ. И спрошалъ Акундинъ ту орду немирную: «А и что та за дань великая? А и кому та дань идетъ? А и кто у васъ большой-набольшой?» И туто злы Татарове промолвляли: ««Дани-то великой потягло на всѣ лодочки, а и та дань идетъ въ Большу орду Астараканскую, ко тому ли славну Татарину Тугарину.»» И на тѣ-то рѣчи отвѣтныя Акундинъ вынималъ свой мечъ кладенецъ, а самъ промолвлялъ: «А и та ли Ока рѣка ему въ отчину досталася, и онъ-то, Акундинъ, собираетъ по Окѣ по рѣкѣ со всѣхъ лодочекъ голдовщину и мостовщину.» И туто Акундинъ учалъ со той орды Астараканской насчитывать велику дань за голдовщину и мостовщину: а и той-то дани выходило со сто рублевъ. А и они-то, злы Татарове, хотять его съ душой съ животомъ разлучить. Не долго думалъ Акундинъ, да и давай рубить ту орду Астараканскую. На право мечемъ махнетъ,—кабы тутъ орды не бывало; на лѣво мечемъ махнетъ, — кабы пусты лодочки червѣются. Былъ Акундинъ ту орду Астараканскую цѣлыхъ три дни, а добивши ставилъ по Окѣ по рѣкѣ заставы крѣпкія. И туто онъ, Акундинъ, поѣхалъ ко тому славному городу Мурому, ко тому ли воеводѣ Муромскому ко Неждану Ивановичу. Пріѣзжалъ Акундинъ ко тому славному городу Мурому, а во ту пору во Муромѣ радость великая учинилася: тотъ ли славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ выдавалъ дочь свою названую Настасью Ивановну за того молода боярина за Замятню Микитича. Входитъ онъ, Акундинъ, во палаты бѣлокамен-

ныя, а и во тѣхъ палатахъ идетъ пиръ княжой, а и тутю за дубовымъ столомъ сидятъ князь со княгинею, молодой бояринъ Замятня Никитичъ со своей ли молодой женой съ Настасьей Ивановной. А тутю молода боярыня Аѳимья Ивановна подносила ему, Акундину, чару съ зеленымъ виномъ, а Нежданъ Ивановичъ приговаривалъ: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Прійми чару зелена вина, а вышей ты чару зелена вина за князя со княгинею!» Пріималъ Акундинъ чару зелена вина, выпивалъ чару зелена вина за князя со княгинею. И опослѣй того онъ, Нежданъ Ивановичъ, рѣчь вымолвлялъ. «Не знали мы и не вѣдали, что съ тобой содѣялось. А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало: ни то злы Татары полонили, ни то люты звѣри растерзали. А и тотъ ли Замятня Никитичъ присватался за нашу Настасью Ивановну; а мы, не вѣдая тебя въ живыхъ, приговорили: отдать свою лебедушку бѣлую за того ли за Замятню Никитича. Будь хочешь ты, за твои заслуги великія награжу я тебя золотой казной, надѣлю я тебя золотой парчей, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся.» И билъ челомъ Акундинъ на тѣхъ словахъ вѣжливыхъ, а золотой казны не бралъ, а золотой парчи не спрашивалъ, а бивши челомъ вымолвлялъ: «По моимъ счасткамъ бѣда учинилася: нападала орда Астараканская. Избываючи ту орду Астараканскую, не думалъ я и не гадалъ другой бѣды. А и дай же то Боже, князю со княжною *) вѣкъ вѣковать, добра наживать да дѣтушекъ возрастать!» И прощался Акундинъ съ воеводою Муромскимъ, а на прощаньицѣ слово молвилъ: «Не дай же то Боже, во вѣкъ въ Муромѣ бывать того воеводу Муромскаго видать. А и его-то воеводины слова перелетныя: на посуляхъ висеть.» И за то-то слово изоймаючи, возговорить Нежданъ Ивановичъ: «А и бѣгите сюда, добры Муромцы! Вы гоните его, невѣжу, со двора долой, вы гоните его, мужика, и изъ городу вонъ. А и онъ ли, невѣжа, деревенской мужикъ, смѣлъ свататься за боярскую дочь!»

И пошелъ онъ, Акундинъ, изъ Мурома ко круту бережку, сядилася на свое суденышко оснащенное, да и плылъ внизъ по Окѣ по рѣкѣ ко стольному городу ко Кіеву. Приплывши онъ, Акундинъ, ко столь-

---

*) Княгинею, новобрачною.—О.

ному городу ко Кіеву, справлялъ поминочки съ сорочинами по своемъ родномъ батюшкѣ. На тѣхъ ли поминочкахъ съ сорочинами сидѣли за дубовымъ столомъ сорокъ Каликъ съ Каликою. И пили-ѣли тѣ сорокъ Каликъ съ Каликою канунъ варенъ по всемъ роднымъ. А опослѣй тѣхъ поминочикъ одѣлялъ Акундинъ тѣхъ сорокъ Каликъ съ Каликою золотой казной на поминъ души по всемъ роднымъ. Во ту пору выходилъ старый Калѣчище на особицу, и билъ ему, Акундину, челомъ: ««Спасибо тебѣ на поминочкахъ, на золотой казнѣ! За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судьбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано — женится на молодой вдовѣ во чужомъ городу. Не умѣлъ ты, добрый молодецъ, изловить бѣлую лебедушку. такъ съумѣй же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу. Вѣдь твоя-то, сѣра утица, распустила крылушки на крутомъ бережку во большомъ городу, гдѣ палатушки бѣлокаменны, гдѣ ворота красны.»» И тому слову дивился Акундинъ: кабы сходить ко тому городу, гдѣ ворота красны, гдѣ палатушки бѣлокаменные, да сѣру утицу достать? Справивши во Кіевѣ всѣ поминочки съ сорочинами, надѣвалъ Акундинъ на себя платье Калики Перехожаго и пошелъ во путь во дороженьку сухимъ сухопутыцемъ, тою дорогою прямоѣзжею, что потягла отъ Кіева прямо на Русь. И тою дорогою прямоѣзжею проходилъ онъ велики города съ пригородочками, а нигдѣ не видалъ тѣхъ воротъ красныхъ со палатушками бѣлокаменными. Ни мало, ни много, ходилъ онъ, Акундинъ, тою прямоѣзжею дорогою ровно три года, а на четвертый тодъ подходилъ ко круту бережку, ко незнаму городу ко большому. И видитъ Акундинъ туто ворота красны со палатушками бѣлокаменными. Не долго онъ думалъ. да и пошелъ искать по городу сѣру утицу. Ходитъ онъ, Акундинъ, день, ходитъ и другой. а на третій съ надсадушки у него, молодца, ретиво сердце надрывалось, бѣлы руки опускалися, рѣзвы ноги подкашались. И садился Акундинъ посередъ торгу со Каликами. А тѣ-то Калики Перехожіе были стары старики, а и пѣли они, стары старики, сказаньица немалыя: про стару старину до про Божіихъ людей. И дарилъ онъ, Акундинъ, ихъ, старыхъ стариковъ, золотой казной, а самъ приговаривалъ: «Гой еси вы, Калики Перехожіе! И вы спойте, стары старики, про каменну Москву, и вы спойте, стары старики, про Великъ Новградъ!» И дивились стары старики на великъ подарочекъ, а сами промежъ

себя говорить: «А и тотъ велпкъ подарочекъ не посадской: ни то отъ князя, ни то отъ боярина, ни то отъ торгова человека.» И молвить туто старый Калика: — Ой вы, глупые старики! Не ужь-то вы не свѣдали дорогой подарочекъ изъ Новагорода? Не ужь-то у васъ ума-разума не стало? — И пѣли стары старики про каменну Москву, а далѣй пѣли про Великъ Новградъ. И за тѣ-то рѣчи старыя дарилъ Акундинъ старыхъ стариковъ золотой казной. И за то-то подареньице пѣли стары старики про него Акундина: «Жилъ-былъ Акундинъ, удалъ молодецъ. А и тотъ добрый молодецъ удалъ изъ Новагорода со посадской стороны со торговой. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на стружечку по Окѣ по рѣкѣ отъ полону слобожать, Золоту орду разбивать. Ужъ и тамъ ли добрый молодецъ удалъ змѣя Тугарина побивалъ, отъ полону городъ слобожалъ. И за то его, удаля молодца, жаловалъ стольный князь со правой руки золотымъ перстнемъ. Какъ и онъ ли, добрый молодецъ удалъ, отъ полону городъ Муромъ слобожалъ, отъ набѣгу красну дѣвицу изымалъ. Какъ и та ли красна дѣвица душа запоручена была; запоручилъ красну дѣвицу душу батюшка родимой ему, удалу молодцу: —Слобожай ты, добрый молодецъ удалъ, лебедь бѣлую мою; какъ за то я награжу тебя золотой казной, какъ за то я надѣлю тебя золотой парчей; какъ за то я выдамъ за тебя красну дѣвицу душу дочь названую свою.—Какъ доставалась лебедь бѣлая душа не ему, удалу молодцу; какъ и доставалъ лебедь бѣлую душу молодой боярской сынъ. Ужъ и та-ли, лебедь бѣлая душа, ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой строй утицей поплыла.» Не успѣли стары старики свою рѣчь домолвить, какъ туто восплакала-возрыдала молода боярыня Настасья Ивановна, а сама въ возрыданьицѣ слово вымолвила:—Гой еси вы, стары старики! Пріимайте отъ меня, вдовой, мало подаяныце. И вы скажите, стары старики: живъ ли добрый молодецъ удалъ?—Стары старики пріимали подаяныце, а сами промежь себя рѣчь говорятъ: «А и то-то подаяныце не посадское: ни то княженецкое, ни то боярское.» И туто Акундинъ скидалъ съ себя платье Каличье, окликалъ себя Акундинымъ да и билъ че-

ЛІІІ

ломъ: «А и ты-то, молода боярыня Настасья Ивановна, вспознай меня, Акундина!» И вспознала она, молода боярыня, его, Акундина, а вспознавши говорила таковы рѣчи:—Богъ суди родимаго батюшку! Не поставилъ во память твои заслуги великія, не хотѣлъ породниться съ удалымъ молодцомъ. А нонѣсь волею Божею сталося, что ни батюшки родимаго, что ни матушки родимыя, что ни моего Замятни Микитича нѣтъ у меня. Ровно три годочка живу во вдовствѣ сиротой.—

И билъ челомъ онъ, Акундинъ, молодой боярынѣ Настасьѣ Ивановнѣ во своемъ одиночествѣ, а опослѣй засылалъ сваху съ чело-бѣтникомъ. И она-то, молода боярыня Настасья Ивановна, припоми-наючи его заслуги великія, созывала честныхъ людей, старыхъ стариковъ, на рукобѣтнице. А и та-то свадьба была на Вязьмѣ, а и жить стали на Клязьмѣ на рѣкѣ, во селѣ боярскомъ Замятни Ми-китича. А и онъ-то, Акундинъ, живучи со своей Настасьей Иванов-ной, сѣстарѣлся и переставился.

(Оттуда же).

* *
*

III.

ЗАМѢТКА.

А.

Былевое творчество Новгорода глубоко отлично и отъ древнѣйшаго—Кіевскаго, Владимірова, и отъ дальнѣйшаго — Московскаго. Объемомъ своимъ оно несравненно уже сихъ обоихъ; не столь богато древнѣйшими стихіями поэзіи, истекшими изъ доисторическаго періода, какъ первое и сравнительно съ нимъ гораздо положительнѣе, историчнѣе, ближе къ исторической дѣйствительности и практичнѣе; за то, сравнительно съ Московскимъ, оно богаче вліяніемъ отдаленной старины и не выражаетъ тѣхъ элементовъ государственности, которые часто бросаются въ глаза при изученіи характера Московскаго. Складъ Новгородскаго творчества, его стихъ,—все это ближе къ Кіевскому, не столько—говоримъ—прадревними, часто неудовимыми элементами содержанія и образами творчества, сколько формою, отдѣлкой и языкомъ, явленіями опредѣленной исторической поры творчества: Былина его цѣльнѣе, такъ сказать мужественнѣе и рѣже ниспускается до краткаго женскаго склада Старины, господствующей въ творествѣ Московскомъ и здѣсь часто отрывочной, близкой къ пѣснямъ Безымяннымъ. Начинаясь съ той же эпохи, какъ творчество Владимірово, съ знаменитаго лица посадника Добрыни, связаннаго съ поэтическими преданіями о водвореніи Христіанства въ Новгородѣ, объ изгнаніи Перуна, объ его послѣднихъ дѣяніяхъ и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ,—съ лица Добрыни, извѣстнаго съ другой стороны и въ творествѣ Кіевскомъ между первыми его звеньями; примыкая къ той эпохѣ Владиміровой, къ которой возводится начало нашего положительнаго Былеваго творчества и съ которой изображается въ немъ лучшая пора въ первые прочно сложившагося Русскаго міра-народа,

творчество Новгородское опускаетъ однако всё постепенности и частности этого міро-созиданія, выраженные въ Былинахъ о Кіевскихъ и Владиміровыхъ богатыряхъ, объ этой Земской Дружинѣ, стоявшей за возраставшую Земщину всей Руси. Творчество отдѣльнаго, хотя и Великаго, Новгорода, его отдѣльной области, послѣ нѣсколькихъ упомянутыхъ образовъ, связанныхъ съ Добрынею, беретъ дѣло какъ бы уже готовымъ. въ ту минуту, когда Новгородъ со всемъ раздѣлялся съ первобытной древностью, сложился, вышелъ на поприще положительной исторіи. Оно столь же *Земское* творчество, какъ и Кіевское, но оно ограничено эпохою болѣе поздней, болѣе тѣснымъ кружкомъ одного города съ пригородами и областью, если не совершенно вѣ— ибо это была та же Русь,—то особо отъ общихъ интересовъ *всей* Руси, представительство которой бралъ на себя Кіевъ. Татары, общее бѣдствіе всей Руси, лица, замѣшанные вездѣ и въ Кіевскомъ, и въ Московскомъ творествѣ, какъ не проникли въ историческій Новгородъ, такъ не пошали и въ его творчество Былево. Однимъ словомъ, главное отличіе сего послѣдняго отъ Московскаго состоитъ въ характерѣ *земства*—по содержанію—и *въ большей древности* цѣльнаго склада, а отъ Кіевского въ *частности* мѣстъ, лицъ и событій, въ *позднѣйшей* близости склада и языка къ определенной исторической эпохѣ, къ положительной дѣйствительности.

Слѣды Новгородскаго Былеваго творчества въ семь видѣ передаются намъ лѣтописями и другими письменными памятниками Новгорода. Послѣ смутныхъ, ему въ особенности принадлежащихъ, полунсторическихъ воспоминаній о призваніи Варяговъ, за отбытіемъ князей на Югъ, взоръ Новгородца не сопровождаетъ ихъ участіемъ, и, тогда какъ они на новомъ поприщѣ дѣйствія вызываютъ множество поэтическихъ сказаній, жизнь Новгородская знаетъ лишь съ ними борьбу, а творчество Новгородское совершенно къ нимъ холодно, хоть бы какая черта, хоть бы намекъ. Поэтическія преданія, какъ сказано, появляются въ Новгородѣ по лѣтописямъ лишь при имени Добрыни, при событіи, освѣтившемъ всю Русь, водвореніи Христіанства. Бывшій посадникъ Великаго города, дядя Провѣтителя, являясь сюда вторично съ духовенствомъ, сокрушаетъ идоловъ, разоряетъ требища, креститъ людей, борется съ Перуномъ и пощѣкаетъ его («Степенная,» ср. Замѣтку при 2-мъ выш.). По другимъ эти подвиги при-

надлежать и первому архіепископу, знаменитому Іоакиму Корсунянину: «Сей Іоакимъ архіепископъ раздруши въ Новгородѣ идола Перуна и потомъ повелѣ его, связавъ ужи (узами, веревками), влещи въ рѣку Волховъ, иныхъ же пристави влекомаго бити... И се чудо дивно явися, яко бѣсъ въ немъ, доселѣ живый, не стерпѣ (не стерпѣвъ) сего поношенія, начать велми жалостно и болѣзненно велимъ гласомъ вопити: «Увы, увy, горе, горе, яко впадохя въ рупѣ сихъ немилостивыхъ человѣкъ, иже вчера мя яко бога почитаху, нынѣ же толѣка ми зла нанесоша! Увы мнѣ, увy мнѣ, чтѣ имъ прочее сотворю?» Людіе же единаче (однако, все-таки) влечаху его біюще и, пришедше на мостъ, вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе во глубину. И по малѣ явися зъ (изъ) воды: единъ же нѣкто человѣкъ верже на него палицею; онъ же, возьмъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотою Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сіе время (въ извѣстное время года) даже до нынѣ, въ коеждо лѣто, на томъ мосту люди собираются и, раздѣлшися на двое, играюще убиваются (Лѣтоп. Густыньская подъ 990-мъ год.),» т. е. къ этому преданію возводилось начало не только народныхъ Новгородскихъ игръ, но и древней судебной расправы, рѣшавшейся на мосту. «И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: «О горе, охъ мнѣ! Достался немилостивымъ симъ рукамъ!» И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, плыва сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, еюже и нынѣ безумніи убивающеса, утѣху творять бѣсомъ (Соф. Врем.; то же Псковск.).» «Онъ же, плыва сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: «На семъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти!» Еюже и нынѣ безумніи людіе убивающеса, утѣху творять бѣсомъ (Врем.).» За тѣмъ борьба съ Перуномъ горнчара, враждебныя рѣчи («до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣча попллови прочь») и проч. Такимъ образомъ древнѣйшее на глазахъ исторіи Былеовое творчество Новгорода, занесенное слѣдами и въ лѣтопись, начинается такъ же, какъ и Кіевское, со времени Владиміра и его богатырей. Но далѣе, и цѣликомъ, оно отдало своего Добрыню Кіеву. Весь XI-й вѣкъ, вѣкъ самыхъ горячихъ богатырскихъ подвиговъ, воспѣтыхъ въ Кіевской Былинѣ, проходитъ для Новгорода и его поэтическихъ преданій безслѣдно. Лѣтописи народа, по преимуществу дѣловаго и практическаго, не окрашиваются, какъ Южныя, поэтическимъ отцвѣтомъ. Только въ XII вѣкѣ появляются памятники,

происхожденіемъ и содержаніемъ принадлежатіе Новгороду, въ коихъ замѣтно возникаетъ вновь Былевое творческое настроеніе, и этотъ вѣкъ, судя по даннымъ, доселѣ извѣстнымъ, есть единственный вѣкъ памятниковъ Былеваго Новгородскаго творчества. Мы разумѣемъ памятники: о Добрынѣ II-мъ и построеніи Варяжской божницы; объ Антоніи Римлянинѣ; о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами (Знаменіе); о построеніи Благовѣщенскаго монастыря; о путешествіи Ивана въ Ерусалимъ; о Варлаамѣ; о видѣніи пономаря Тарасія,—памятники, насквозь пропитанные поэтическими преданіями (напечатаны въ «Памятникахъ стар. Р. литер.» по аналогіи можно заключать, что сюда же по происхожденію примыкаетъ легенда о посадникѣ Щилѣ, исторически извѣстнаго позднѣе, но котораго едва ли слѣдуетъ искать въ исторіи). Замѣчательно, что всѣ эти событія и лица современны тѣмъ событіямъ и лицамъ, кои сдѣлались прямымъ достояніемъ поэзіи и о коихъ мы сейчасъ скажемъ.

Въ семь же, XII-мъ вѣкѣ, записаны Новгородскими лѣтописями имена лицъ, сдѣлавшихся героями извѣстныхъ намъ Былинъ. Подъ 1118-мъ годомъ (въ Новгор. I-й) *Сотскій Ставръ*, котораго заточилъ Владиміръ Мономахъ: но поэтическія преданія объ немъ, подобно какъ о Добрынѣ, Новгородъ уступилъ творчеству Кіевскому (см. 4-й выпускъ и Замѣтку при немъ стр. LI). За то другія два лица, упомянутыя также въ лѣтописяхъ, сосредоточиваютъ на себѣ все, чтò мы знаемъ лучшаго и главчаго въ устномъ Былевомъ творчествѣ Новгорода, до насъ дошедшемъ. Оба они—исторически—современны: но объ одномъ лѣтописи говорятъ нѣсколько ранѣе, да и Былины обильнѣе чертами, занесенными изъ доисторической древности. Это *Садко* и *Василій Буслаевъ*.

О *Садкѣ* лѣтописи, принадлежащія Новгороду или Новгородскому циклу, говорятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то весьма рано, то довольно поздно—въ XII вѣкѣ: но собственно онъ относится, какъ лицо историческое, къ эпохѣ весьма опредѣленной и намъ нужно только выяснитъ сопостановку свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства раздѣляемъ мы на три рода. 1) По поводу построенія древнѣйшей Новгородской Софіи, разрушенія ея пожаромъ и потомъ возстановленія въ новомъ видѣ, упоминается Садко, *позднѣе* построившій въ сей же мѣстности

LVIII

церковь Бориса и Глѣба. Новгород. III-я: «Въ лѣто 6.497 (989) постави владыка епископъ Іоакимъ первую (прежнюю, древнѣйшую) церковь деревянную дубовую Святыхъ Софїи, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣтъ; и подняся отъ огня (сгорѣла) въ лѣто 6.557 (1.049), Марта въ 4 день, въ субботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ (въ концѣ) Пискупли (Епископской) улицы, надъ Волховомъ рѣкою, до каменного дѣтинца-града строенія; идѣже послѣди поставилъ *Сотко Благотой* церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ лѣто 6.558 (1.050), аже та церковь (Садкова) стояла въ каменномъ городѣ - дѣтинцѣ близъ каменной градной стѣны.» Это показаніе, которое напрасно издатели лѣтописей, Археографической Коммиссіи, исправляютъ, заключаетъ въ себѣ, именно тамъ, гдѣ они исправляютъ, весьма вѣрныя данныя, нужно только стать на точку зрѣнія лѣтописца. Онъ жилъ уже поздно: онъ только вспоминаетъ о *стоявшей некогда* церкви Садка, при немъ уже не существовавшей; но, поднимаясь въ древность, онъ передаетъ: древнѣйшая, деревянная Софїя построена въ 989 году; стояла 60 лѣтъ, отъ 989 до 1.049-го; сгорѣла въ семь послѣднемъ году; потомъ, послѣ, поставилъ въ сей же мѣстности каменную церковь Садко. Вотъ вѣрныя показанія лѣтописца. Но онъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, что въ 6.553 г. (1.045) заложена новая, каменная Софїя; объ этомъ говоритъ онъ ниже; говорятъ и другіе лѣтописцы: поелнку же съ 6.553 (1.045) до 6.557 (1.049) года протекло 4 года, то они показываютъ, что деревянная церковь Софїи стояла 4 года, какъ увидимъ ниже. Ошибка лѣтописца III-й Новгород. лѣтописи не въ томъ обстоятельствѣ, которое исправлено издателями, а въ томъ, что, не заставъ уже *каменной* церкви Садка и времени ея построенія, онъ относитъ построеніе ея къ 6.558 (1.050) году, къ тѣмъ годамъ, въ которые, спустя столѣтіе, построена церковь Бориса и Глѣба, только не каменная, а *деревянная*, и не Садкомъ: то есть, встрѣтивши въ старыхъ запискахъ упоминаніе о построеніи церкви Б. и Гл. деревянной, онъ смѣшалъ ее съ каменною. Это сейчасъ мы увидимъ далѣе. Новгородская II-я: «Въ лѣто 6.497 (989; издатели исправляютъ этотъ годъ ошибочно, какъ увидимъ ниже) постави владыка Іоакимъ церковь деревянную Святую Софїю. имущи верховъ 13. И стояла 4 лѣта, и поднялась церковь Святаа Софїа отъ огня (сгорѣла) мѣсяца

Марта въ 4, въ субботный день, бывше (въ старомъ видѣ) честно устроена и украшена. А стояше конецъ Епископи улицы, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже ины (иногда, въ другое время; издатели ошибочно исправляютъ *нынѣ* по другимъ лѣтописямъ) поставилъ *Сотко Сотникъ* (при этомъ указаніи встрѣчаемъ позднѣйшія прибавки, которыя уяснимъ ниже: «*Сотко Сытинъ исытинъ,*» т. е. «и *Сытинъ*») церковь святыхъ страстотерпецъ князей Рускихъ Бориса и Глѣба.» Такимъ образомъ показанія этого лѣтописца сходятся съ Новгородскою III-ею: Іоакимъ поставилъ деревянную Софію 989 года; объ этомъ нишетъ лѣтописецъ подъ 6.553 (1.045) годомъ, по поводу заложенной тогда новой каменной Софіи; по поводу же ея мѣстоположенія прибавляетъ, что *ины*, въ другое, послѣдующее время, тутъ же поставилъ свою церковь Садко, но когда, не зная или не входя въ подробности, онъ молчитъ; явно только, что онъ жилъ уже послѣ построения Садковской церкви. Тѣ, позднѣйшіе, лѣтописцы, которые вмѣсто *ины* поставили *нынѣ*, а за ними и издатели, такъ же исправившіе текстъ, ошиблись, ибо около сего времени построена не Садковская каменная, а деревянная церковь Бориса и Глѣба. Разнорѣчіе здѣсь съ Новгородскою III-ю то, что въ сей послѣдней и нѣкоторыхъ другихъ, какъ увидимъ, годъ пожара 6.557-й (1.049), а здѣсь 6.553-й (1.045). И это бы не бѣда; лѣтописецъ считаетъ, что «стояла» деревянная Софія «4 лѣта:» отъ чего и до чего онъ считаетъ? Явно, что отъ 1.045-го до 1.049-го и, стало быть, признаетъ время пожара въ семь послѣднемъ году. Здѣсь одно важно: день пожара указанъ «Марта въ 4, въ субботу,» а 4-е Марта въ субботу приходилось, говорятъ, въ 6.553 (1.045) году. Я не имѣю подъ рукою данныхъ для повѣрки этого разсчета (да и некогда сюда пускаться при моемъ дѣлѣ): я знаю лишь, что и въ тѣхъ свидѣтельствахъ, кон укажемъ ниже и въ коихъ пожаръ означенъ подъ 1.049-мъ годомъ, высчитано то же «4 Марта въ субботу.» Если это число съ субботою падаетъ именно на 1.045-й годъ, то остается допустить: Іоакимовская деревянная сгорѣла въ семь году: въ семь же году заложена новая каменная; но такъ какъ послѣдняя кончена постройкою позднѣе, то была конечно поставлена временная деревянная, не стоившая, чтобы о построеніи ея говорить особо и сгорѣвшая послѣ въ 1.049-мъ году: стало быть, лѣтописцы смѣшивали двѣ деревянные церкви, древнѣйшую и временную, и два

пожара ихъ. Вообще въ описаніяхъ, кои мы разбираемъ, видимо сопоставляются и даже смѣшиваются, по самымъ даже годамъ, Софія старая и новая, деревянная и каменная, да церковь Благовѣрныхъ Князей старая и новая, деревянная и каменная. Мы надѣемся, что по крайности уясняемъ путь для различенія показаній. Издатели же Археографической Коммиссіи, какъ неправильно исправили *нынѣ* вмѣсто *инны*, столь же неправильно подставили 6.553 (1.045) годъ вмѣсто 6.497 (989), ибо для лѣтописца это дѣла розныя: подъ послѣднимъ годомъ говорить онъ о построеніи церкви Іоакимовской, а подъ первымъ объ ея пожарѣ и возстановленіи. Теперь пойдемъ далѣе.—Въ Софійскомъ Временникѣ: «Въ лѣто 6.557 (1.049), мѣсяца Марта въ 4 день суботный, сгорѣ церкви святая Софія, бѣше же честно устроена и украшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ Пискушіи улицы надъ Волховомъ (Волховомъ), идѣже нынѣ постави *Сотко* (въ печатн. прежнемъ *Погатой*, т. е. *Богатой*) церковь камену святаго Бориса и Глѣба.»—Въ Никоновской: «Въ лѣто 6.557 (1.049) мѣсяца Марта въ 4 день суботный згорѣ в Новѣгородѣ церковь святыхъ Софія, бѣша (бывше, бывши) бо честно устроена и украшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ Пискупли улицы надъ Волховомъ, идеже нынѣ поставилъ *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» Въ обоихъ случаяхъ время пожара 1.049-й годъ, а по поводу мѣстности упомянута церковь Садка, но вставка *нынѣ*, отводя построеніе ея къ 1.045 или 1.049 году, смѣшиваетъ церковь деревянную, бывшую до Садки, съ ея—каменною. *Нынѣ* остается вѣрнымъ только съ той точки зрѣнія, если лѣтописцы относятъ это не къ 1.045 или 1.049-му, а ко времени своей жизни, заставшей построеніе каменной церкви Садка. — Слѣдуетъ упомянуть показаніе старѣйшей и надежнѣйшей лѣтописи Новгородской I-й, въ которой пожаръ отнесенъ къ 6.553 (1.045) году, но счетъ чиселъ и дней иной: «Въ лѣто 6.553 сгорѣ святая Софія въ *суботу*, по заутрѣни въ часъ 3, *мѣсяця Марта въ 15*. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія Новѣгородѣ Володимиромъ княземъ.» Этотъ счетъ заставляетъ думать, что показаніе о другомъ пожарѣ, 1.049 года, вѣрно указываетъ 4-го числа субботный день, ибо, если 15 Марта 1.045 года была суббота, а раньше ея другая 8-го числа, вторникъ 4-го, то въ 1.049-мъ году (безъ высокоснаго) 4-е число точно приходилось въ субботу. Не разнился ли тогдашній счетъ отъ позднѣйшаго, ко-

имъ нынѣ руководятся изслѣдователи?—Остается сказать, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ Новгородской I-й, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ 6.553 (1.045) годомъ однообразно приводится свидѣтельство о закладкѣ новой каменной церкви Софіи (освящена позднѣе), о закладкѣ, подавшей лѣтописцамъ поводъ говорить о прежней сгорѣвшей: «Въ лѣто 6.553 заложи Володимеръ святую Софію въ Новѣгородѣ:» «заложи князь Володимеръ Ярославичъ и владыка Лука святую Софію каменую въ Великомъ Новѣгородѣ (при чемъ, по приывчкѣ, приписано помянутое «Сотко Сытничъ и Сытинъ»).— 2) Любопытны теперь другаго рода свидѣтельства или, лучше, другая сторона ихъ: почему лѣтописи, если не вставляютъ *нынь* или не относятъ его къ годамъ, современнымъ пожару старой и закладкѣ новой Софіи, вставляютъ имя Садки тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, приписывая ему построеніе церкви, какой онъ вовсе не строилъ? Именно, какъ мы видѣли, Новгородская III-я указываетъ годъ построенія Садковской церкви 6.558 (1.050), годъ (по нѣкоторымъ) освященія каменной Софіи; Новгородская II-я (если читать съ позднѣйшими не *инны*, а *нынь*) приводитъ годъ 6.553-й (1.045), время пожара старой и заложенія новой Софіи; Софійскій Временникъ и Никоновская упоминають 6.557-й (1.049), годъ пожара старой Софіи, и т. д.: ясно, что Софія, разными судьбами своими, пожаромъ или возстановленіемъ, по роковому сближенію ея мѣстности съ мѣстностію церкви Садковской, напомнила лѣтописцамъ сію послѣднюю, построенную тутъ же, но время построенія коей, отъ нихъ удаленное въ прошломъ, было неизвѣстно имъ въ точности. Лѣтописцы ставили года по старымъ записямъ, приурочивали къ нимъ преданія, но сами уже не застали построенія или даже существованія Садковской церкви, и потому сбивались. Но была и другая вѣроятная причина такому смѣшенію: церковь Бориса и Глѣба была точно построена въ Новгородѣ, и именно около тѣхъ же лѣтъ, и въ той же мѣстности, только спустя столѣтіе, *деревянная*, и строилъ ее *всѣхъ*, оказывается, *не Садко*. А именно. Новгор. I-я: «Томъ же лѣтъ (6.654, 1.146) съдѣлаша 4 церкви: *святую мученику Бориса и Глѣба въ градъ* (дѣтинцѣ), *святого пророка Ильѣ*, и *святую апостолу Петра и Павла на Хълмѣ*, и *святую безмезднику Козму и Даміана;*» Новгор. IV: «Въ лѣто 6.654 съдѣлаша 4 церкви: *Бориса и Глѣба въ городъ,*» и проч.; Новгородская же III-я *всѣхъ*

точнѣе: «Въ лѣто 6.654 сотвориша въ Великомъ Новѣгородѣ, при епископѣ Нифонтѣ, 4 церкви *древяныя*: святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба въ *Околоткѣ*, въ *Каменномъ городѣ*, Козьма и Даміанъ,» и проч. Обстоятельство это усиливалось и вводило еще въ дальнѣйшія заблужденія тѣмъ, что въ *то же время* и *тѣ же самыя церкви* поставлены были въ *Смоленскѣ*. Такое показаніе, какъ на примѣръ въ Воскресенскомъ спискѣ, замѣчалось на полѣ противу событій Новгородскихъ: подъ 6.653 (1.145; ср. выше 6.553—1.045 года) годомъ—«Заложиша въ Смоленску на Смядыни церковь камену Бориса и Глѣба.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Новгородскихъ вошло это и въ текстъ, напр. въ IV-й: «Въ лѣто 6.653 заложиша церковь камену святого Бориса и Глѣба на Смядынѣ въ Смоленскѣ.» Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей извѣстіе Смоленское даже вытѣснило собою Новгородское, напр. въ Никоновской: «Того же лѣта (6.653—1.145) въ Смоленце заложиша церковь камену святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне;» а въ слѣдующемъ году снова: «Того же лѣта (6.654—1.146) зделаша четыре церкви камены в Смоленске святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смедыне, а во граде святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, и святого пророка Боговидца Ильи, і святыхъ чудотворецъ безсребреникъ Козмы и Дамьяна.» Соблазнъ былъ такъ великъ, что, на примѣръ, Новгородская IV-я, говоря о церкви Бориса и Глѣба (деревянной) въ Новгородѣ, приписываетъ: «на Смядынѣ,» и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: тѣ же года (хотя и столѣтіемъ раздѣленные), или, лучше. то же число лѣтъ, бросающіяся въ глаза, тѣ же церкви и имена ихъ святыхъ, упоминаніе—то деревянныхъ церквей сего имени въ Новгородѣ, то тѣхъ же каменныхъ въ Смоленскѣ,—все это непремѣнно заставляло спутывать дѣло Садки, особенно въ глазахъ тѣхъ, кои подлинной церкви его не видали или не застали. И вотъ мы получаемъ его имя, весьма поучительное для насъ, но на такомъ мѣстѣ, гдѣ ему совсѣмъ не слѣдъ: то при Софіи по близости мѣстной, то при деревянныхъ церквяхъ Новгорода и Смоленска, то отсюда снова, столѣтіемъ выше, при пожарѣ и возстановленіи Софіи. Однако исправнѣйшія по тексту лѣтописи, а нѣкоторыя даже тѣ самыя, только подъ другими годами, болѣе вѣрными, сообщаютъ намъ показанія несомнѣнныя и подлинныя. Именно. 3) Въ Новгородской I: «Въ лѣто 6.675* (1.167) съде Мьстиславъ Цязсла-

LXIII

виць Киевѣ на столѣ. На ту же весну заложи *Съдко Сытиничъ* (разнор. *Сотко Сытиничъ*) церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславици, при архіепископѣ Иліи:» объ освященіи: «Томъ же лѣтѣ (6.681—1.173) святы церковь Новѣгородѣ Ілія архіепископъ Новгородскыи святую мученику Бориса и Глѣба камяную въ градѣ, мѣсяца октября 14.»—Новгородская III-я: «Въ лѣто 6.675 (1.167) въ Великомъ Новѣградѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Сотко Сытиничъ*, въ каменномъ городѣ-дѣтинцѣ, при Іоаниѣ архіепископѣ (ср. выше, какъ тотъ же самыи лѣтописецъ, смѣшавъ Софію и другую церковь Бориса и Глѣба деревянную, рассказываетъ о построеніи ея Садкою въ 1.050 году).»—Въ Псковской I-й: «Въ лѣто 6.675 (1.167) заложи *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» И такъ остается несомнѣннымъ, что церковь сію, каменную, заложилъ Садко въ 1.167 году *). Былины приводятъ то же самое обстоятельство, но, подобно лѣтописямъ, смѣшиваютъ храмъ Софіи; когда Садко разбогатѣлъ,

И вложивалъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце:

Шедъ Садко, *Божій храмъ соорудилъ*

А и во имя *Софії Премудрыя*,

Кресты, маковицы золотомъ золотилъ.

Мѣстны иконы изукрашивалъ,

Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ.

Царскія двери вызолачивалъ.

(Ср. у насъ вып. 5, № 3); описаніе отдѣлки храма близко къ тому, что въ лѣтописяхъ о древней деревянной Софіи. Былина даже еще приписываетъ ему построеніе двухъ церквей—Стефана Архидьякона и Николая Можайскаго; послѣдняя въ № 2-мъ даже именуется «приходомъ» его:

Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ,—

Узналъ онъ церкву, приходъ свой,

Того Николу Можайскаго.

---

*) Любопытно замѣтить, что отношеніе лѣтописцевъ Новгородскихъ къ дѣлу Садки можетъ повести къ заключенію, когда они жили и писали, какъ составлялись лѣтописи. Это явствуетъ изъ данныхъ, отчасти нами разобранныхъ.

(И вотъ почему, замѣчали мы при печатаніи текста былины, помѣщенная подъ № 3-мъ собственно предшествуетъ, ибо въ ней говорится только еще о построеніи церкви Николая, а въ № 2-мъ о сей послѣдней какъ уже готовой; но тѣя данныя, важныя въ лѣтописяхъ, неважны для былеваго творчества). — Остается намъ сдѣлать выводы. Какъ Садко въ былинахъ гулялъ по рѣкамъ и морямъ, такъ было суждено гулять его имени по лѣтописнымъ числамъ въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ: имя, стало быть, слишкомъ знакомое Новгородцамъ; не всякому такъ удастся. Церкви, какъ знаемъ изъ лѣтописей Новгорода, ставились часто и другими лицами: но они не стяжали такой славы. Несомнѣнно, что это былъ гость или торговецъ знаменитый, по богатству ли, или по своимъ поножденіямъ, а скорѣе по тому и другому. Имя, славное по лѣтописнымъ двухвѣковымъ записямъ, конечно еще больше жило и въ памяти, и въ устахъ народа, обставлялось разсказами, преданіями: они-то и возбудили народное творчество, породили собою былины и были виною того, что изъ развалинъ исчезшаго Новгородскаго Былеваго творчества сохранились до насъ и занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ былины именно о Садкѣ. — Крестное имя его вѣроятно было (Еврейское по происхожденію) *Садокъ*; но, или осмыслили его по Русски, или даже въ крещеніи дали имя соответственное народному (см. нашу Замѣтку при II-мъ томѣ Пѣсень собр. Рыбниковымъ), только очевидно, что народъ въ этомъ имени представляетъ себѣ *садъ*, уменьшительное *садокъ* (*hortulus*): въ былинахъ герой себя называетъ даже просто *Садъ*. *Садокъ* склоняли *Сáдка*, *Сáдкль*, *Сáдкоу*; дальнѣйшая форма, возникшая уже изъ этого склоненія (по формѣ звательнаго, какъ въ Сербскомъ), была *Садко* и—рѣже (см. Рыбникова) *Садке*; наконецъ (откуда и звательная *Садко*)—*Садка*, *Садки*. *Садкль*, *Садкою*. Отсюда же въ лѣтописяхъ *Съдко* (Новгородское древнее нарѣчіе отличается полугласными *ъ* и *ь* тамъ, гдѣ въ другихъ случаяхъ и позднѣе *а*, *я*, *о*, *е*), *Сотко*; послѣднему названію помогло также вѣроятно прозвище *Сотникомъ*. *Сотникомъ* названъ онъ лишь въ одной лѣтописи, Новгородской II-й; но это не первый примѣръ для героев Новгородскаго творчества: Сотскимъ былъ и Ставръ. Только тотъ былъ изъ бояръ, лучшихъ мужей, почему въ Кіевскихъ былинахъ и прозванъ *бояриномъ*: Садко же конечно выборный изъ гостиной, торговой сотни. Далѣе въ лѣтописяхъ онъ

называется *Богатымъ*: таково же постоянное его прозвище и въ былинахъ, чаще всего въ сочетаніи—«Садко Купецъ Богатый Гость.» Наконецъ въ лѣтописяхъ, и лучшихъ, придается ему отчество *Сытиничъ*, *Сытиничъ*, *Сытиничъ* (испорченное «и *Сытинъ*,» гдѣ въ мѣсто *и*): если это дѣйствительное отчество, то отъ народнаго имени (извѣстнаго нынѣ въ фамиліяхъ) *Сытъ*, *Satt*, *Satur*, имя отца, сходное съ народнымъ именемъ и сына—*Садъ*, *Садко*, *Сотко*; это же имя, въ собирательной формѣ, извѣстно какъ бранное, въ выраженіи «волчья *сытъ*» (ср. былины прежнихъ выпусковъ);» припомните народныя имена, перешедшія въ прозвища и фамиліи,—*Сытой*, *Сытого*, *Сытыахъ*, *Благъ*, *Благой*, *Благого-Благово*, *Благихъ*, *Суахъ*, *Сухой*, *Сухого-Сухово*, *Сухихъ* и т. п. Мы однако же склоняемся къ мнѣнію, что вѣрно одно изъ двухъ: или *Сотникъ*, или *Сытиничъ*, *Сытиничъ*, т. е. или *Сътникъ*, *Сотникъ* подъ рукою лѣтописцевъ передѣлано изъ *Сътничъ*, *Сытиничъ*, *Сытиничъ*, или на оборотъ. Но довольно.

Другой герой Новгородскаго Былеваго творчества, столь же знаменитый, исторически современный Садкѣ, упомянутый съ нимъ почти рядомъ подъ лѣтописнымъ числомъ, но только въ одной лѣтописи и одинъ лишь разъ, есть *Василій Буслаевъ*. Никоновская лѣтопись *), спустя три года послѣ извѣстія о zaloженіи церкви Садкою, подъ 6.679—1.171-мъ годомъ говоритъ: «Того же лѣта преставися в Новѣгородѣ *посадникъ Васка Буславичъ*.» Здѣсь стоить обратить вниманіе во первыхъ на то, что онъ названъ *Васкою*, *Васкою*: таково же, въ уменьшительномъ видѣ, любимое употребленіе имени его и въ народныхъ былинахъ, даже любимѣе, чѣмъ *Василій*; оно такъ и идетъ къ удалцу, проказнику, народному любимцу. Если смерть его стоило занести въ лѣтопись рядомъ съ важными событіями, то понятно значеніе этого героя въ Новгородѣ и объясняется также, почему, рядомъ съ Садкою, это любимѣйшій герой уцѣлѣвшихъ Новгородскихъ Былинъ. По году смерти нужно полагать, что лучшая пора дѣятельности Васка, какъ лица историческаго, приходилась въ половинѣ XII-го вѣка. Но въ городской дѣятельности се-

---

*) И рукописный хронографъ Румянц.

го времени, довольно подробно описанной по Новгородскимъ лѣтописямъ, мы съ этимъ именемъ не встрѣчаемъ *посадника*: можетъ статья, при крестномъ имени *Василья*, какъ это бывало въ старину весьма часто, было другое народное имя, и Василій Буслаевъ скрывается отъ насъ подъ какимъ нибудь *Якуномъ*, *Ньжатою* и т. п. Отецъ его *Богуславъ*, чисто-славянское народное имя, какъ «Богухвалъ,» «Богумиль (Gottlob, Gottlieb)» и т. п.: отсюда уже сокращенныя формы *Буславъ*, даже *Буслаевъ* (Рыбник. II), *Буславей*, *Бусланей*, *Буславьюшко*, *Буслай*, и, сообразно тому, Василій по отчеству *Буслаевичъ*, *Буславьевичъ*, *Бусланеевичъ*, *Буславичъ*, *Бусланчъ*, *Буслаевъ* (переходящее въ прозвище, фамилію), испорченно (Рыбник. I) *Селавьевичъ*. Наконецъ, какъ лѣтописью записана его смерть, такъ объ смерти же его рассказываетъ и особая былина.

Разумѣется, исторической дѣятельности сихъ двухъ историческихъ лицъ нельзя уже искать въ Былинахъ: здѣсь это типы Новгородскаго Былеваго творчества. Но любопытно замѣтить одно соотношеніе: въ Былинахъ о Садкѣ сравнительно менѣе историческаго отцвѣта, болѣе преданій и образовъ доисторическихъ, обиліе образы народнаго творчества, заслоняющія исторію дѣйствительную; за то, какбы въ замѣнъ, мы видѣли о Садкѣ несравненно болѣе лѣтописныхъ указаній. На оборотъ, о Буслаевѣ въ лѣтописи одно лишь скудное свидѣтельство: за то Былины, посвященныя его дѣятельности, вмѣщая сравнительно весьма мало древнѣйшихъ образовъ творчества, прямѣе и ярче очерчиваютъ Новгородскую историческую дѣйствительность, со всѣми ея мелочами, именами окружавшихъ лицъ, улицъ и т. д.

Теперь, забывая исторію внѣшнюю, положительную, дѣйствительную, перейдемъ во внутреннюю, какъ она дается намъ въ Былинахъ о Садкѣ и Буслаевѣ, въ народномъ устномъ творествѣ.

Мы знаемъ, что въ Кіевскомъ творествѣ Богатыри—представители Землины, но не сидячей и ослѣдлой, а той части, которая ратуетъ на заставахъ, хранить зерно Землины, борется съ врагами ея, расширяетъ предѣлы ея дѣйствій, то есть представители подвижной Земской Дружины. Въ Новгородѣ, по условіямъ его торговаго быта,

были своего рода богатыри: это, во первых, Гости, люди Торговые, не тѣ спячіе лавочники и владѣтели складовъ, которые укрывались за вервями общества и частоколами города, не нынѣшніе дѣятели торговыхъ городскихъ домовъ, представители фирмъ и конторъ, не эта торговая Земщина, а но тому времени предпріимчивые удалыцы, добывавшіе золото отважными подвигами, бродившіе по необходимости мѣновой торговли, водившіе обозы или по водѣ славлявшіе клади за черту Новгородскихъ владѣній, въ даленіе края; люди бродячіе, переходящіе и перетѣкающіе, въ собственномъ смыслѣ *гости*, по необходимости вооруженные и съ вооруженными шайками, доводимые и часто доводившіе какъ чужеродцевъ, такъ и свою метрополию, до отчаянныхъ дракъ, *hostes*, составлявшіе такую же Торговую Дружину и въ тѣхъ же отношеніяхъ стоявшіе къ остѣлымъ торговымъ общинамъ, какъ Дружина Богатырская къ общинамъ земледѣльческимъ, вообще къ Землѣ и Міру. Это, говоримъ, была Торговая Община въ движеніи (какъ артель), Торговая Дружина, сходная во многомъ съ Кіевскими Богатырями. Она, за предѣлами Новгородской области, первая разнесла въ окрестные и далекіе края имя и славу сей послѣдней, первая высматривала мѣста, приманки, пути и дѣятелей торговли, первая завязывала сношенія, и уже за нею-то послѣ слѣдовала Дружина въ собственномъ смыслѣ, не торговая, а чисто-Военная, та, которая завоевывала страны. Первое завоеваніе Новгорода всегда было Торговое, чрезъ его Гостей, славныхъ отъ Шицбергена и Норманскихъ береговъ до островковъ въ низовьяхъ Волги, до Хвалынскаго-Каспійскаго моря, куда изстари ходили Новгородскіе Гости, а потомъ, на глазахъ исторіи, Дружины Военныя съ Князьями. Образецъ такого своеобразнаго богатыря Торговли, возможнаго лишь въ Новгородѣ, типъ сего рода людей развитъ и возстановленъ въ Новгородскомъ Былевомъ творчествѣ: это *Садко*, съ постояннымъ именемъ и прозвищемъ—*Купецъ, Богатый Гость*. Какъ онъ дошелъ до того, чтобъ быть этимъ типомъ, откуда взялось его богатство, всѣхъ перещеголявшее, какими дѣяніями добылъ онъ себѣ это славное имя, однимъ словомъ—похожденія и приключенія Новгородскаго Гостя, весь его *genesis*, бытіе и ростъ,—вотъ что всего больше должно было занимать воображеніе древняго Новгородца, и вотъ задача, которую взялось вышолнить его Былеовое творчество рядомъ Былинъ о Садкѣ. Беремъ здѣсь Былины не только

въ этомъ Выпускѣ помѣщенныя, но и отпечатанныя нами при изданіи Пѣсенъ Рыбникова, изъ которыхъ всего подробнѣе въ I-мъ томѣ подъ № 64-мъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ не отличался Садко какимъ ни будь ученьемъ, съ молоду былъ бѣднякъ, чуть не голъ кабацкая. Только онъ не поводился съ пьяницы съ безумницы, а лучше, по веселому нраву и любви къ искусству, хотѣлъ жить Веселымъ Молодцомъ, Веселою Скоморошиной: имѣлъ у себя кое-какія гусли, умѣлъ играть, ходилъ съ ними по пирамъ по бесѣдамъ, тѣшить и занимать слушателей за денежную плату. Разъ его долго не приглашали никуда: захудалъ и оголѣлъ онъ, стоскнудся. Въ кручинѣ своей пошелъ онъ съ гуслими на берегъ Пльменя, къ окраинѣ озера, къ тому привѣтному лону водъ, къ которому издревле, съ античныхъ временъ, хаживали раздѣлять тоску всѣ пѣвцы и художники, откуда родилась сама Красота, откуда черпали золото во всѣ вѣка предприимчивые удалыцы и торговцы, гдѣ царствовалъ у Грековъ грозный и страшный, но привязчивый, но гостепріимный, грубый и невѣжественный, но любитель искусствъ и богатый покровитель ихъ—Посейдонъ, а въ нашемъ былевомъ творествѣ *Царь Морской*, *Царь Водяной* или *Поддонной*, *Водовикъ*, *Водяникъ*, бурный какъ влага морская, и столь же податливый и расплывчивый какъ всякая влага. Садко сталъ на берегу играть—и не ошибся: три раза ходилъ онъ играть, три раза колыбалася вода въ озерѣ, въ третій разъ появился самъ Царь Морской: «Не знаю, говоритъ Садкѣ, чѣмъ будетъ тебя пожаловать за твои за утѣхи за великія, за твою—то игру нѣжную. Аль безсчетной золотой казной?» То и нужно было: научилъ Садку поспорить съ купцами Новгородскими, что въ Пльменѣ есть рыбы съ золотыми перьями, что оно водъ родить золото. Закинули въ море неводъ, вытащили рыбъ золотыхъ, рыбы дали еще золото, рыбы сами стали золотомъ: Садко выигралъ большіе заклады, Садко обзавелся домкомъ, устроилъ себѣ палаты по небесному, на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, въ палатахъ у Садки тоже солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Сталъ Садко собирать у себя почестные пиры, принималъ у себя «Настоятелей Новгородскихъ, *Оому Назарьева* и *Луку Зиновьева*,» — о значеніи ихъ мы поговоримъ ниже по поводу Буслаева. Сталъ Садко на пирахъ захвастываться: для него возможно было лишь одно единоборство богатырское,—въ спорѣ, у кого больше денегъ, кто повыкупитъ товары Новгородскіе. Эта борьба, которою

другія былины кончаютъ, въ настоящемъ случаѣ, по той былинѣ, которой мы пока держимся (Рыбни. Т. I, № 64), не доведена до побѣды: закупаетъ Садко товары Новгородскіе, а на другой день ихъ вдвое больше принавізено, вдвое больше принаполнено, на ту на великую на славу Новгородскую подоспѣли товары Московскіе, подоспѣли Заморскіе. Новгородъ поднялся выше своего питомца и вскормленника; смирился торговецъ: «Не я, видно, богатъ, Богатый Купецъ Новгородскій, побогаче меня славный Новгородъ!» Тогда догадался онъ: снарядилъ свои тридцать кораблей; начинаются его блужданія по водамъ, его походы и приключенія, главное содержаніе всѣхъ былинъ. Вотъ куда Садко хаживалъ: 1) «но Волхову, со Волхова во Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море,» Балтійское; 2) «гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, со вершины зналъ и до устья ее — а и нижняго царства Астраханскаго;» 3) «бѣгалъ по морю двѣнадцать лѣтъ, по синю морю Хвалынскому (Каспійскому; у насъ № 3);» между прочимъ заворачивалъ и въ «Золоту орду.» Во всѣхъ этихъ поѣздкахъ, въ теченіи *двѣнадцати лѣтъ*, онъ «продавалъ товары Новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыщалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,» а самъ «никакой надъ собою притки и скорби Садко не видывалъ, а все молодецъ во здоровыи пребывалъ.» Здѣсь-то, за свои торговые походы по рѣкѣ Волгѣ, а черезъ нее въ Хвалынское море, получилъ Садко прозвище «*Волгскаго* (Волекаго, Волжскаго) *Сура*:» мы объяснили уже смыслъ этого названія въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску и доказали, что оно относится къ дѣятельности древнихъ героевъ, представителей—сначала кочевья, потомъ торговаго, переходяго и мѣноваго блужданія по сушѣ и по морю, въ особенности по морю, откуда и Южное *Сурожское море*, и весь тотъ край *Сурожъ*, и названіе сплавныхъ рѣкъ *Сурога*, *Сарога*, и товаровъ заморскихъ, особенно шелковыхъ,—*Сурожскіе*, *Суровскіе*, и самый шелкъ—*Сырецъ* и *Суровецъ*, *sericium*, и ряды, въ коихъ продавались сіи товары—*Суровскіе*, наконецъ самые дѣятели сего рода—*Суры*, *Сурожане* и *Суровцы*. Такъ мы получаемъ въ нашемъ древнемъ Былевомъ творчествѣ три образа, принадлежащихъ совершенно одинаковому разряду людей, но разнящихся мѣстностью и мѣстнымъ отцвѣтомъ: а) въ Новгородскомъ—Садко, тишь гостя норѣчнаго и поморскаго, Волжскій *Суръ*; б) въ Кіевскомъ Пѣтнѣ, Пѣтнко, также Богатый Гость, и съ

богатствомъ несмѣтнымъ, по прозвищу *Сароженинъ*, *Суроженинъ*, знаменитый сыномъ своимъ *Чурилою* (имя одного корня съ *Сурою*), жившій на рѣкѣ *Сарогъ* или *Черегъ*; в) въ былинахъ Княжескихъ, на переходѣ къ Безымяннымъ, въ области Суздальской, *Суровень*, *Суровецъ-Суздалецъ*, *Суроженинъ*, по роду города Суздаля, по слою народа—«сынъ отца Гостя Богатаго» и самъ «Богатый,» представитель удалцевъ Суздальцевъ, торговцевъ по преимуществу пѣшихъ и сухопутныхъ, ходебщиковъ, Авеней. По въ Кіевскомъ творествѣ, рисуемомъ всѣ разнообразныя слои Земщины и Земской Дружины, такіе дѣятели стоятъ въ ряду другихъ, не занимая исключительнаго вниманія: Плѣнь, Димитрій Гость, даже Чурило, знаменитый не столько своею обиходною практическою торговлей, сколько близостью къ яркому древнѣйшему типу Чура-Гермеса, бога Торговли; въ былинахъ Княжескихъ и Безымянныхъ Суровецъ идетъ также за урядъ съ другими; Иванъ Гостинный Сынъ, мелькомъ затронутый въ Кіевскомъ творествѣ, принадлежитъ всей Руси, безъ изыятія мѣстныхъ взглядовъ и интересовъ, то есть преимущественно общей Былевой Сказкѣ. Напротивъ для торговли Новгорода Садко, Волжскій Суръ, есть лицо главное, исключительно привлекавшее интересъ и породившее лучшія Новгородскія Былины. Обязанный своею славою и всѣмъ богатствомъ влагѣ, рѣкамъ и морямъ, онъ долженъ былъ наконецъ чѣмъ ни будь поплатиться за то Царю Морскому. Здѣсь-то одно изъ любопытнѣйшихъ приключеній въ Были о Садкѣ, главнѣйшій эпизодъ Новгородскихъ Былинъ объ немъ, и притомъ эпизодъ лучшій, старшій по основнымъ своимъ образамъ, восходившій къ доисторической древности, къ такимъ чертамъ жизни и эпоса, которыя были вынесены Славянами Русскими изъ эпохи еще языческой, до сложившагося міра-народа, изъ времени кочевья и блужданій, изъ обще-Славянской семьи, съ самыхъ старыхъ ея поселищъ въ Европѣ. Всѣ Былины согласны между собою въ томъ, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто *на морѣ*, но по однимъ Былинамъ на Балтійскомъ, за Невую (Рыбник. Т. I, № 64), по другимъ (у насъ № 2) на Хвалынскомъ-Каспійскомъ. Подымалась буря, а корабли, и особенно Садковъ, стали на морѣ: догадался Богатый Гость, что море и Царь его требуютъ дани, старой языческой жертвы, какою умилялись античныя народы своего Посейдона или Нептуна. Опустить было въ море хлѣба съ солью; опускали бочку чиста серебра, потомъ красна

золота: нѣтъ толку. Царь живой головы требуетъ. Читателямъ извѣстно по былинамъ дѣло съ жеребьями, кому было итти въ море: типъ тогдашняго кунца, непременно въ мѣновой торговлѣ жившаго ловкимъ обманомъ, «дѣломъ торговымъ»—какъ говорятъ нынѣ, прототипъ даже и послѣдующихъ Русскихъ торговцевъ, Садко думалъ извернуться отъ жеребья ловкостью, но пришлось итти самому. Онъ дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и отправляется: надѣваетъ шубу, беретъ свои завѣтныя гусли, первое зачало своихъ успѣховъ (по одной Былинѣ даже три мисы, съ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ), садится на дощечку дубовую, но другимъ на шахматницу, спускается на ней ко дну моря къ Царю или выброшенъ къ нему на далекій берегъ. Замѣчательно еще, беретъ съ собою образъ *Микола* (у насъ № 1): тамъ, гдѣ предстояла опасность, не побѣдимая человѣческими силами, тамъ въ Христіанское время Былеваго творчества является на помощь сила высшая, обыкновенно Микола, притомъ Можайскій, рѣзной, особенно чтимый въ народѣ. Онъ, знаемъ мы, спасалъ въ крайнихъ случаяхъ другаго богатыря—бродягу, Потяка, въ образѣ Старчища, Пилигримища, Калѣки Перехожаго; онъ спасъ и Садку въ дѣлѣ съ Морскимъ Царемъ, являясь ему какъ «Старчище не знай собою (Рыбник. Т. I),» невѣдомый, грозный Калѣка Перехожій. О томъ, что такое значить споръ Царя съ Царицею, въ которомъ засталъ ихъ Садко, какъ явился онъ туда юнымъ героемъ и вышелъ побѣдителемъ, какъ къ нему склонялась Царица и помогала, какъ за слова его потеряла свою голову отъ грознаго мужа, какъ выводили Садка невѣсть и какъ для спасенія своего онъ долженъ былъ выбирать дѣвку *Чернавку*, *Чернавушку*, иначе *Поваренную* (у насъ № 2), какъ она потомъ исчезла или обманута Садкою, и что она сама за лицо въ нашемъ творествѣ, и какъ всѣ эти образы восходятъ къ отдаленнѣйшей древности обще-славянскаго эпоса, объ этомъ мы говорили уже подробнѣе въ Замѣткѣ ко II-му тому Пѣсень Рыбникова. Здѣсь замѣтимъ только, что весь этотъ эпизодъ въ Былинахъ Новгородскихъ раздѣляется на три главные части: а) споръ Царя съ Царицею и участіе Садки въ рѣшеніи; б) игра Садки на гусяхъ и послѣдствія ея; в) выборъ невѣсты и женидба подъ моремъ на Чернавкѣ. Всѣ три онѣ—отрывки громадной области древнихъ творческихъ воззрѣній, потому именно не совѣмъ ясныя для непривычнаго взгляда, что отрывки. Значеніе спора старыхъ на-

чалъ или, лучше, стараго и грознаго, стихійнаго начала въ двухъ его половинахъ, мужской и женской, рѣшеніе спора началомъ третьимъ, юнымъ, явившимся изъ далека; выходъ и спасеніе непременно черезъ Чернавку или дѣвушку Поваренную, мотивированные въ Новгородскомъ творествѣ такъ, что эта женидба, неизвѣстно почему именно на Чернавкѣ, а не другой дѣвушкѣ, приказана была явившимся во снѣ спасителемъ—Миколою:—значеніе сихъ творческихъ образовъ уяснено нами въ упомянутой Замѣткѣ; остается намъ сказать о третьей части эпизода. Естественнo, что грубая и грозная, вмѣстѣ невѣжественная стихія, представителемъ коей былъ Морскоі Царь, поддавалась невольно обаянію человѣческаго искусства, игрѣ на гусляхъ, такъ точно, какъ плѣнилась игрою и вывела Садку къ усніхамъ въ самомъ началѣ его дѣятельности: эти образы извѣстны изъ Греческаго творчества; они тождественны съ тѣмъ, что совершилъ своею игрою Орфей надъ подземнымъ Андомъ. Но здѣсь есть еще замѣчательная черта, весьма ярко выданная Русскимъ творчествомъ. Разгуль Царя былъ дикъ и безобразенъ: голова у него какъ стѣнная конна; расшавши въ азартѣ, онъ полами бьетъ и шубой машетъ, и шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ. «Въ синемъ морѣ вода всколебалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гинуть имѣннцевъ, стало много тонуть людей праведныхъ (Рыбник. т. I);» «а сине море всколебалося, а и быстры рѣки разливалися, топятъ много бусы—корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго (у насъ № 2).» Дѣйствіе человѣческаго искусства на міръ буйныхъ стихій, вліяніе юнаго человѣческаго героя на древняго бога, обаяніе духа внутренняго надъ внѣшними, космическими силами, все это явилось уже не частнымъ дѣйствіемъ кушца Новгородскаго Садки на Царя, а дѣйствіемъ міровымъ. «Тебѣ кажется, говоритъ Царица Садкѣ, что скачетъ по полатамъ Царь, а скачетъ Царь по крутымъ берегамъ, отъ его отъ пляски тонуть-гинуть безновинныя буйныя головы (у насъ № 1).» Творчество Былевое, Русское, Новгородское, и притомъ временъ Христіанскихъ, выходитъ къ разрѣшенію такого столкновенія міровыхъ силъ свойственнымъ себѣ путемъ: оно объясняетъ, что сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому, Садку что-то тронуло въ правое плечо,—очутился «старикъ сѣдатый,» Микола, велѣлъ порвать струны; Царь чинить было своими слесарями, но Садко уперся,

что надо за новыми струнами и гусями сходить на святую Русь. Въ другихъ Былинахъ Садкъ открыла глаза на истинное значеніе дѣла склонная къ нему Царица. Такъ дѣло и порѣшилось. Но для насъ важны, здѣсь, кромѣ ясно проглядѣвшаго, сквозь творческіе образы, древнѣйшаго воззрѣнія на соотношенія міровыхъ силъ, въ особенности стихійной и чисто-человѣческой, важны соотношенія къ другимъ эпизодамъ Русскаго Былеваго творчества. Изъ Голубиной Книги (см. наше изданіе «Калѣки Перехожіе,» вып. 2) мы знаемъ, что колеблется море, а за нимъ и вся земля, и вселенная, отъ поворота міровыхъ существъ, въ образѣ дочеловѣческомъ, животномъ: птицы Страоили, звѣря Индры и огромнаго Кита, образа также Посейдонова, на коемъ держится вселенная. Объ именахъ и значеніи сихъ образовъ смотрите наше изданіе Голубиной Книги и Замѣтку ко II-му тому Рыбникова. Но замѣчательно, что Страоиль, отъ трепетанія которой, даже однимъ пѣрушкою, когда она *разыграется*, все синее море всколебается, потопляетъ море корабли гостинные со товарами драгоцѣнными, заморскими, и со православными христіанами, сы тѣми людьми сы Московскими, что Страоиль, говоримъ, живетъ *на синемъ мори, на бѣломъ камени*—на *Латырь*, отъ котораго и *Алатырь-море*; Индра звѣрь, когда также *возыграется*, вся вселенная восколыбнется, но онъ также имѣетъ прямое отношеніе къ стихіи воды: когда была на сѣмъ свѣти засушейца, онъ копалъ рогомъ сыру мать землю, выкопалъ ключи глыбокии, доставалъ воды кишучи, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по малинкамъ ручьявишочкамъ, по глыбокамъ большимъ озерамъ, да и теперь, ходя по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточиши, пропускаетъ рѣки, кладязи студѣныя; куда звѣрь пройдетъ—туда ключъ кишитъ, и отъ того, когда поворотится, воскипятъ ключи всѣ подземельные; даже самое его имя, безъ носоваго звука, съ придыханіемъ *г* (*h*), *гидра*, наше—съ придыханіемъ *в*—*выдра*, отходить къ образу Посейдоновскому; и онъ имѣетъ отношеніе къ морю Латырю, такъ что самое имя его *Бѣлый Индрихъ* (см. наше изданіе Голубиной Книги) выводится прямо изъ *Бѣлаго Латыря*; наконецъ, Китъ-рыба, прямой уже образъ Посейдона, содержитъ на спинѣ весь бѣлый свѣтъ, и, когда потронется, вострепещется, восколыбнется, тогда мать земля вся поворотится, а когда *разыграется*, все синее море восколыхнется, увесь міръ-народъ пріужаснется. Ясно, что всѣ

эти образы сходятся ближе всего къ морю и къ его представителю стихійному, Царю Морскому, ибо, по словамъ Голубиной Книги, Окіянь-море, морямъ мати, обкинуло вокругъ землю всю, бѣлый свѣтъ окинуло, обошло море околъ всей земли, вокругъ земли, всей подселенныя, всего свѣту бѣлаго, въ немъ, Окіянь, во мори пучъ морской, а «уси рѣки, уси моря, вси хъ Кіяню морю собѣгалися, вси хъ Кіяню морю приклонилися, никуды вонъ не выходили (ср. выше Индру);» «Окіянь-море всколебается, — вси моря ему поклоняются.» Если мы, далѣе, переведемъ эти основныя міровыя воззрѣнія на почву положительной, хотя и древнѣйшей исторіи, на почву мѣстную, Славянскую, то убѣдимся, что это Окіянь-море по Славянскимъ исконнымъ представленіямъ есть *Латырь-море*, названное такъ по хранимому въ немъ *Латырь-камень*, Илектру, Янтарю. Вотъ что говоритъ о томъ Голубиная Книга въ Бѣлорусской редакціи (приближая къ нашему нарѣчію):

Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
 А Латырь-каминь камнямъ отецъ.
 Потому Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
 Потому Латырь-каминь всимъ камнямъ отецъ:
 Ляжить ёнь сириди моря,
 Сириди моря, сириди синява,
 Идутъ по морю много корабельщиковъ,—
 Гли (возлѣ) того камня останавливаются,
 Яны бяруть много съ яво снадобья (янтаря),
 Посылають по всяму свѣту бѣлому..

Или:

Бѣлый Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ:
 Съ-подъ камешка съ-подъ Бѣлаго Латыря
 Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
 По всей землѣ, по всей вселенную,
 Всему міру на исцѣленіе,
 Всему міру на пропитаніе.

(Ср. «Кал. Перех.» вып. 2 и Замѣтку къ 4-му вып.)

Опять то же отношеніе Латырь-каменя къ источникамъ и питанію людей, какъ въ рассказѣ объ Индрѣ. Мы достаточно объяснили уже въ прежнихъ Замѣткахъ, что Алатырь, Илектръ, Янтарь, глав-

ная приманка и главный предмет древней торговли наших праотцевъ, источникъ ихъ питанія и обогащенія, такой же источникъ въ исторической дѣйствительной торговли ихъ, каковъ источникъ нитанія для земли въ водѣ, источникъ питанія для людей въ засуху, наконецъ, древнѣе, источникъ того оживленія, которое нѣкогда почерпнули Славяне въ стихійномъ началѣ своего божества среди эпохи жгучаго Дажь-бога. Этотъ Алатырь далъ имя и морю, среди коего чаще находился, Балтійскому: но также точно переведенъ и на море Тѣплое-Черное, и на море Хвалынское (см. Замѣтку къ 4-му выпуску), всюду, куда проникали наши Русскіе Славяне съ своею мореходною и рѣчною торговлею. Здѣсь—то сновали наши древніе гости-корабельщики, отсюда-то выносили свои заморскія богатства; здѣсь испытывали всѣ приключенія и подвергались опасностямъ, иногда слагая и голову. Понятно, что даже внѣ міровыхъ и міеологическихъ воззрѣній, гости-корабельщики, а за ними и весь народъ православный, должны были подвергнуться дѣйствительному ужасу, реальной, осязательной опасности, когда разыгралось такое море, по однимъ Балтійское, по другимъ Хвалынское (см. выше), а разыгралось оно отъ того, что разыгрался представитель моря, его Царь, а Царь разыгрался отъ игры Садки, отъ дѣйствій этого отважнаго удалца, Богатаго Гостя Новгородскаго. Такъ міръ древнихъ доисторическихъ и міеологическихъ воззрѣній, міръ, на почвѣ дѣйствительности, воплощавшійся въ событіяхъ древнѣйшей Славяно-Русской торговли, переведенъ наконецъ на частную, мѣстную Новгородскую почву, въ удѣлъ героя Садки, и здѣсь сдѣланъ содержаніемъ мѣстнаго былеваго творчества. Такъ, говоримъ на оборотъ, исторія Садки, переданная въ Былинахъ, возводитъ къ древнѣйшей Славяно-Русской дѣйствительности, къ первымъ началамъ ея исторіи, къ торговлѣ по морямъ, а отсюда еще выше, къ древнѣйшимъ міровоззрѣніямъ и событіямъ, совершавшимся уже въ духѣ слагавшагося народа, при выходѣ изъ періода Дажбожескаго, въ борьбѣ силъ человѣческихъ и человѣко-образныхъ съ силами стихійными. Въ сферѣ сихъ послѣднихъ самое дѣйствіе игры Садки на гусяхъ, его искусство, это конечное обаяніе, покорившее себѣ стихійную силу, есть уже окончательная побѣда: ею вышелъ человѣкъ изъ плѣна, какъ вышелъ Орфей изъ ада. При началѣ наступившаго за тѣмъ творчества, въ міръ его древнѣйшихъ представ-

леній, исходъ побѣдителя изъ власти грознаго и бурнаго начала рисовался конечно какъ выходъ юнаго бога изъ пропасти номощію старой богини, къ нему склонившейся отъ бога стараго, содѣйствіемъ невѣсты—богини юной, страдавшей, терпѣвшей и даже обманутой юнымъ богомъ, а потому представлявшейся въ уничиженіи, *черною, позарешною*, наконецъ въ силу рѣшенія спора между старымъ богомъ и богинею, рѣшеніемъ ихъ загадки, такой же, какова была загадка Сфинкса. Да такъ и находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ творчествѣ, черты коего мы собрали и изложили въ Замѣткѣ при II-мъ т. Рыбникова, по поводу Саломана и Саламаніи. Весь міръ трепеталъ при борьбѣ своего юнаго представителя и въ разгарѣ ея ждалъ гибели и себѣ, и ему. Но человѣкъ побѣдилъ, и въ настоящемъ случаѣ Славянинъ, Русскій. При началѣ положительной и дѣйствительной исторіи сего послѣдняго, то же самое повторялось во очью при подвигахъ первыхъ нашихъ удалцевъ мореходцевъ, торговцевъ янтаремъ, а послѣ и другими заморскими товарами, по морямъ Балтійскому, Черному, Сурожскому, Хвалынскому: стан гостей-корабельщиковъ, а за ними весь родъ и племя ихъ, также точно трепетали за себя при всякомъ новомъ, отважномъ и отчаянномъ предпріятіи въ дѣлѣ съ бурною стихіей. Но и они успокоены: побѣдитель возвращался въ лоно земщины съ богатою добычей. Когда сложился окончательно міръ-народъ Русскій и размѣстился отдѣльными великими общинами, когда обособился Великій Новгородъ, тѣ же событія, то есть съ тѣми же существенными, а потому и древнѣйшими чертами, нашли мѣсто въ судьбѣ исторической Новгородской торговли по рѣкамъ и морямъ, даже въ судьбѣ историческаго лица Садки, въ XII-мъ вѣкѣ бывшаго представителемъ Богатыхъ Гости и построившаго церкви послѣ долгихъ блужданій въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Былевое творчество, взявшее его героемъ, перенесло всѣ общія черты на одно частное событіе и лицо, давши намъ типъ Богатаго Гостя и разсказавши древнѣйшую повѣсть подъ именами Садки, Морскаго Царя и Царицы, Чернавки, друзей-корабельщиковъ. Корабельщики также страдаютъ отъ его подвига, также пугаются за себя и за него, но подъ конецъ принимаютъ съ радостію вернувагося побѣдителя, товарища и начальника. Нельзя не замѣтить, всматриваясь глубже въ эти былины, что вся побѣда Садки и самый его выходъ на свѣтъ Божій, какъ

LXXVII

въ Кіевскомъ творествѣ выходѣ на свѣтъ Божій Потыка, завистли отъ собственной силы героя, вышедшаго изъ борьбы и пропасти умомъ, искусствомъ, ловкостью, умѣньемъ—и поиграть, и рѣшить споръ, и отгадать загадку, и склонить къ себѣ старую Царицу, и воспользоваться юною невѣстой, и во время перестать играть, и сослаться на порванные струны; прочія лица, Царица, Чернавка, только помогали и содѣйствовали. Но Христіанство, въ пору созданія былины уже царившее въ Новгородѣ, придало всему своей вышій облескъ: трепещетъ въ ужасѣ народъ православный, онъ молится, его страданія и молебны услышаны, является Микола и руководитъ спасеніемъ. Тако точно, мы видѣли нѣкогда, освѣщена Христіанствомъ и заключительная песторія Потыка въ Кіевскомъ творествѣ. Такъ кончается и Голубиная Книга, описавши грозные образы міровыхъ существъ и тотчасъ ослабляя ихъ космическую силу обаяніемъ силъ высшихъ, духовныхъ, христіанскихъ: подѣ влияніемъ сихъ послѣднихъ, Стравилъ побиваетъ уже однихъ только «непріятелевъ, потопила силу невѣрную, невѣрную силу, безбожную, никакихъ бѣдъ она не дѣлаетъ,» а трепетомъ своимъ даетъ только знать пѣтухамъ—когда запѣвать, солнцу—когда освѣщать землю; Индра поселяется «во степяхъ и никто его въ глаза не выдаючи,» а потомъ также «никому побѣды онъ не дѣлаетъ» и помѣщается даже «во святой горѣ во Авоны-горской, въ горы Сіонскія, во Оаоръ-горы, онъ и пѣетъ, и ѣстъ во святой горѣ, онъ и Богу молить за святу гору, а хвалу произносить самому Христу;» въ этомъ смиренномъ видѣ, когда онъ *возыграется*, только лишь «вся святія горы всколыхаются, вси звѣрья земные къ нему приклонятся;» Китъ-рыба до того укротился, что теперь когда «новоротится, вси-ты рыбы ему поклонятся,» а потому уже не страшень его поворотъ, ибо «основана земля Святымъ Духомъ, а содержана Словомъ Божиимъ;» грозное Окіянь-море переведено потомъ и тою же Голубиною Книгой въ чудесное, но благотѣльное Алатырь-море, Синее, послѣ же просто въ «Теплое,» гдѣ лежитъ Алатырь-камень, въ «Хвалынское,» гдѣ живетъ Стравилъ, гдѣ гуляютъ гости-корабельщики, да же Московскіе; море освятилось тѣмъ, что изъ него выходитъ «соборная церковь;» гости-корабельщики успокоены богатою добычею «снадобья,» которое развозятъ они «по всему свѣту бѣлому;» извѣстный у древнихъ и загадочный «цупъ морской,» помянутый выше по

Голубиной Книгѣ на Оніанъ-морѣ, переносится потомъ у насъ на землю, — является «пупъ земной,» какъ у Грековъ въ Дельфахъ подѣ благотѣльнымъ покровомъ Феба; наконецъ онъ помѣщается въ нашихъ сказаніяхъ на Голгоотѣ подѣ крестомъ. Сюда же перемѣщается прежній чудесный, дорогой, но скользкій и опасный, Алатырь-камень: по нашимъ сказаніямъ, кровь Христа текла на него, черезъ его разсѣлину на голову Адама и на весь земной пупъ, очищая ихъ. Еще болѣе: какъ въ приведенныхъ выше стихахъ Голубиной Книги изъ подѣ камня Латыря протекли рѣки быстрыя во всю вселенную, такъ въ той же Книгѣ далѣе разсказывается, что на этомъ камнѣ, уже въ Ерусалимѣ, сидѣлъ Христосъ, отсюда училъ и текли струи его ученія: «на Бѣломъ Латырѣ на камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ самъ Исусъ Христосъ, утверждалъ онъ вѣру Христіанскую, утвердилъ Онъ вѣру на камени, распушалъ Онъ книги по всей земли, распушали Книгу Голубиную.» — Возвращаясь къ Садкѣ, повторяемъ, что въ сущности разсказали о немъ былины: типъ Гостя Богатаго, игралъ онъ въ игру отважную и опасную, чуть не потерялъ въ ней головы своей, чуть не погибли его товарищи-корабельщики, и чуть не погибъ въ ужасѣ весь тогдашній міръ православный; но онъ отвагою своей и искусствомъ вышелъ побѣдителемъ, обрадовалъ друзей, сотоварищей торговаго промысла, вернулся на родину, обнялся съ женой-семеюшкой, навезъ богатой добычи, послужилъ ею всему міру православному, настроилъ церквей, между прочимъ своему избавителю — Миколѣ Можайскому: не погибъ изъ за его удали народъ православный, а еще покорыстовался его добычею, добылъ его славное имя въ свою исторію, вставилъ въ былины своего творчества. Окончательный выходъ, послѣдній шагъ изъ пропасти описывается разнo: то Садко взялъ дочь Царя съ условіемъ, чтобы доставила его на святую Русь; она и доставила, но Садко «поклонился и распротился съ ей: — Ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла (Рыбник. т. 1, № 62).» — это обманъ, весьма впрочемъ свойственный обрисованному типу торговца; то, по вѣщанію Миколы, онъ женился на Чернавѣ, легъ спать, но воздержался отъ дальнѣйшаго и—«проснулся Садке во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву (намѣренное сопоставленіе съ невѣстою) на крутомъ кряжу, какъ поглядить—ажно бѣжать свои (его) черденые корабли по Вол-

LXXIX

хову (тамъ же, № 64);» или, по завѣщанію же Миколы, чтобъ не обнимать и не цѣловать Морскую дѣвушку Поваренную, Садко «съ молодой женой на подклѣтѣ спать.—свои рученьки къ сердцу прижалъ:» въ просоньѣ соблазнился было, двинулъ ногу,—«ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхъ-рѣкѣ (у насъ № 2),» — такъ опасно было его положеніе въ далекомъ торговомъ предпріятіи, такъ онъ на минуту былъ между двухъ міровъ, между жизнью и смертію; или же, заснулъ онъ съ женою, — «какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго, и увидѣлъ онъ свѣтъ бѣлый и солнце красное, и увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крѣку, у быстрой рѣки, и бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его, а невѣсты его и въ слыху нѣтъ (у насъ № 1);» наконецъ, и всего хуже, ибо непоследовательно, рассказывается, что Садко, увидавши вокругъ отчаянную пляску и догадавшись, что отъ нея «Окіянъ сине море всколыбалосѧ, кораблики всѣ повывломало, людей-то всѣхъ повытопило,» объявилъ, что это пляски «бѣсовскія,» отказался дальше играть и заставилъ Царя воротить гостя домой (Рыбник. т. I, № 63): говоримъ—непоследовательно по ходу творческаго разсказа, но, коли хотите, согласно съ основною мыслию, когда убѣдился Садко въ опасности черезъ чуръ отважной игры своей и, бросивъ дальнѣйшія торговыя предпріятія, рѣшился вернуться домой. Жена, въ этомъ мірѣ, не отплатила Садкѣ за измѣну по ту сторону, въ другомъ мірѣ; товарищи не поступили съ нимъ такъ, какъ хотѣлъ онъ поступить съ ними, высовывая ихъ вмѣсто себя по жеребью на явную опасность: они поминали его, горевали по немъ. Когда Садко очутился въ Новгородѣ по добру по здорову, узналъ онъ церкву — приходъ свой, того Николу Можайскаго, встрѣтилъ плывшихъ по Волхову съ Хвалынскаго моря товарищей, выгрузилъ съ нихъ казну (у насъ № 2); по другимъ проснулся—бочки съ имѣніемъ лежатъ возлѣ, «съ имѣніемъ и домой пошелъ (у насъ № 1);» по третьимъ, встрѣтила его обрадованная жена, мужъ повыгрузилъ богатства съ прибывшихъ кораблей, состроилъ на нихъ «соборную церкву Миколы Можайскому, не сталъ больше ѣздить Садке на сине море, сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ (Рыбник. т. I, № 64);» наконецъ влагаются женѣ слова: «Ай же ты, любимая семейшка! Полно тебѣ ѣздить по синю морю, тосковать мое ретливое сердечушко по твоей по буйной по головушкѣ: у насъ много есть

нѣтъница — богатства и растетъ у насъ малое дѣтище (тамъ же, № 63)!» Все однакоже согласно въ томъ, что послѣдняя отчаянная игра изъ за страсти къ добычѣ рѣшила наконецъ Садку вернуться окончательно въ лоно своей земщины и здѣсь искать усовершенія. Но такое окончательное водвореніе Садки среди города и семьи послужило предметомъ еще особой, и единственной, Новгородской былины, помѣщенной у насъ подъ № 3-мъ: здѣсь въ основѣ лежитъ собственно то же, что упомянули мы въ началѣ Садковой исторіи,—обогащеніе черезъ рыбу, обратившуюся въ деньги, то есть черезъ тѣ же торговые обороты по рѣкамъ и морямъ, но положительные разсказы успѣхи Садки среди прочихъ его горожанъ, окончательныя побѣда надъ ними всѣми, подробныя построеніе церквей, а источники обогащенія—воды получили иной образъ, не Моря и Морского Царя, а Волги и Ильменя. Ыздивши по Волгѣ до самаго устья въ теченіе 12 лѣтъ и заслуживши на ней имя Волжскаго Сура, Садко захотѣлъ побывать въ Новгородѣ и сталъ прощаться съ Волгою тою же благодарственной жертвой, какую мы видѣли выше на морѣ,—опустилъ въ воду хлѣба съ солью. Волга передала ему какъ свое благословеніе, такъ и поклонъ черезъ него брату, славному озеру Ильмену, то есть свое покровительство и благоволеніе къ Садкѣ передала теперь Ильмену, по мѣсту новаго жительства, куда переходилъ торговецъ съ Волги. Садко по указанію ея подѣхалъ по Волхову въ Новгородъ и сталъ подъ башнею проѣзжею (помѣщаясь на Волховскому мосту, ибо такъ, съ проѣзжими башнями на концахъ, изстарѣ стронлись у насъ мосты; или при вѣздѣ изъ Волхова въ Ильмень?): здѣсь справилъ поклонъ и челобиты; по рѣкамъ ходить слава до моря, тѣмъ паче должно было дойти челобиты по Волхову къ Ильмену. Отъ Ильменя въ отвѣтъ явился удалой доброй молодецъ, вѣроятно Волховъ: онъ зачалъ разговоръ отъ имени Ильменя и, узнавши о близкомъ знакомствѣ Садки съ сестрою Волгою, тотчасъ же поспѣшилъ выразить Гостю благоволеніе новаго патрона, научилъ закидывать невода въ Ильмень, въ неводахъ оказалась разная рыба, а на четвертый день въ подвалахъ вмѣсто рыбы—дробныя (мелкія) деньги, червонцы и монеты. Мѣсто моря въ покровительствѣ Богатому Гостю занялъ теперь Ильмень, тотъ же, что и съ перваго начала поставилъ Садку на ноги въ его родинѣ Новгородѣ. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ образцахъ Голубиной Книги, исхо-

дившихъ вѣроятнѣе изъ Новгородской области, мѣсто Окіяна-моря, со всѣми его помянутыми особенностями, занимаетъ Ильмень: «Ильмень озеро озерамъ мати, озерамъ отецъ,» и, хотя тутъ же прибавлено, что «не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ-градомъ, да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды, не тотъ Ильмень, который во Царѣ-градѣ, а тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли, стоять близъ Ерусалима,» но изъ этого уже видно, что слава Ильменя и имя его простерлись въ древнемъ воображеніи на всѣ воды міра. Любимецъ Алатырь-моря, Балтійскаго, любимецъ Хвалынскаго и рѣки Волги, сдѣлался теперь, по возвратѣ на родину, снова любимцемъ Ильменя, ведя съ нимъ сношенія черезъ удалаго молодца—черезъ Волховъ. Садко сходилъ къ Ильменю поблагодарить за подарокъ и попросилъ еще «поучить жить во Новѣ-градѣ.» Совѣтъ Ильменя былъ практическій, пригодный во всѣ вѣка торговцамъ: повести дружбу съ людьми таможенными, нынѣшними чиновниками и полиціей, а для посадскихъ людей, согражданъ, дѣлать угощенія. Входя мало по малу во всѣ связи съ городомъ, Садко вступилъ членомъ и въ братчину, Никольщину, въ праздникъ и при церкви Николы Можайскаго. На братчинскомъ пиру онъ захвастался, тѣмъ же, чѣмъ и въ началѣ своего обогащенія,—повыкупить всѣ товары въ Новгородѣ: но тогда онъ не выигралъ заклада и долженъ былъ признать превосходство своей метрополии; теперь же, обогащенный долготою торговлей по рѣкамъ и морямъ, онъ дѣйствительно поскупилъ всѣ товары, до того, что остались въ рядахъ одни черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые. И ихъ поскупилъ все-таки Садко: «пригодятся—ребятамъ черепками играть, поминать Садку, Гостя Богатаго!» Пренія слова свои о богатствѣ Новгорода, приведенныя нами выше, теперь, какъ побѣдитель, Садко оборотилъ уже въ совершенную насмѣшку: «что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшки!» Однако и здѣсь сила роднаго города и христіанства окончательно побѣдила самого побѣдителя,—заключеніе, всюду замѣтное въ нашемъ былевомъ творчествѣ, въ силу того, что оно развилось въ эпоху уже Христіанскую: богатство свое положилъ Садко на городъ, на церковь, на роду православному; онъ построилъ дивныя три церкви—Стефана Архидьякона, Софіи Премудрая, связанной въ лѣтписяхъ съ именемъ Садки, и Николы Можайскаго, церковь, помянутую выше

какъ готовую, но въ заключеніи и лучшемъ видѣ приписанную все-таки Садкѣ. — Заключимъ тѣмъ, что нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ былинахъ о Садкѣ, типъ торговаго Новгорода, не только сложившагося и историческаго, но въ связи и съ древнѣйшими, даже доисторическими преданіями, общими всей Руси и Славянамъ. Отъ того эти былины имѣютъ цвѣтъ преимущественно мѣстный Новгородскій, и отъ того же, ни въ былинахъ Кіевскихъ, ни въ Княжескихъ, ни въ Московскихъ не извѣстенъ и не помянутъ Садко, ни съ однимъ изъ его частныхъ, личныхъ обстоятельствъ, ни въ самихъ былинахъ о немъ не вставлено подробностей и чертъ, какія принадлежали бы извѣстному, исторически сложившемуся творчеству Кіева, Княжескихъ удѣловъ, Москвы. Связь съ сими послѣдними только доисторическая — относительно содержанія, только въ языкѣ и складѣ творчества. Равнымъ образомъ, и по тому же, былины о Садкѣ неизвѣстны въ Средней полосѣ Руси, а только на Сѣверѣ, въ Сибири, Архангельской округѣ и Олонецкой, куда шли Новгородскіе выходцы, выходцы изъ метрополіи уже сложившейся и обособившейся.

Въ связи съ Былинами о Садкѣ мы должны рассмотретьъ Былевою Пѣсню о *Терентьищѣ*: мы не можемъ назвать ее въ строгомъ смыслѣ Былиною, ибо складъ ея болѣе краткій и женскій, то, что въ народѣ называется *Стариною*. Но, съ этой стороны приближаясь къ пѣснямъ Былевымъ Безъимяннымъ, она богаче еще ихъ собственными именами и подробными мѣстными чертами, весьма ярко рисующими Новгородъ, а потому старше и можетъ быть сопоставлена съ новгородскими Былинами о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ. Форма имени героя, не Терентій, а *Терентьище* — по свойству нашего языка принадлежитъ всему или грозному, страшному, или старому, неловкому, неуклюжему, и, съ этой послѣдней точки зрѣнія, идетъ къ старому обманутому мужу. Онъ также *Богатый Гость*, какъ и Садко: но лицо его, какъ героя, а вмѣстѣ обстоятельства, послужившія содержаніемъ пѣсни, слишкомъ частны, мелки и семейны, чтобы возрасти въ полную, мужскаго склада Былину или сдѣлаться общимъ содержаніемъ для творчества Руси; потому опять это содержаніе неизвѣстно ни Кіевскому, ни прочему Русскому творчеству, исключая предѣловъ мѣстнаго Новго-

родекаго. Есть однако и здѣсь, если глубже всмотрѣться, черты болѣе древнія и общія остальному творчеству: дворъ Терентьища описанъ какъ дворъ Плъника или Ермы; самое лице его, старика и Богатаго Гостя, сродно съ сими послѣдними лицами; положеніе обманутаго чужимъ молодцомъ мужа напоминаетъ исторію Ермы и Чурилы. Но вся эта основа проткана совершенно новыми цвѣтами и узорами чисто-исключительной мѣстности Новгородской и господствовавшихъ въ ней воззрѣній. Нельзя не остановиться здѣсь на любопытной особенностях: тогда какъ любовь играетъ такую важную роль въ Южномъ творествѣ Кіева и потомъ въ разрозненныхъ частяхъ эпоса новсемѣстнаго—Княжескаго, тогда какъ она тамъ создаетъ для лицъ столько драматическихъ положеній, въ самомъ эпосѣ указывающихъ на зародышъ драмы, а вмѣстѣ вызываетъ столько различныхъ образовъ и красокъ, дышащихъ всею нѣжностью или всемъ пыломъ страсти, до тончайшихъ ея изгибовъ, вызываетъ столько яркихъ выраженій сладостнаго, ревниваго, метительнаго чувства, создавашаго даже въ языктъ множество себѣ свойственныхъ названій, словъ, оборотовъ,—вспомните хотъ Былины объ одномъ Добрынѣ или въ Княжескихъ о Романѣ, Михайлѣ, Князѣ Волхонскомъ, — ничего этого нѣтъ даже и слѣда въ Былинахъ Новгорода, такъ точно какъ въ его лѣтописяхъ, столь отличныхъ во всемъ отъ Южныхъ, видимъ постоянно лишь практическаго, по преимуществу торговаго дѣателя, которому, среди многихъ дѣлъ общественнаго устройства и преимущественно торговли, совсѣмъ не до положеній драматическихъ, не до яркихъ и длинныхъ рассказовъ и описаній, не до выраженій чувства, который—наконецъ—въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и разсказахъ объ нихъ до крайности лакониченъ и кратокъ, не договаривая необходимаго—даже для смысла, останавливаясь часто на полусловѣ: на все это ему—*некогда*. Это единственный на Руси второобразъ типа Лаконскаго и Дорическаго. Тѣмъ паче некогда ему распространяться о любви: мы встрѣтили только нѣсколько нѣжныхъ словъ на устахъ жены Садковой, да и то на порогѣ семейнаго дома, при возвратѣ мужа на лоно строгой матроны. Такъ и дѣло Терентьища, въ подобномъ случаѣ вызвавшее у Кіевскаго творчества страстныя описанія увлеченій жены Ермы, таинственныхъ продѣлокъ и ночныхъ свиданій Чурилы, ярости ревниваго и метительнаго мужа, — дѣло Терентьища въ Новгородскомъ творествѣ передано какъ простая, хотя

и поэтически по своему, семейная сцена зажирѣвшей купеческой жены, готовой отъ старика отдаться первому встрѣчному молодцу, потомъ наглое вторженіе разгульных скомороховъ въ укрощеніе заблудившейся жены, самое укрощеніе въ формѣ домашней Русской потасовки, наконецъ угощеніе непрошеннаго гостя ремenchатою дубиною. Во всемъ этомъ событіи движется уже никакъ не любовь, не страсть и не чувство, а вопросъ безпорядочной семейной жизни, переданной, для водворенія порядка, на рѣшеніе призванныхъ въ помощь горожанъ и на судъ Новгородскаго общественнаго мѣстнаго. Сцены, готовыя повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой семьѣ Русскаго купечества: нужна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядкѣ, чтобы отсюда создать очень хорошую Былевую Пѣсню, такъ точно какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго. Но отнести это важное событіе къ эпохѣ исторической уже нельзя: слѣдъ эпохи, какъ въ Безымянныхъ пѣсняхъ, здѣсь потерянъ; лишь стройный складъ свидѣтельствуетъ о значительной древности, да по крайности, въ отличіе отъ пѣсень Безымянныхъ, сохранены имена лицъ и мѣстностей, мѣстный отцвѣтъ Новгородскій. Терентьице жилъ въ улицѣ *Юрьевской*, въ слободѣ—по его имени—*Терентьевской*. Когда жена, наскучивши старымъ мужемъ, захотѣла его выпроводить подъ предлогомъ нервнаго разстройства и послала за дохтурами, онъ за дверь, а любимый молодецъ въ дверь и на кровать. Бѣдняга мужъ хлопочетъ. Но счастью его, у церкви *Воздвиженія*, у *мосту*, близъ распутия, гдѣ въ древнемъ Русскомъ городѣ всегда можно было встрѣтить или Калѣкъ Перехожихъ, или удалыхъ Бойцовъ-борцовъ, или разгульных Скомороховъ, попадаютъ старику сіи послѣдніе: вѣжливые, очестливые, пронырливые, пройдохи; пѣвцы и игроки, представители народныхъ драматическихъ сценъ съ масками; первые зачалники и надежные товарищи кому погулять, попить, попоказывать; всюду — по пирамъ, свадьбамъ, по домашнимъ досугамъ отъ скуки прошенные и званыя гости; любившіе брать, но не любившіе и не имѣвшіе откуда давать деньги, потому на складчинахъ и братчинахъ гости всегдашніе, но не званые и не прошенные, ѣвшіе и пившіе сильно; готовые позабавить, но также точно и обокрасть, а за то часто битые, если же посильнѣе они или побольше ихъ, то также охотно и бившіе; въ семьѣ пріятные гости—пока играютъ, а то и

накладные, и обжорливые, и воровскіе; дешевые совѣтники—чтобы разстроить, дорогіе помощники—чтобы устроить и поправить бѣду; къ частному и общественному быту относившіеся въ родѣ нынѣшнихъ Русскихъ благородныхъ артистовъ: однимъ словомъ, Веселые Молодцы—ихъ прозвище,—другая сторона медали, обратная той, гдѣ стояли «Угрюмые Старики.» Калѣки Перехожіе, мрачные и таинственные какъ сама слѣпота, такіе же бродучіе, такіе же творцы и пѣвцы, такіе же гости общества и семьи, но другаго еорта, на храмовыхъ праздникахъ до конца обѣдни и обѣда, до начала хороводовъ, на поминкахъ, кормахъ, и прочее, нами не разъ описанное. Скоморохи давно знали Терентьища, давно разѣвали рты на его угощенія и деньги, да старикъ былъ скряга, поживы отъ него не было, «доселѣва его было слыхомъ не слыхать и видомъ не видать;» только теперь объявился онъ, «бродить по чисту полю что корова заблудящая, что ворона залетающая,» да «и не самъ онъ зашелъ, не конь его завезъ, завела нужда.» Передаетъ онъ нужду: пришлось дорого заплатить за помощь, далъ Скоморохамъ сто рублей, да еще послѣ другое сто рублей «за правду великую.» Скоморохи были настоящіе помощники въ его дѣлѣ, тѣ дохтуры, которыхъ лучше нельзя было желать: они сей часъ смекнули, въ чемъ дѣло, какъ вывести на свѣтъ «правду великую» и тотчасъ приступили къ дѣлу. Накупили — на деньги Терентьища — нужныхъ вещей, мѣшокъ, вязъ, дубину, тогдашній галантерейный товаръ; обычно оборванцы, голъ кабацкая, они теперь, какъ при началѣ своихъ представленій, нарядились, стали въ строй, готовы въ походъ: у однихъ гусли, другіе съ голосами на пѣсни, мѣхопома съ мѣшкомъ. Въ мѣшкѣ должны бы быть инструменты, орудія—иногда воровскія, куски пироговъ — дневное продовольствіе: но въ настоящемъ случаѣ туда посадили старика съ вязомъ и дубиною (мѣшки были у нихъ столь же просторны, какъ можно видѣть донинѣ у Калѣкъ Перехожихъ). Подходятъ къ Терентьеву двору. Жена, по естественной опасливости, нѣтъ, нѣтъ, да поглядывала въ окошко, не вернулся бы мужъ: идутъ Скоморохи. Она было не пускать, хозяина дома нѣтъ: но Веселые утѣшили вѣстью, что со кручины старикъ валяется у мосту безъ заднихъ ногъ. Тогда женѣ кстати повеселиться: зазвала, пошли игры и пѣнье, остальное достаточно краснорѣчиво передаетъ сама пѣсня. Наказана жена, наказанъ и Недугъ, прятавшійся подъ собо-

линымъ одѣяломъ. Мужъ, удовлетворенный, не отсѣкъ головы ни измѣнницѣ, ни гостю непрошеному, какъ Ерма въ Кіевскомъ творчествѣ: они прибавилъ лишь скоморохамъ за помощь, получилъ для дальнѣйшаго продолженія жену, да не могъ не радоваться съ точки купеческой, а вмѣстѣ и всей Новгородской, отпечатлѣвшейся въ словахъ былины,—убѣжавшій молодецъ оставилъ въ барышъ дорогой кафтанъ и камзолъ, да денегъ пятьсотъ рублей.—Нельзя однакоже не замѣтить, что весь тонъ этой пѣсни шуточный и сатирическій: какъ въ Гомерическомъ эпосѣ, такъ и во всѣхъ развѣтвленіяхъ нашего, не исключая Кіевского, Княжескаго и Московскаго, всегда возлѣ былинь серьезныхъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ серьезной точки зрѣнія, стоитъ хоть одна, иногда двѣ и три шуточныхъ; мы уже отчасти разъяснили происхожденіе такого явленія, говоря о былинѣ «Каково жить птицамъ (Рыбн., т. II).» Такова же въ Новгородѣ, при былинахъ о Садкѣ и Василѣ, пѣсня о Терентьищѣ, и вотъ разгадка, почему творчество сдѣлало содержаніе ея, ничтожное само по себѣ, достойнымъ своимъ предметомъ, и вышло побѣдоносно: то, что было бы плохо въ былинѣ важной и крупной, то сдѣлалось поэтично, какъ скоро направлена сюда сатира, шутка и улыбка; элементъ комическій вывелъ предметъ изъ ничтожества на достойную степень творческаго созданія. Какъ не замѣтить, что тотъ же Новгородъ, который раздѣляетъ участь Терентьища и сочувствуетъ расправѣ скомороховъ, смотритъ сатирически и на обманутаго старика скрягу, и на неудачу прикинувшейся жены, и на похищенія молодаго парня черезъ окно подъ дубиной? А къ Веселымъ Молодцамъ — нечего и прибавлять, что—творчество относится весело.

Такой же, какъ Садко, любимый герой Новгорода, занявшій собою другой отдѣлъ былинь Новгородскихъ,—*Василій Буслаевъ*. Но это совсѣмъ другой типъ, чѣмъ Садко, выразитель совсѣмъ иного слоя Новгородской жизни, совсѣмъ другихъ ея воззрѣній. Это представитель уже не мирнаго занятія торговли, даже не древнихъ безнокойныхъ и отважныхъ подвиговъ съ торговой цѣлью, не торговой посадской и не торговой гостинной стороны, а Новгородской *Вольницы* или *Повольницы*. Тамъ, гдѣ есть въ жизни достаточная доля свободы, въ семействѣ ли, или въ общинѣ, въ земщинѣ, даже въ государствѣ, тамъ молодежь, молодые подростки растутъ всегда на просторѣ, полные цвѣтущей—по древнему нашему языку—буйной жиз-

ни, полные всей роскошной силы и красоты юнаго бытія, съ ранней смѣлостью ума, съ неожиданною отцами молодеческою отвагой, какъ горячая надежда на будущее, но, непремѣнно и рядомъ, — съ неудержимымъ разгуломъ, съ задоромъ и дерзостью, съ буйствомъ и насмѣшкою, какъ поводъ невольныхъ опасеній каждому за настоящее. Мужи возраста зрѣлаго, мужья семействъ, составляли въ Новгородѣ крѣпкую и тяжелую Земскую Дружину, защищавшую предѣлы роднаго края, ходившую въ серьезныя дѣла съ князьями, отправляли работы на прокормленіе семействъ, вели торговлю внутри, а больше за предѣлами, каковъ — мы видѣли — былъ Садко, принимали участіе въ вѣчѣхъ и во всемъ общественномъ устройствѣ; старики. дѣды семей и главы родовъ, сторона по преимуществу охранительная, нужны были не столько энергическимъ дѣломъ, выходившимъ изъ предѣла ихъ силъ, сколько голосомъ, думою, влияніемъ: но и тѣ, и другіе, не могли не тяготиться крайностями молодежи, ибо это была не свобода, не охрана, а Вольница; они считали необходимымъ и были вынуждаемы необходимостью умѣрять разгулъ ея незрѣлыхъ силъ, давать ей направленіе, по временамъ куда либо сбывать ее, пока она уходится и вернется на родину зрѣлымъ мужемъ. Такъ сбывали Вольницу — не въ Земскую Дружину, а въ тѣ летучіе отряды Новгорода, которые ежегодно, если не еженедѣльно, дѣлали вылазки къ опаснымъ сосѣдямъ и тревожили врага, которые хаживали въ легкія стычки съ князьями, которые не могли, говорить лѣтопись, драться на конѣ и въ сапогахъ, а спѣшивались, разувались и босые метались въ сѣчу. Эту же Вольницу подзадоривали торговцы, когда прознавши въ пномъ краю добычу и завязавши первыя знакомства, указывали ей на лакомый кусокъ, на предметъ захвата; ее торговцы водили за собой и съ собою. Новгородъ, по своему торговому характеру, никогда не былъ суровымъ завоевателемъ въ строгомъ смыслѣ: его пріобрѣтенія въ далекихъ краяхъ добывались Вольницею, и она - то, за торговцами, проникала на послѣднія точки Сѣвера, на устья Волги и въ море Хвалынское. Съ этой стороны Вольница Новгородская сходна съ Богатырями, воспѣтыми въ Киевскомъ творчествѣ: мы видѣли уже тамъ, какъ тяготилась Земщина проказами Богатырей въ своемъ нѣдрѣ, въ селѣ и городѣ, какъ сбывала ихъ на окраины и заставы, и какъ длились тамъ ихъ ежеминутные богатырскіе подвиги безконечнымъ рядомъ. Потому-то имя Василя Буслаева, представителя

Вольницы,—не такъ какъ имя Садки, — перешло даже въ Кіевское творчество, въ Богатырскія Былины, разумѣется не на первыхъ порахъ ихъ склада, а позднѣе, чередовалось тамъ съ именами нѣкоторыхъ Кіевскихъ Богатырей, на примѣръ занимало мѣсто Ивана Годиновича (Рыбник. т. II), а отчество *Буслаевича* является при Вольгѣ вмѣсто «Святославича,» вѣроятно по сходству имени «Вольга» съ Волхомъ и Волховомъ Новгородскимъ (Рыбник. I, № 1); когда же изъ Богатырскихъ пѣсень выродились Безымянныя, имя Василья перенесено на героевъ въ сихъ послѣднихъ (ср. тамъ же, въ былинѣ, выродившейся изъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ), наконецъ помѣстилось даже въ ряду витязей, когда, по разсказу былины, они переводились на Русь (у насъ вып. 4; впрочемъ упоминаніе здѣсь Василья Буслаева, по самому происхожденію нѣсколько подиравленной былины, намъ подозрительно). И на оборотъ, изъ Кіевскихъ былинъ въ былины о Васильѣ перешли нѣкоторыя лица, составлявшія обстановку Богатырей, извѣстныя намъ *Мужики Залышена* и *Семь братьевъ Збродовичи* (у насъ № 3). Потому же былины и сказки о Васильѣ Буслаевѣ, подобно Кіевскимъ, болѣе распространены на Русь, чѣмъ, на примѣръ, о Садкѣ. Но этимъ лишь и ограничивается сходство между Кіевскими Богатырями и Новгородскою Вольницей: гораздо больше есть различій. Первые составляли настоящую и зрѣлую Земскую Дружину, были только отборными ея перлами и типами, удостоенными былаго творчества: такъ требовали обстоятельства Южной Руси, слававшей за всю Русь среди безпрестанныхъ отсюда враговъ, между самыми разнородными сосѣдями, между разнообразѣйшими, облежавшими племенными вѣтвями, которыя предстояло объединить и сплотить, иногда обоюзить, иногда обложить данью и даже покорить. Земская Дружина Новгорода, не поставленная самою мѣстностью въ такое положеніе, не доросла до Богатырства, не дала изъ себя Богатырей: завѣтныя стремленія ея членовъ, послѣ всякой вынужденной войны и стычки, простирались лишь къ торговлѣ и къ охранѣ своей великой торговой общины; богатыри ея были лишь богатыри отважной Торговли. Отъ того на Кіевскихъ Богатыряхъ лежитъ печать характера всеобщности, на Земской Дружинѣ Новгородской и на Вольницѣ—характеръ лишь частности. Тамъ стояли за всю Русь, сложившуюся въ прошедшемъ, наличную и будущую, готовившуюся: здѣсь за мѣстность, за свои интересы, за Новгородъ. Тамъ Богатыри не подрост-

ки, а преимущественно зрѣлые мужи, даже старики, какъ Илья: здѣсь старики внѣ всякой Дружины, внѣ отважныхъ предпріятій, домохѣды сравнительно съ мужами зрѣлыми и болѣе молодою Вольницей; здѣсь Земскіе Дружинники, зрѣлые мужи, — не Богатыри, а по нуждѣ Дружинники Ратные, по охотѣ и любви Торговые; здѣсь Вольница, подрастая, дорастала не до Богатырства, а до тѣхъ же Земскихъ Дружинниковъ Новгородскихъ, до людей рабочихъ, людей вѣча, семьянъ и стариковъ. Богатыри Южные дѣйствовали самостоятельно, силами Земщины; но вокругъ Князя; Южная Русь зародила въ себѣ Русь дальнѣйшую и въ нее перешла нажитымъ наслѣдствомъ: Дружинники Новгорода дѣйствовали въ Новгородѣ и вокругъ Новгорода, нороу съ своими перемѣнными Князьями, но совѣтъ не для идеи, руководившей ими послѣдними, передававшейся искрою отъ Кіевскихъ Князей ко вѣмъ Князьямъ Русскимъ и перешедшей даже къ Князьямъ Московскимъ; тѣмъ паче летучая Новгородская Вольница, хотя и сдѣлала что для всей Руси, но не прямо, а лишь косвенно, черезъ посредство своего Новгорода, куда перешли ближайшіе плоды ея походовъ. Тѣмъ менѣе могла она создать что либо прочное, исторически передавшееся нозднѣйшимъ вѣкамъ; Новгородъ какъ жилъ своею жизнію *особь*, особю, такъ и замеръ, и сгнбъ въ этой особой жизни, цѣликомъ захваченный Москвою какъ добыча, но не передавшійся въ ея плоть и кровь, не переродившійся и послѣ захвата, а либо заморенный, либо самъ замершій въ постепенномъ разложеніи, въ ниспаденіи до простаго отличія мѣстнаго, географическаго и этнографическаго. Ни Владиміръ, ни Москва не захватывали древняго Кіева (говоримъ *древняго*): а между тѣмъ изъ него все нажитое перешло живѣйшимъ преданіемъ во Владиміръ и Москву, и въ родѣ Князей, и въ самой Землѣ, Міръ-народѣ. Здѣсь-то, можетъ быть, въ прочности и всеобщности началъ, лежавшихъ на одной сторонѣ, въ зыблемости и узкости на другой, лежитъ разгадка паденію, и снова зародышу, и возстанію, и даже возможнымъ и будущимъ судьбамъ Кіева, сочнаго корня, зрѣлаго и питательнаго плода Русской жизни, здѣсь же конечному паденію и невозможному возстанію древняго Новгорода, красиваго отростка, *буйнаго* цвѣта Руси, буйнаго въ помянутомъ выше смыслѣ, какъ говорятъ доселѣ многіе Славяне, полного бытіемъ, но скоропреходящаго и на всегда nobлекшаго. Въ Кіевѣ не было Вольницы, въ родѣ Новгородской, молодежь зрѣла до Богатыр-

ства и переходила въ творчество какъ типъ Богатыря: въ Новгородѣ неизвѣстны Богатыри въ родѣ Кіевскихъ. Богатыри принадлежали и доселѣ принадлежать всей Руси, какъ типы ея зачала и первобытной жизни: Дружинники Новгородскіе полегли за свой городъ не оставивши славныхъ именъ и типовъ творчеству; типъ Новгородской Вольницы, Василій Буслаевъ, принадлежитъ лишь мѣстности Новгородской, и только лишь черезъ нее, косвенно, остальной Руси. Тамъ Богатырей много: здѣсь героевъ мало, даже одинъ, если не считать торговца Садки; тамъ они выходили изъ всѣхъ слоевъ тогдашней Земщины, и Бояръ, и Крестынь, и Поповъ, и Гостей, и Посадскихъ, и т. д.: здѣсь они не различались въ своей густой массѣ по слоямъ, ибо не было различавшихъ крупныхъ чертъ; туда собирались Богатыри изъ всѣхъ краевъ тогдашней Руси, даже изъ Муромъ и Ростова, роднаго брата Новгороду, только лишь не изъ Новгорода: здѣсь выступали дѣтелями лишь свои, Новгородцы. Это какъ нельзя лучше отпечатлѣлось въ послѣдовательной связи Русскаго Былеваго творчества. Старшіе Богатыри, выразители первобытной эпохи только лишь начавшей слагаться Руси, неизвѣстны творчеству Новгорода, а между тѣмъ въ тѣсной связи съ Богатырями Кіевскими, представителями Руси сложившейся, на первой лучшей порѣ Владиміровой; между самими Богатырями Кіевскими замѣтна постепенность отъ болѣе старшихъ къ младшимъ, исторически доводится ихъ существованіе до битвы при Калкахъ и дотягивается даже до Ермака Сибирскаго; изъ пѣсней Былевыхъ Безымянныхъ многія выродились изъ тѣхъ же Богатырскихъ, только съ потерей исторической эпохи, именъ личныхъ и мѣстныхъ, да съ пониженіемъ склада творческаго, выродились также, какъ изъ Княжескихъ и Московскихъ; черезъ то имена и типы Богатырей болѣе или менѣе перешли во всю Русь, даже въ Новгородскую нынѣшнюю область, а мотивы творчества, занятые изъ древнѣйшаго содержанія Богатырскихъ Былинъ, проникаютъ собою все дальнѣйшее творчество Русское, видоизмѣняясь на разные лады, такъ что у Москвы, внѣ ея особыхъ, своеобразныхъ Московскихъ Былинъ, есть пѣсни въ народѣ, ведущія начало отъ Кіевскихъ: Новгородское творчество не приняло въ себя всѣхъ этихъ наслѣдій, за исключеніемъ какой ни будь пары менѣе цвѣтныхъ именъ (какъ на примѣръ упомянутые Залѣшена и Сбродовичи), и осталось особнякомъ внѣ общей Русской связи; бы-

лины объ его Вольницѣ, то есть объ единственномъ типѣ ея—Васильѣ Буслаевѣ, остались чисто-мѣстнымъ Новгородскимъ вырождаемъ, неразлагаемымъ ни на какія послѣдствія въ творчествѣ остальной Руси, кристаллизовавшимся и замершимъ въ своей кристаллизаци. Онѣ не ведутъ начала отъ Былинъ о Богатыряхъ Старшихъ, не связаны съ Кіевскими, за исключеніемъ двухъ - трехъ древнѣйшихъ преданій, исходившихъ изъ поры доисторической, какъ мы видѣли въ Садкѣ, да обмѣна въ двухъ-трехъ именахъ, въ силу помянутого нѣкотораго подобія Вольницы и Богатырства, да внѣшняго склада творчества, стиха и эпического языка, общаго всей эпической эпохѣ въ творчествѣ Русскомъ; наконецъ отсюда не выродилось ни гнѣсенъ Безымянныхъ, ни другихъ какихъ либо общихъ для Руси мотивовъ творческаго содержанія. Послѣ Былинъ, выходившихъ по времени сложенія ихъ изъ XII вѣка, Новгородъ, сколько мы знаемъ изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ данныхъ, пѣлъ Былины Московскія (нѣкоторыя изъ нихъ записаны въ Новгородѣ), а теперь поетъ тѣ же пѣсни, какъ вся Русь, прошедшая чрезъ Московскій періодъ, даже безъ крупнымъ отличіемъ мѣстности. — Высказать всю исторію Вольницы въ главномъ ея представителѣ, возведенномъ въ типъ творческій, исторію этого типа съ рожденія и дѣтства до самой смерти, въ зародышѣ среди Новгорода, въ воспитаніи, въ первыхъ дѣйствіяхъ, въ борьбѣ съ окружающею сферой, потомъ внѣ ея, на сторонѣ, до возвращенія на родину или до конца послѣдняго,—вотъ задача, исполненная, нужно сказать правду, превосходно Былинами и отчасти Сказками о Васильѣ Буслаевѣ. Передавая содержаніе, мы получимъ случай непрерывно сравнивать этотъ типъ съ типомъ Садки, чтобы видѣть близость, а еще больше все различіе: только предваряемъ, что все это отнюдь не *подвиги* — подвиги были только у нашихъ Богатырей, — а *похожденія и приключенія*.

Объ родѣ-племени Садки и даже объ отчествѣ не стоило говорить: безъ роду-племени, выскочкой выпелъ онъ въ люди усиленнымъ трудами; совсемъ не то Василій: его отецъ *Буслай* (см. выше развѣтвленія имени), мать *Авдотья Васильевна* или — типическое имя былеваго творчества—*Афимья Александровна*, еще типичнѣе—*Амелоя Тимовеевна*; дворъ ихъ и имѣнье постоянно называются *дворянскими*, то есть вѣрнѣе, боярскими; они были боярами, конечно не тѣми, кои подѣ-

ХСП

лавы Князьями изъ ихней дружины, а Земскими. Буслай занималъ въ городѣ видное мѣсто, быть можетъ посадничество, ибо Былины даютъ замѣтить, что онъ «съ Новымъ-городомъ не споривалъ, со Опсковымъ онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился.» Жилъ онъ бездѣтнымъ, обыкновенно разсказывается, до 90 лѣтъ, пока зубовъ во рту нѣтъ: Василій, какъ говорятъ въ народѣ, былъ сыномъ «молёнымъ и божёнымъ.» Скоро, со смертію отца, остался онъ наслѣдникомъ почетнаго въ городѣ имени и большаго богатства: воспитательницею была мать. Садко не былъ «въ грамотѣ поученый человекъ» и вѣроятно на жеребьяхъ писалъ какъ пишутъ нынѣшніе Русскіе торговцы — каракульками, а въ завѣщаніи, хотя и принесли ему богатую «чернилицу вальянную (Рыбн. I, стр. 377),» вѣроятно приложилъ руку въ собственномъ смыслѣ, то есть обмакнувши ее, или выставилъ чернилами крестъ; да высшая образованность торговому Русскому человеку и не полагается нужною: но, какъ Богатыри Кіевскіе, представитель Вольницы обученъ всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Семи лѣтъ выученъ онъ матерью грамотѣ и перомъ писать: то и другое ему въ наукъ пошло. А какъ стали его учить пѣтью церковному, то это до такой степени пошло ему въ наукъ, что Былина прибавляетъ: «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопровитъ Василья Буслаева,»—знакъ, что Былина, въ ея уцѣлѣвшемъ видѣ, сложена и пѣлась въ Новгородѣ (да и гдѣ же иначе?). Настоящее его воспитаніе было впрочемъ такое: на улицѣ, среди ребятишекъ, въ дѣтскихъ играхъ, а ребята въ вольномъ Новгородѣ были конечно не только какъ всѣ уличные мальчишки, а даже какъ Лондонскіе. Прибавьте сюда надежду на имя и богатство, да несомнѣнное баловство матери къ единственному и позднему сыну. Василій сталъ шутить шутки недобрыя, тѣ, которыя разсказываются впрочемъ и объ другихъ герояхъ нашего эпоса, какъ признакъ ранней ихъ силы: особенность Василья была въ томъ, что онъ шутилъ такъ, рвалъ руки, ноги и головы, не только на знаменитой Новгородской улицѣ *Рогатницѣ*, рано извѣстной по лѣтописямъ и перешедшей даже въ другія Былины (собственно это была всякая древняя наша улица, огороженная, вмѣсто тумбъ и троттуаровъ, рогатками), но и на всѣхъ улочкахъ, да сталъ загуливать и на княжескѣй дворъ, сталъ пошучивать свои шутки съ дѣтми боярскими и княженецкими.

ХСІІ

(Рыбник. т. I). Еще хуже: въ противность скромному Садкѣ, Василій «поводился со пьяницы, съ безумницы, съ Веселыми удалыми-добрыми молодцы,» знакомыми намъ Скоморохами; въ раннихъ лѣтахъ онъ «до пьяна ужъ сталъ напиватися (у насъ № 3).» Вотъ важнѣйшій толчекъ происхожденію Вольницы, необходимо возникавшей въ общественномъ складѣ такого города. Поднялись ропотъ, говоръ, недовольство. дошли они до матери. Былины передаютъ это различно: по однимъ, мужики (т. е. мужи, люди) Новгородскіе только пригрозилъ Васкѣ—«тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасити рѣка будетъ Волхова,» помочиться въ Волховѣ, побывать въ немъ съ мосту по мірскому приговору! По другимъ стали доходить жалобы и просьбы къ матери, притомъ съ угрозами: «унимай-ка своего чада милаго, а ты не уймешь, такъ мы уйдемъ!» Еще, будто съ такою жалобой приходили *отъ князей Новгородскихъ* (Рыбник. т. I); наконецъ, являлись жаловаться прямо и лично люди «посадскіе, богатые.» Частію разсерженный, частію и напуганный угрозами, Василій къ матери; мать отъ баловства перешла къ журбѣ-брани, конечно жалѣя сына; сыну избалованному, «журба Васкѣ не взлюбила.» Нѣкоторыя Былины прибавляютъ, что мать даже перестала пускать его гулять по Новгороду (Рыбник. т. I): еще хуже. Двѣ стороны уже крѣпко расходились въ рознь: но мать еще пособила дальѣйшему. Слезливая старуха ревѣла надъ сыномъ и, пугаясь за участь его въ предстоящей непрѣмнѣ борьбѣ съ горожанами, начала причитать: отецъ твой «не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ дружину хоробрую,»—пословица, не имѣй въ карманѣ сто рублей, а имѣй сто друзей; «а у тебя нѣту братій и дружины хоробрыя, не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися (Рыбник. т. II)!» «Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прибрай-ка собѣ дружину хоробрую, чтобъ никто ти (те, тебя) въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ (т. I)!» Садко предпочелъ бы въ этомъ случаѣ сто рублей: но Василью ложились слова въ сердце глубоко и попадали въ желанную имъ сампѣ цѣль. «За эти рѣчи, говоритъ былина, Василій принимается (т. II).» Онъ и самъ подумывалъ, какъ огородить себя и отъ досадныхъ жалобъ съ угрозами, и отъ докучной журбы матери. Слѣдуетъ второй, и главный шагъ въ образованіи Новгородской Вольницы, второй періодъ въ воспитаніи Буслаева. Обучаться принялся онъ теперь самъ: «семнадцати лѣтъ обучился Василій на-

укъ воинскіихъ (даже, прибавляетъ былина, «рыцарскіихъ»), ощутилъ въ себѣ силушку великую, и дѣлалъ себѣ сбрую ратную, щаницу воинскую и копьѣ мурзамецкое, тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую (Рыбник. т. I);» любимымъ однако оружіемъ Василья съ тѣхъ поръ былъ и остался «червлѣный» или «стемляный вязъ,» порою ось телѣжная, — черты эпохи древней. Тутъ пора бы Василья сбывать въ походы съ прочею Вольницею: да онъ, вѣроятно, и хаживалъ, но мать не могла на долго разставаться, ворочался; притомъ одна толпа Вольницы изъ Новгорода убывала, другая оставалась или прибывала. Это и дало возможность творчеству братья типъ ея какъ постоянный элементъ Новгорода, держать здѣсь Василья для дальнѣйшей борьбы и описывать постепенный разгаръ ея съ окружающими враждебными элементами городской общественной жизни. При такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ городѣ, какъ Новгородъ, полный безпрестанно смѣнявшимися гостями и пришельцами, полный удалой молодежи, конечно всегда было много голи кабацкой и праздношатающихся удалцевъ, искавшихъ понагрѣть руки около богатствъ или потѣшить руки борьбою: самое устройство общины, разлагавшее и сталкивавшее партіи, требовавшее для партій крѣпкихъ рукъ и бойцовъ, тому способствовало. Къ такимъ-то молодцамъ обратился Василій, набирая себѣ дружину, по свидѣтельству былины разсылая письма съ приглашеніями или—по нашему—прибивая уличныя афиши, съ зазывомъ пить и ѣсть готовое, носить дорогое платье, разгуливаясь: афишъ и писемъ даже было не нужно, дружина Вольницы сама собою скоплялась вокругъ надежныхъ предводителей; а чего было надежнѣе именитаго и богатаго баловня? Собираются, по былинамъ, на дворъ къ Василью. Одна былина (Рыбник. т. II) такъ очерчиваетъ толпу въ общихъ чертахъ: «тати, воры, разбойники, плутъ, мошенникъ.» Впрочемъ нѣкоторые, судя по описанію, были и порядочные. Набиралось чернымъ-черно, какъ черна ворона: отобралось лучшихъ 29, самъ Васька сталъ тридцатымъ. Вотъ главные лица по былинамъ: первый и главнѣйшій *Костя Повоторжаникъ*, изъ Торжка, Новгородской области, но одной былинѣ съ отчествомъ—*Костя Никити́къ* (не ошибка ли вмѣсто Повоторжаникъ? У насъ № 4); *Потанюшка* (Потанъ), *Потаня*, съ прозвищами и описаніями — *Малый-упалый*, *Маленькой*, *Хроменькій* или *Хромненькій*, на правую ножку припадываетъ, на лѣву прихрамываетъ, изъ подъ ручки

посматриваетъ,—видно, одно слово, пройдоха; *Васинька Маленькой; Оома* или *Оомушка, Хомушка, Горбатенькій, Толстъ-благородливый* (уродился во благо, въ добро ему шло, кругленькій, гладевкій, брюшковатый),—толстый да горбатый, приземистый, ражій; *Котельная Пригарина*, проженный, то же, что «Дѣтина Поваренный,» «Таракашка» и т. п., съ давнихъ поръ типъ всякого ловкаго помощника, услужливаго чернорабочаго; *Иванище Сильное, Калѣка Перехожій, извѣстный* и въ Кіевскомъ творествѣ: ему бы собственно здѣсь не слѣдъ и быть, да онъ пональ потому, что Калѣки встрѣчались тогда на каждомъ шагу; знакомые намъ оттуда же *Мужики Залышена* и *Семь братьевъ Збродовичи; Лука и Моисей, Дѣти Боярскіе*, заставляющіе подозрѣвать сходство съ Лукою и Петромъ, «Королевичами изъ Крякова (Кракова; Рыбник. т. I).» Подобныя же лица встрѣтимъ мы и послѣ, въ числѣ бойцовъ на Москвѣ. Своеобразно пробовалъ или испытывалъ пришедшихъ Васюка,—взяомъ по головѣ, кто не ворохнется, у кого кудри не трянутъ и т. п.: кто оказывался годенъ, называлъ братомъ названнымъ, угощалъ; мужиковъ Залышанъ, страшныхъ и въ Кіевскомъ творествѣ, до того самъ перепугался, что не посмѣлъ даже къ нимъ и показаться на первое знакомство. Одна стѣнка была такимъ образомъ готова; поводы къ столкновенію также на чеку: познакомимся и съ другою стѣнкою, представителями города, ставшими во враждебное отношеніе къ молодежи. Нельзя не замѣтить, что у Садки, практическаго человѣка, вовсе нѣтъ враговъ: страшилище Морской Царь все-таки ему благодѣтельствуетъ; Царица на его сторонѣ; Чернавка выводитъ его на Русь; купцы и «настоятели» Новгорода, временно поспоривши, подъ конецъ все-таки помогаютъ обогатиться; башлыки, люди таможенные—то же; еслибы въ то время существовалъ полицеймистеръ Новгорода, и онъ явился бы «отцемъ и благодѣтелемъ» Садки; нечего уже говорить о Волгѣ, Ильментъ и т. п.: напротивъ у Василья все, даже родные—какъ крестовый батюшка—все задѣто и лѣзетъ противъ него на стѣну. Стѣна же эта вотъ какаѧ. Во первыхъ, упоминается въ былинахъ оскорбленный Васильемъ «*Княженецкій дворъ*» и «*Князь Новгородскій,*» какъ глава, распорядитель, судья, наказующій и милующій (см. ниже): но это не тотъ Князь, какіе бывали въ Новгородѣ выпрошенные, назначенные или выбранные изъ извѣстнаго рода Варяжскаго. Ближайшее

изученіе Русской исторіи въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ племенъ, особенно Южныхъ, не оставляетъ сомнѣнія, что и прежде слѣхъ Князей, и при нихъ, кромѣ ихъ, были Князья изъ своего рода, съ достоинствомъ и правами своими, такъ точно, какъ искони было у Славянъ именованіе *Князя*, такъ точно, какъ Князья были всегда и остались доселѣ у Славянъ Южныхъ, не призывавшихъ никого изъ Варяговъ, доселѣ въ достоинствѣ старшинъ и судей надъ общинами, такъ точно, наконецъ, какъ имя и достоинство Князя, хотя въ иномъ смыслѣ, искони придавалось жениху на свадьбахъ. Подобнымъ образомъ и *Бояре*, кромѣ возникшихъ изъ дружины Княжеской, Варяжской, на Руси, были искони и здѣсь, и у всѣхъ Славянъ свои собственные; такъ что на оборотъ изъ дружины Княжеской дѣлались Бояре по образцу Земскихъ и, кромѣ Варяговъ, съ самаго начала въ дружинѣ Княжеской, въ Земской и прямо въ Земщинѣ были Бояре Русскіе-Славянскіе. И дѣйствительно, по былинамъ Новгорода, упоминаются въ немъ, и въ одно время, «*три Князя Новгородскіихъ* (Рыбник. т. I),» потомъ «*два Князя*» и просто «*Князья Новгородскіе*,» объясняемые тутъ же—«*Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома Родіоновичъ* (тамъ же).» Тѣ же два лица — одинъ сходенъ и именемъ — видѣли мы въ былинахъ о Садкѣ подъ именемъ «*Новгородскихъ Пастоятелей*.» Въ другой былинѣ и въ томъ же совершенно положеніи, какъ лица предыдущія, упоминается «*Городничій Оома Родіоновичъ*,» очевидно то же лицо, что выше названъ Княземъ и Старшиною. Тѣ же *Никола Зиновьевичъ* и *Оома Родіоновичъ* выводятся въ другихъ двухъ былинахъ (у насъ № 1 и 2) просто какъ «*мужики*,» т. е. «*мужи Новгородскіе*;» тамъ, гдѣ въ однихъ былинахъ описывается ниръ у «*Князя*,» въ другихъ одно лишь имя «*у Викулы Окулова* (*Викулы*—вѣроятно изъ *Микулы*, Николая Зиновьевича; Рыбник. т. II).» Очевидно, что все это простые, обычные мужи Новгородскіе, но облеченные въ достоинство *Князя*, а Князей этихъ могло быть нѣсколько въ одно время и достоинство ихъ, по роду службы, дѣлилось на *Судью* въ строгомъ смыслѣ (см. ниже), *Городничаго* или *Старшину* (городскаго), *Воеводу*. Какъ они выходили изъ Земщины и къ ней относились, и въ нее возвращались послѣ службы, и какой срокъ былъ ихъ службѣ, и какъ рядомъ службъ и служебныхъ лицъ въ роду образовались Служилые люди, какъ относились къ упомянутымъ званіямъ По-

XCVII

садникъ и Тысяцкій, подъ какими изъ упомянутыхъ именъ скрывались и когда собственно организовались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ по лѣтописямъ, здѣсь входить въ подробности не мѣсто. Не лишне однако прибавить, что показанія былеваго творчества, обыкновенно хранимаго какъ святыня въ памяти и устахъ народа, очень важны въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя здѣсь объяснить никакъ ослышкою или искаженіемъ. Равнымъ образомъ, какъ въ именахъ при Садкѣ, *Оома Назарьевъ* и *Лука Зиновьевъ*, такъ и въ помянутыхъ при Буслаевѣ нельзя конечно видѣть лицъ непремѣнно историческихъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ не находимъ по лѣтописямъ, но нельзя однакоже вовсе оставить безъ вниманія, съ какимъ постоянствомъ въ былинахъ народъ держится именъ *Оомы Родіоновича* и *Николы* (онъ же, вѣроятно, при Садкѣ, жившемъ въ ту же эпоху, *Лука*) *Зиновьевича*. Скрытое отъ исторіи по лѣтописямъ возстаётъ перѣдко въ поэтическомъ творествѣ: и на оборотъ, дѣянія Садки и Буслаева приходились во времена Князей, княжившихъ въ Новгородѣ «изъ рода Варяжска,» съ Посадниками и Тысяцкими, а творчество, мы видѣли, представляетъ устройство правительства въ своемъ видѣ, то есть типическомъ, можетъ быть старшемъ, даже болѣе самобытномъ и народномъ, чѣмъ устройство, введенное при Князяхъ и Князьями съ чужи, съ далека или изъ инаго рода. Какъ бы то ни было, но только Василій Буслаевъ съ окружившей его Вольницей, видимъ мы, поставилъ противъ себя все тогдашнее правительство Новгорода. Въ иныхъ былинахъ оно все называется гуломъ «мужиками Новгородскими;» въ другихъ, гдѣ различаются лица правительства, исполнителями его въ борьбѣ съ Васильемъ именуются особо «*господа* (бояре).» «*мужики* Новгородскіе,» мужики «и все *купцы богатые*,» «*мужики посадскіе*,» наконецъ «*городо-Кемскіе*,» подоспѣвшіе къ дѣлу также, какъ Костя изъ Торжка при Буслаевѣ: то есть, это все были естественные враги Вольницы, мужи зрѣлаго возраста, стойкіе — посадскіе, дружинники земскіе, гости и проч., за исключеніемъ стариковъ, зрѣлый возрастъ противъ молодежи, горожане въ собственномъ смыслѣ, полноправные дѣятели противъ Вольницы. Былины, обрисовавшія не совѣтъ красиво дружину Буслаевскую, не скупятся и на враговъ ея: они «на питье завидные (см. ниже ссору изъ за пира),» даже «воры (городо-Кемскіе),» а все творчество, въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, съ явнымъ со-

чувствіемъ становится на сторонѣ Буслаева; видно, онъ имѣлъ правду на своей сторонѣ и сторона охранительная понадоѣла народу, по-опротивѣла въ глазахъ его. Предлоговъ къ рѣшенію натянутыхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ могло быть конечно, замѣчали мы, въ доволь. Нѣкоторыя былины всего проще зачинають борьбу, безъ предлога; «говорить Васильюшка Буслаевичъ:—Есть бы (еслибы) у меня была дружинишка хоробая, тридцать молодцовъ безъ единого, самъ-то я, Васильюшка, въ тридцатыхъ, такъ ѣхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ;» когда же собралось ихъ столько, «тутъ оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали (Рыбник. т. I).» Но другія наблюдаютъ постепенность и выставляютъ предлоги. Когда собранная Вольница пировала во дворѣ Буслаева, «какой зайдетъ, убьютъ его, убьютъ его — за ворота бросать.» Завидные на питье, послѣ афишъ и приглашеній Буслаева, мужики Новгородскіе собирались къ его чанамъ: но они не могли и поднять чары, только лишь «шатаются день до вечера;» это надоѣло Василью, выбѣжалъ онъ на дворъ и пу ихъ бить. По другимъ, мужики собрались къ Василью, такъ бы и быть, да расхвастались: «Мы теперь стали на твоёмъ дворѣ, всю мы у тя ѣству выѣдимъ, и всѣ напитки у тя выпьемъ, цвѣтно платице повыносимъ, красно золото повытащимъ.» Разумѣется, «этыя рѣчи ему не слюбились» и онъ зачалъ ихъ валать по двору. Наконецъ, рассказываютъ, что мужики собрались было чество: но Василій кормилъ-поилъ свою дружинну, «а тыхъ мужиковъ Новгородскіихъ не кормилъ не поилъ да не чествовалъ, а посылалъ по въ-зашей да въ сутычъ ихъ. Тутъ-то мужики Новгородскіе видятъ, что не хорошо то есть: «Осмѣмся (отсмѣмся) мы насмѣшку Васильюшкѣ, сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ, заведемъ (подадимъ видъ, будто) для Василья для Буслаевича, не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ того Васильюшку Буслаева!»» Каки бы то ни было, только со двора Васильева «пошли мужики — сами заплакали: «были у Васьки на честномъ пиру, не упили мы, не уѣли, а въ безвѣчье (увѣчье) залѣзли у Васьки на вѣки!»» Мужики Новгородскіе сдѣлали складчину, Братчину Никольщину (пиръ въ Николѣинъ день), по нѣкоторымъ у самого Новгородскаго Князя: Василья не пригласили, но онъ отправился незванный съ дружиною, не смотря на предостереженія матери и съ явнымъ желаніемъ добиться рѣшительной борьбы. Пиръ этотъ не могъ обойтись безъ конечной ссоры.

XCIX

Одна Былина передаетъ, что ссора вспыхнула случайно: староста церковный, казначей Братчины, принялъ отъ Василья и дружины долю складчины, пиръ шелъ порядкомъ, но Вольница къ вечеру напилась въ кабаѣ; начались игры, кулачная борьба, дошло до драки: Василій бросился разнимать, а тутъ какой-то дуракъ его по уху оплелъ; Василій крикнулъ—«Уже Ваську меня быють!» Подоспѣли его товарищи и вышло побоище. Въ другихъ былинахъ, послѣдовательнѣе, незваный гость не могъ ожидать радушія: явившись въ буйномъ видѣ, онъ съ товарищами влѣзъ насильно, попихалъ и разогналъ собравшихся. Впрочемъ, не смотря на эти схватки, схватки сравнительно съ послѣдующимъ боемъ, пиръ тѣмъ бы и кончился; но подъ конецъ его пьяная Вольница расхвасталась; Костя говорить: «Нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ остался и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати: ударить съ вами о великъ закладъ, о буйной головы,» именно что онъ напустится «на весь на Новгородъ, окромѣ трехъ монастырей (не трогая ихъ изъ уваженія)—*Спаса Преображенія, Матушки Пресвятой Богородицы*, да еще монастыря *Смоленскаго!*» Та и другая сторона взаимно перечила, а Василій говорить еще сильнѣе: «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ, не боюсь я тебя, Ома Родионовчъ, не боюсь я всего Новгорода!» Это было уже близко къ вызову; мужики возражали: «Загадываешь загадку великую! Когда ты, Василій, удалъ е, пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій, на тою на рѣченьку на Волхову: ты со своимъ со дружинамы хорообрима, а мы будемъ драться *всѣмъ народомъ.*» Василій не замедлилъ форменнымъ вызовомъ: «Гой еси вы, мужики Новгородскіе! Бьюсь съ вами о великъ закладъ: наущаюсь я на весь Новгородъ битися-дратися, со всею дружиною хороброю. Только (если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритесь, то вамъ платить мнѣ такову же дань.» Сдѣлали договоръ письменный за рукоприкладствомъ: «и ударился Васька о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, ударился Васька о своей буйной головѣ, за утро (завтра, на другой день утромъ) битися Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ;» «и ударилъ о великъ закладъ со трема Князьями Новгородскимъ, выходить на мостикъ на Волховскій и битися Василью съ Новымъ городомъ, побить всѣхъ мужи-

ковъ до одинаго;» «ударили они о великъ закладъ, подписали подписи великія, что съ утра още ранымъ рано итти-то на рѣченьку на Волхову, на тотъ ли на мосточикъ на Волховскій *).» Вспомните, что такъ точно бился объ закладъ въ Кіевѣ, и раздѣлили его на партіи, Иванъ Гостиный Сынъ (вып. 3); что такъ точно съ Новгородцами бился объ закладъ Садко: но для Гостя-Купца единоборство состояло въ лучшемъ товарѣ (какъ у Гостинаго Сына), или (какъ у Садки) въ закупкѣ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ; здѣсь же шло дѣло объ единоборствѣ въ собственномъ смыслѣ, на животь и на смерть. И какое неравенство стѣнокъ: съ одной стороны весь Новгородъ опричь женщинъ, дѣтей и стариковъ, опричь монастырей—духовенства, церковниковъ, зрѣлое, испытанное ядро населенія, бывавшее и состоявшее въ Дружинѣ Земской, ходившее въ походы съ Князьями, въ далекіе, чужіе и враждебные края съ купеческими товарами; съ другой Вольница хотя и рьяная, но неопытная, большею частію молодежь, и всего тридцать человекъ. Но при этомъ нужно однако вспомнить, что тридцать человекъ, по точному смыслу творчества, было лишь выборныхъ и отборныхъ, друзей Василья, его названныхъ братьевъ, душа въ душу, и это собственно была его *дружина*; Вольница же расла около дружины конечно сбродомъ и толпою, клубокъ росъ по мѣрѣ движенія. На первый же зовъ Василья пришла къ нему «силушка чернымъ чернѣ:» было изъ чего выбирать, было чѣмъ и пополниться отборному. Приставали къ нему всѣ недовольные, и выходять, что кажущееся неравенство стѣнокъ на самомъ дѣлѣ было не такъ велико. Во всякомъ случаѣ, главное дѣ-

---

*) Во II-мъ томѣ у Рыбникова все дѣло перенесено въ Кіевъ, Василій дѣлаетъ закладъ побороть весь Кіевъ, каменну Москву, со всѣми и со малыми пригородками, а дерутся мужики городо-Кемскіе: происхожденіе сему было то, что былина начинается описаніемъ пира, «да идетъ-то Василій во почестный пиръ ко князю» — Новгородскому; но, какъ скоро сказано «ко князю», нетвердый пѣвецъ, но привычекъ къ Кіевскимъ былинамъ, продолжилъ—«ко Владимиру», и пошла писать—«у ласкова у князя у Владимира» и т. д. Подобныхъ явныхъ искаженій (сравните въ одной Былинѣ, Рыбник. т. II, мостъ *Обухова* вмѣсто *Волховскаго*) мы никакъ не должны относить къ упомянутому общенію творчества Кіевского и Новгородскаго: общеніе тамъ, гдѣ безъ искаженія есть связь внутренняя, выраженная въ сознательномъ сближеніи лицъ, мѣстъ, именъ и т. и.

ло было въ томъ, на чьей сторонѣ правда и кто долженъ былъ побѣдить по сочувствію и воззрѣнію творчества: а все это было на сторонѣ Василья, а съ этой помощію въ Кіевскихъ Былинахъ и одинъ Богатырь побивалъ тысячи. Василій представлялъ собою юную, притѣсняемую силу, а эта сила, права или неправа, всегда скорѣе встрѣчаетъ въ творествѣ сочувствіе; замѣтьте еще сторону, крайне всегда щекотливую для нашего народа: Василій шелъ противъ служилыхъ и богачей.—И такъ, «ударили о великъ закладъ, и записи написали, и руки приложили, и головы приклонили.» Какъ ни былъ однако же увѣренъ въ себѣ и друзьяхъ Васька, былины прибавляютъ, что когда онъ пошелъ съ пиру домой и хмѣль съ него свалилъ, пошелъ онъ не веселъ не радостенъ, повѣсилъ буйную голову, утупилъ очи ясныя. Къ матери дошла вѣсть о сдѣланномъ закладѣ, рассказала дружина, рассказалъ самъ Василій. Завалился ли онъ самъ съ тяжелой попойки и уснулъ мертвымъ сномъ въ прохладномъ глубокомъ погребѣ, какъ рассказываетъ одна былина (Рыбник. т. I, № 57); или мать съ намѣреніемъ еще напоила его «питьемъ будущимъ (т. II)» и уложила; или даже сама вывела съ пира и засадила (т. I),—только во всякомъ случаѣ, испуганная вѣстью о происшедшемъ и предстоящемъ, старуха плакала и не нашла сдѣлать ничего лучше, какъ запереть сына всѣми возможными запорами, спрятать все его оружіе, выпустить въ поле коня и т. д. То, чего не смогъ бы весь Новгородъ, сдѣлала мать своею властію: подъ крѣпкими запорами Василій лежалъ безоруженъ, спалъ безъ просыпу да и забывалъ объ дѣлѣ. Одна былина (у насъ № 3) называетъ за это мать «старухою неразмышленною:» но она знала, что дѣлала, сынъ ей былъ дороже всей гражданской и военной чести. Поспѣшно она «налила (насыпала) чашу красна залота, другую чашу чиста серебра, третью чашу скатна жемчуга, и понесла въ даровья *Князю Новгородскому*, чтобы *простилъ* сына любимаго.» Здѣсь-то особенно выступаетъ *одинъ* Князь, и притомъ въ качествѣ Судьи, такъ что пѣвецъ къ одной былинѣ прибавлялъ, что Амелѣу Тимооеевну «позвали въ *Судъ* и крѣпко тамъ разобидѣли (Рыбник. т. I):» если гдѣ искать Рюриковича, то конечно вотъ гдѣ: тогда, съ этой точки зрѣнія, «Посадникъ» соответствуетъ упомянутому «Князю-Старшинѣ» или «Городничему,» «Тысяцкій» — «Князю-Воеводѣ.» Конечно обида въ Судѣ состояла въ естественномъ рѣшеніи Судьи,—

«говорить Князь Новгородскій: «Тожно (въ такомъ случаѣ) прощу, когда голову срублю!»» Самое живописное лицо Новгородскаго творчества со стороны нравственного характера есть конечно мать Буслаева, и нигдѣ такъ вѣрно и послѣдовательно не выражается творчество Новгорода, какъ въ разсказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына (смотрите еще ниже). Пошла она домой, «закручинилась пошла, запечалилась, разсѣяла красно золото, и чисто серебро, и скатень жемчугъ по чисту полю, сама говорила таковы слова: —Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ, а дорога мнѣ буйная головушка своего сына любимаго, молода Васильюшка Буслаева!—» Одна осталась у ней надежда—на крѣпкіе запоры и на крѣпкій сонъ сына.—Между тѣмъ мужики Новгородскіе всю ночь готовились къ бою и готовили оружіе: къ чести обѣихъ сторонъ, вытекавшей впрочемъ изъ условій подобнаго боя, нужно замѣтить, что оружія остраго не употребляли, мужики приготовляли молоты и шалыги или шелепуги подорожныя, какія бывали у Калѣкъ Перехожихъ, страшно тяжелыя клюки или длинныя дубины, иногда налитыя свинцомъ, иногда всѣ свинцовыя; Вольница была вооружена также; самъ Василій, не смотря на то, что, какъ мы видѣли, обучился наукамъ воинскимъ и рыцарскимъ, имѣлъ и копье, и саблю, но дерется обыкновенно дубиною, именно вязомъ, по нуждѣ—какъ увидимъ—желѣзною осью телѣжною, при случаѣ—языкомъ отъ колокола. Нельзя одного похвалить у Вольницы и Дружины Буслаева: какъ всякая молодежь и самоувѣренность, какъ типъ Славянина вообще и Русскаго, увѣреннаго въ правотѣ дѣла, они, въ то время, какъ опытные враги готовились и эта черта выставлена ярко въ былинахъ, по молчанію былинъ—не принимали никакихъ особыхъ мѣръ, ринулись какъ попало и не догадались даже всѣ собраться, дождаться и вызвать своего предводителя. Бой, еще во время роковаго пира и заклада, назначенъ *на мосту Волховскомъ и у моста*: тамъ гдѣ предрекъ будущее плывущій богъ язычества, Перунъ, куда бросялъ свою палицу, куда биться палицами сходились потомъ Новгородцы въ своихъ воинскихъ играхъ, гдѣ преимущественно бились въ городскихъ расприяхъ. Въ частности бой размѣренъ былъ въ условіяхъ такъ: куча Новгородцевъ, какъ застава, встрѣтитъ Василья съ дружиною первая *до мосту*, съ той стороны, откуда ему итти; другая *среди мосту*; третья *въ концѣ моста*; если хоть на одной Василья побьютъ,

СШ

потерялъ онъ свою заложенную голову; но если пробѣтъ засгаву третью, то онъ побѣдилъ. Вотъ эти условія по былинѣ: «Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ; хотъ свалять Василья до мосту,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хотъ свалять Василья у моста (та же куча, подвинувшись),—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хотъ свалять Василья посередъ моста,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; а ужъ какъ пройдетъ третью заставу, тожно (въ такомъ случаѣ) больше дѣлать нечего (рѣшена борьба, побѣдилъ).» Судьба Василья должна была рѣшиться тамъ же, гдѣ рѣшилась судьба Садки, гдѣ сему послѣднему (подъ мостомъ?) явился Волховъ и передалъ отъ Ильмена средства обогащенія. Рано утромъ, на другой день послѣ договора, сошлись двѣ стороны; мужики Новгородскіе, собравшись на мѣсто, кричатъ: «Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ, рушай-ка (рѣшай) завѣты великіе!» Но Василья не было. Впереди Вольницы выступилъ *Хомушка Горбатенькій*, на смѣну *Потанюшка Хроменькій*, потомъ *Костя Новоторжанинъ*; по другимъ впереди были *Котельная Пригарина* и *Потанюшка*. Они дѣлали все, что могли, били каждый сотнями: но они бились три часа, потомъ цѣлый день, потомъ другой день, третій день и третью ночь; въ каждый срокъ посматривали и поджидали они Буслаева: его нѣтъ какъ нѣтъ. У дружины головы проломаны, кушаками головы завязаны, платками руки перевязаны, не пили они, не ѣли, себѣ отдыху не давали, стоятъ они по колѣна въ крови, иные отъ мужиковъ уже кушаками переперевязаны и веревками запутаны. Раздается вопль ихъ: «Что ты, Васька Буслаевичъ, измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!» А мужики съ своей стороны насмѣхаются: «Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой? Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ, продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей! Трои сутки быются братаны за Ваську Буслаева, молотами у нихъ головы не проломаны, кушаками у нихъ головы не привязаны, а Васьки Буслаева въ явѣ нѣтъ: еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой!» Нѣкоторыя былины говорятъ, что Василій проснулся тотчасъ на плачевный вопль товарищей и дѣло приняло новый оборотъ, какъ послѣ Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Другія, что онъ слышалъ въ погребу отъ мужиковъ говорю ихъ похульную, хульную и похвальную: а похвалы, хвастовства, извѣстно въ нашемъ народѣ,

не терпятъ высшія силы и дѣло ими переворачивается (τὸ θεῖον φθονερὸν, какъ выражаетъ народное мнѣніе Геродотъ). Но большинство былинъ наблюдаетъ еще ступени послѣдовательности. На четвертый день битвы, рано по утру служанка матери Васильевой, *Дѣвка Чернавка* пошла на Волховъ по воду. Мы знаемъ уже это лицо изъ прежнихъ Замѣтокъ: вмѣстѣ съ Котельной Пригариной это единственное, что досталось изъ древнѣйшихъ доисторическихъ преданій и первобытнаго эпоса въ былины о Буслаевѣ. Она непременно въ службѣ у старшей госпожи или матроны, какъ Ириса у Геры: у насъ потому иначе она именуется Поваренною, даже, въ переводѣ на языкъ общежитія, кухарка, хлѣбница и т. и. Она вѣстница, посредница двухъ сторонъ, какъ въ былинахъ о Саломанѣ, Садкѣ, Ермѣ и Чурплѣ, и т. д. Она помощница то одной, то другой сторонѣ, чаще—въ выводѣ—юному герою. Какъ древняя Ириса съ символомъ Радуги, она въ эпическомъ образѣ среди исторіи съ полукруглымъ коромысломъ черезъ плечо, расписаннымъ, изъ разнаго дерева: иногда, какъ въ разбираемыхъ былинахъ Новгородскихъ, коромысло ея металлическое—желѣзное, или кипарисовое, занесенное Русскими еще съ Юга. Древнее происхожденіе ея и бывшее значеніе выражается въ уцѣлѣвшей громадной ея силѣ. Къ ней-то обратились побитые товарищи Василя: «Не подай (не выдай) насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго!» Чернавка поставила ведра, коромысло въ рукахъ ея начало помахивать, прибила враговъ до пятисотъ. Но этого все-таки было мало. Чернавка бросилась домой, своей силою сорвала замки и запоры, разбудила грознымъ упрекомъ Василя, рассказала о случившемся, выпустила его изъ заперти. Очнувшійся выскочилъ на дворъ, все оружіе было прибрано (послѣ уже упоминается въ рукахъ Василя любимый вязъ), схватилъ онъ желѣзную ось тележную и, какъ спалъ, въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ, въ одной рубашкѣ безъ пояса, бросился выручать товарищей. Когда появился онъ «по Волхъ-рѣкѣ, по той Волховой по улицѣ, завидѣли добрые молодцы, а его дружина хоробрая,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.» Подскочилъ Василій: «Вы теперь позавтракали, мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати! Идите же, братцы, на отдыху, идите же, братцы, не съ упадкою, а я за васъ поработаю! Садитесь вы, братцы, на лавочку: продалъ васъ не я, добрый молодецъ, продала васъ моя матушка родимая, измѣнилъ

вамъ не я, добрый молодецъ, измѣнила вамъ моя родна матушка! Теперь я съ ними побрѣтаюсь.» Кто могъ еще драться изъ дружины, развязалъ онъ и пустилъ въ дѣло (Рыбник. т. II), а самъ впереди: на часу вся сила мужиковъ была выгублена. Но они помнили, что говорилъ Васька еще на пиру при похвальбѣ: не боюсь, говорилъ онъ, никого, ни всего Новгорода, «лишо боюсь я крестоваго батюшка, *Матераго Старчища Игнатьища*, да боюсь я крестоваго брателка, молода *Григорья Игнатьища*, — имъ отъ меня и честь, и почѣтъ; а что по чему поидеть, такъ и всѣхъ не боюсь!» Была правда, что Василій боялся ихъ, была правда, что и съ ними могъ въ крайнемъ случаѣ справиться. Мужикамъ приходилось схватиться за краюшекъ. «Мужиковъ Новгородскіихъ мало ставится, очень рѣдко и мало ихъ. Видятъ Князя (они въ сторонѣ ожидали конца, какъ старшины) бѣду неминучую, — прибѣтъ мужиковъ Василій Буславьевичъ, не оставитъ мужиковъ на сѣмена, — приходятъ Князя Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома Родіоновичъ, ко его государынѣ ко матушкѣ, сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, честна вдова Мамелѣа Тимоѣевна! Уговориуйми свое чадо милое, молода Василья Буслаевича, укротилъ бы свое сердце богатырское, оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена! — Говоритъ Мамелѣа Тимоѣевна: — Не смѣю я, Князя Новгородскіе, унять свое чадо милое, укротить его сердце богатырское: сдѣлала я вину ему великую, засадила его во погреба глубокіе (я уже сдѣлала одну вину прежде и дала вамъ потачку). Есть у моего чада милаго во томъ во монастырѣ во *Сергѣевоѣ* крестовый его батюшка *Старчище Пилигримище*: имѣетъ силу нарочитую. Попросите, Князя Новгородскіе, не можетъ ли унять мое чадо милое?—И такъ Князя Новгородскіе пріѣзжаютъ къ монастырю ко Сергѣеву и просятъ Старчище Пилигримище, со великимъ просятъ съ униженіемъ: —Послужи ты намъ вѣрой-правдою, сходи ты на мостикъ на Волховскій ко своему ко сыну крестовому, уговори его сердце богатырское, чтобы онъ оставилъ побойще...» — Или прямо, не ходя къ матери и помня слова Василья на пиру, «мужики думу думали (со злобнымъ уже умысломъ):—Во томъ ли монастырѣ во *Кириловскоѣ* есть *Старчище-Пилигримище*: нойдемте-ка, братцы, подкупимте, бываетъ —онъ побьетъ Ваську Буслаева!—Они ѣхали скорымъ скоро во тотъ ли во монастырь во Кириловскій:—Ай же ты, Старчище-

Пилигринище! Послужи-ка намъ вѣрой-правдою, на тебѣ красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга!—» Это новое лицо, крестный отецъ Василья, былъ еще въ роднѣ ему, ибо передъ походомъ на мость «идеть онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки, говорить ей таково слово, что силушка мужиковъ городо-Кемскихъ поразбита и чтобъ она приуныла своего сына Васильюшка (Рыбник. т. II).» Наконецъ, онъ называется еще (Рыбник. т. I) *Старчице Елизарище* и опять просто (у насъ № 3) *Старець Пилигримища*. Стало быть, лицо это въ сущности не новое, а весьма старое и намъ уже хорошо знакомое; онъ въ разныхъ монастыряхъ, различны его имена, но типъ одинъ: это Калѣка Перехожій, со всѣми обычными своими свойствами, принадлежностями, дѣйствіями. Помянутыя составныя части этаго типа легко намъ уразумѣть: Старець, Старчище, Пилигримище—peregrinus, pielgrzym, т. е. Странникъ, Перехожій,—обычныя прозвища Калѣкъ; даже *дядей* Василью онъ сталъ изъ Польскихъ и Бѣлорусскихъ *Дзядовъ*, Югозападныхъ *Дидовъ-Дьдовъ*,—имя Калѣкъ. Впрочемъ, онъ могъ быть и по типу дядей Василью, братомъ его матери, въ міру: подъ конецъ пошелъ душу спасать въ монастырь и жилъ тамъ, какъ жили обычно Калѣки Перехожіе при любимыхъ монастыряхъ. На эту прежнюю его исторію въ міру намекаетъ также имя *Игнатъище*, подъ другимъ именемъ *Данило Игнатъевичъ* или *Данилище*, герой, извѣстный намъ изъ Кіевского творчества, прежде сильный богатырь, потомъ ушедшій жить при монастырь и спасать тамъ душу, послѣ встрѣчавшійся съ Ильєю на дорогѣ уже въ качествѣ Калѣки Перехожаго, также съ именемъ *дяди* (вып. 3 и 4). Сынъ его также извѣстный въ Кіевѣ *Иванъ* или *Михайло Даниловичъ*: вотъ откуда и въ Новгородѣ взялся сынъ *Григорій Игнатъевичъ*, крестовый братъ Василью; описанный такъ же, какъ отецъ его, и Калѣка, онъ только раздвоился изъ одного лица отцовскаго, мѣшаетъ единству сего послѣдняго и ничего не прибавляетъ къ творчеству, возникши не въ силу творческой необходимости, а случаемъ и по смѣшенію съ лицами Кіевского творчества. Послѣ онъ, до отца, дрался съ Васильемъ, но ничего ровно не пособилъ ни дѣлу, ни творчеству, а только замедлилъ ходъ его и раздвоилъ одно типическое лицо; выгода, лишняя черта отъ него была лишь развѣ та, что, побивши его, Василій получилъ шалыгу или вязъ, дравшись прежде осью те-

лѣжною. Былины, удивительно вѣрныя основному типу, ловко под-
 ѣли именно эту черту, ибо Василій, получивъ въ наслѣдство отъ
 убитаго шалыгу, говоритъ: «Нѣтъ (не было оружія) на друга на
 стараго, на того ли на брата крестоваго, — какъ братъ пришелъ,
 по плечу ружье принесъ (въ основѣ пословица: не было оружія на
 брата, пришелъ онъ — принесъ шалыгу, пригодилась на него)!» Съ
 той минуты «и пошелъ Василій по мосту съ шалыгою (Рыбник. т.
 1).» Потому и мы оставимъ безъ вниманія это вставочное, случайно
 возникшее лицо: смотримъ на одинъ типъ, на одного Калѣку Пере-
 хожаго. Имена его, мы видѣли, одинаковы у творчества Новгород-
 скаго съ Кіевскимъ: такъ и должно быть, ибо эти типическія лица
 были тамъ и здѣсь общими и, Перехожія, не были исключитель-
 нымъ достояніемъ мѣстности; Новгороду принадлежитъ лишь одно
 имя, доселѣ не встрѣченное въ Кіевѣ, — старчище *Елизарище*. —
 И такъ, лицо старое, изношенное былыми подвигами, само въ обно-
 скахъ и отонкахъ, вышедшее на Русь изъ старины глубокой, хра-
 нившее всегда старину, Былину ли, Стихъ ли, Калѣка Перехожій
 принадлежалъ весь охранительному началу и теперь долженъ былъ
 взять его сторону противъ молодежи и вольницы. Кромѣ того, по
 одной былинѣ, Калѣка, увидавши поднесенныя ему, помянутыя бо-
 гатства, польстился: «на то Старичище кидается, на то Старичище
 позывается,» извѣстная приманка Калѣкъ-попрошаекъ. Изъ монасты-
 ря, oprичъ коего клялся Костя и Буслаевъ, Старичище былъ для
 Новгородцевъ послѣднимъ резервомъ, запасомъ, выведенъ какъ край-
 ній оплотъ, въ родѣ тѣхъ Заточниковъ, которыхъ всегда, по памят-
 никамъ Славянской поэзіи (ср. о Саурѣ Ваниловичѣ, вып. 3, и
 пѣсни Сербскія), берегли на случай въ тюрьмѣ и выпускали на
 врага въ отчаянныхъ случаяхъ. На него можно было и понадѣяться:
 хоть голова Калѣки при старости, нога за ногу запинается, рука за
 руку заплетается (ср. вып. 4), но этотъ типъ изъ древности отда-
 ленной, эпохи кочевья и степей, занималъ силу громадную и ужас-
 ную, мыкая ее въ бродячихъ переходахъ, но здѣсь же часто и по-
 дымая ее до страшной энергіи; не даромъ самъ Илья признавалъ въ
 немъ силы «два меня (въ двое себя),» не даромъ Амелѣа Тимо-
 оевна отнеслась объ его «силѣ нарочитой,» а мужики надѣялись,
 «бываетъ—онъ побьетъ Ваську Буслаева.» Ему бы по настоящему
 достойно сразиться съ Иванищемъ Сильнымъ, Калѣкою, забравшимъ

ся въ дружину Васильеву: но этотъ, какъ случайно забрелъ сюда изъ Кіева, такъ скоро и улизнулъ; къ концу рѣшенія дѣла устранилось въ былинахъ все случайное и оставались только существенные типы. Настоящій Новгородскій Калѣка былъ привязанъ къ мѣстному монастырю, Сергѣеву-Троцкому, Кирилову-Бѣлозерскому; они, питавшіе не одного Калѣку, также типически приурочены Новгороду: судьба его вела на конечную расправу. Откуда бы ни взяли его, его тащили на мостъ Волховскій: здѣсь было настоящее мѣсто его, ибо — не только типически, но и исторически — главное мѣсто Калѣкъ на мостахъ, какъ на примѣръ на Волховскомъ въ Новгородѣ, на Днѣпровскомъ въ Смоленскѣ, на Спасскомъ нѣкогда въ Москвѣ. Здѣсь, на мосту, непременно и долженъ былъ встрѣтить его Василій, по типу творчества. II въ разсказѣ *Ѹ* были выдержанъ тотъ же порядокъ: до прихода Василья дружина его была отъ мосту «попята;» когда же, частію отсторонивъ ее, частію отославъ, а частію ободривъ, Василій рванулся впередъ и порядочно поколотилъ уже мужиковъ, равнымъ образомъ, пока Князя ходили съ поклономъ къ матери и Калѣкъ, а Калѣка пока снаряжался и двигался, Буслаевъ, очищая дорогу и сваливая встрѣчныхъ, дошелъ уже до середины моста Волховскаго. Здѣсь-то и встрѣтилъ его во всеоружіи Старчище. У Старчища упоминается обычный «костыль,» клюка; «шалыга девяноста пудъ,» то же; «клюка въ десять пудъ;» «копакъ въ двадцать пудъ,» — шляпа земли Греческой; «кафтанъ въ сорокъ пудъ,» — гуня подорожная; недоставало лишь лапотковъ семи шелковъ, да сумы бархатной: но все это нарядъ типическій, а здѣсь былъ случай чрезвычайный. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Старчище воспользовался тѣмъ, что всего ближе было подъ рукою въ монастырѣ: онъ скочилъ на башню колокольную, сорвалъ колоколъ, надѣлъ на голову колоколъ, поднимаемый творчествомъ въ разныхъ былинахъ Новгородскихъ съ 12-ти до 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ; въ правую руку взялъ оторванный колокольный языкъ во 500 пудовъ. Идетъ онъ на мостъ, языкомъ-то онъ подпирается, — подъ нимъ мостъ нагибается (Рыбник. т. II). На середкѣ загородилъ онъ Василью дорогу и началъ то мягко, а то ужъ и не мягко: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укrotи свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!» «Ай же ты, мое чаделко крестовое! Молодой курень (пѣтухъ), не попархи-

вай, на своего крестоваго батюшка не насакивай!» А потомъ: «А малый куръ, не запурхивай, а ты, дитя, не засакивай, а прямоѣзжей дорожки не заваливай!» «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай! Изъ Волхова воды не выпити, во Новѣ-градѣ людей не выбити, есть молодцовъ сопротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!» «Какъ пурхаль-то ясный соколъ да и допурхаль, ходилъ-то добрый молодецъ да и доходилъ!» Наконецъ прямо: «Я иду — Василью смерть несущу!» Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, и въ отвѣтъ Василя, былины, по разнымъ образцамъ своимъ, выражаютъ въ творествѣ постепенность. Вотъ какимъ путемъ разгоралось слово и дѣло Буслаева: «Ужъ ты здравствуешь, крестовый батюшка! Ты за чѣмъ идешь, старъ человекъ? На что ты идешь, крестовый батюшка?» «Старца убить—не спасенья залѣзть (найти), а грѣха себѣ на душу: поди-тко ты, Старецъ Преугрюмище, на свое мѣсто, а въ наше дѣло ты не суйся!» «А и гой еси, Старецъ Пилигримища! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими *опричь тебя*, Старца Пилигримища: во задоръ войду — тебя убью!» И вошелъ: «Тебя ли чортъ несетъ во той поры на своего на любимаго крестничка? Головами, батюшка, играемся!» «Не корись ты, старая шлея бросовая, не корись ты, корзина дертужная, дертужная корзина, вѣковалая!» «А не далъ я ти яичко о Христоськомъ днѣ (въ Свѣтлое Воскресенье), а дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ (бой былъ во время Петровокъ или въ Петровъ день)!» «Колько я тебя хрѣстнымъ ни назывывалъ, на вѣку ты мнѣ яичка не даывалъ, теперъ мы съ тобой похристосуемся: вотъ тебѣ красно яичко—Христось воскресъ!» Яицами чокаются, бьются въ головки: за послѣдними словами Василя слѣдовалъ ударъ по головкѣ батюшки, по колоколу, желѣзною осью, по другимъ булатною палицей. Колоколъ разлетѣлся въ мелкія черенья, за колоколомъ голова, изъ головы глазные яблоки какъ нивны чаши; Василій заглянулъ еще подъ колоколъ, какъ говорить одна былина: «а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣтъ,» давно ужъ умеръ старикъ, да давно и глазъ не было, потому что вѣроятно Калѣка былъ слѣпой. Спихнулъ его Василій подъ мостъ Волховскій, задавило тамъ Старика языкомъ колокольнымъ; но Василій черезъ чуръ разъярился, онъ слѣзъ подъ мостъ, еще издѣвается надъ тѣломъ: «еще сердце въ емъ не уходилося, еще граеть (играетъ) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ: — Лежи

ты здѣсь, сучище обдѣзлое, вотъ тебѣ яичко, — Христосъ воскресъ! —» Взявъ Буслаевъ колокольный языкъ и явился опять на мостъ съ новымъ оружіемъ: «Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ, копые долгомѣрное, тутъ-то и сабля острая, и палица военная!» Начавши споръ языкомъ, Василій и доканчивалъ его языкомъ же. — Съ паденіемъ Старчища пала послѣдняя застава и послѣдній оплотъ стѣнки мужиковъ Новгородскихъ: бой былъ ими проигранъ окончательно; теперь слѣдуетъ только исторія укрощенія и умиловленія Василья. Въ ней опять по разнымъ былинамъ есть своя постепенность. Вторично отправляются съ просьбою къ матери: «тутъ-то два Князя Новгородскіихъ (замѣчательно, что *одинъ* Князь, Судья, вѣроятно изъ Рюриковичей, въ этихъ покорныхъ депутаціяхъ не участвуетъ), Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Оома Родіоновичъ, приходятъ къ его государынѣ матушкѣ: — Упроси свое чадо любимое, укротилъ бы свое сердце богатырское: мужиковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится (мало становится), убилъ онъ крестоваго батюшку, честнаго Старчища Пилигримища.» На этотъ разъ, по свидѣтельству одной былины (у насъ № 3), мать послала известную намъ Чернавку: едва могла она пройти между убитыми тѣлами, сильная — «сохватила Василья за бѣлы руки,» рассказала о покорности мужиковъ, повела Василья со дружиною на широкой дворъ (въ этой былинѣ два раза повторяется одно и то же: Чернавка будто бы и прежде притащила Василья, послѣ чего онъ былъ запертъ въ погребъ; явная путаница отъ пѣвца). Но, или Василій снова вернулся на побовище, или вообще не здѣсь еще былъ конецъ, только въ большей части былинъ продолжаются и драки, и депутаціи, чтобы вызвать саму мать, которая одна могла укротить сына. Вотъ нѣсколько описаній: «тутъ мужики видятъ, что бѣда пришла, бѣда пришла неминуемая, бѣжали они скорымъ скоро ко его ко родной ко матушкѣ: — Выручи насъ отъ смерти отъ напрасныя, отъ того Васильюшка Буслаева! —» «Мужики покорились, покорились и помирились, понесли они записи крѣпкія къ матерой вдовѣ Амелю Тимооосевнѣ; насыпали чашу чистаго серебра, а другую чашу краснаго золота, пришли ко двору дворянскому, бьютъ челомъ — поклоняются: — Принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое: а и ради мы платить на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ тебѣ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбнику, съ калач-

никовъ по калачику, съ молодицъ повѣнчанное, съ двѣицъ повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяконовъ (разряды Новгородскихъ и вообще древнихъ городскихъ податей).—» «И Городничій Оома да Родіоновичъ наклаѣ злата-серебра, скатного жемчуга подарками, и приносить къ его къ родной матушкѣ: —Уговори-тка своѣ чада милаго, не прибѣеъ-то онъ да весь Новгородъ!» По нѣкоторымъ, старуха бросилась въ однихъ чулкахъ и рубашкѣ; по другимъ болѣе естественная размѣренность дѣйствій: старуха «одѣвала платица черныя (вдовиныя и смиренныя), одѣвала шубу соболиную (въ Петровки это немного жарко), полагала шеломъ на буйну голову (она шла въ средину побоища: примѣръ Кіевскихъ героинь и Новгородской Мары не единственный), и пошла Мамелева Тимоосевна унимать своего чада любимаго. То выгодно собой старушка догадалась (распорядилась), — не зашла она спереди его, а зашла она позади его и пала на плечи на могучія:—Ай же ты, мое чадо милое! Укrotи свое сердце богатырское, не сердись на государыню на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужичковъ хоть на сѣмена! —» Кого не могъ укrotить весь Новгородъ, того, съ удивительною вѣрностью тишическаго творчества, укrotила старуха мать, и мгновенно, какъ электрическимъ ударомъ: «тутъ Васильюшка Буславьевичъ опускаетъ свои руки къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ на тую на мать сыру землю:—Ай ты, свѣтъ государыня матушка, тая ты старушка лукавая (хитрая, умѣлая), лукавая старушка, толковая! Умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня: а ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго!» —» «—Никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послухать мнѣ — законъ не даетъ! —» Сравните въ Кіевскомъ творествѣ такое же укroшеніе Ильи Добрынею. Отъ матери по плоти творчество Новгородское шагнуло еще выше; когда Василій, недовольный однимъ побоищемъ, «напустился на дома на каменные,» разбивать ихъ и давать дружинѣ добычу разбоя, тогда конечно взмолился народъ православный, подобно какъ взмолился при наступившей опасности отъ разыгравшагося Садки. Тогда, по молитвамъ народа, «вышла Мать Пресвятая Богородица со того монастыря Смоленскаго» и обратилась къ матери Василья со сло-

вами: «—Закличь своего чада милого, милого чада, рожданаго, хотъ бы оставилъ народу на сѣмена!—» Выходила мать и закликала. По-
водомъ къ этому явленію послужилъ конечно выходъ *матери* Ва-
силья, отъ которой перенеслись уже къ *Матери Пресвятой*. Та-
кія явленія, какъ замѣчено выше, не составляютъ необходимости въ
нашемъ творествѣ: но въ то же время они здѣсь естественны и
случаются нерѣдко, какъ естественно было явленіе боговъ для рѣ-
шенія участи битвъ въ Гомерическомъ творествѣ или Deus ex
machina во всемъ творествѣ античномъ; если же это естественно
вездѣ, гдѣ только въ народѣ жива вѣра, даже въ язычествѣ, то
тѣмъ естественнѣе въ нашемъ Былевомъ творествѣ, развившемся въ
эпоху живой Христіанской вѣры и уцѣлѣвшемъ въ устахъ народа,
ей преданнаго. — Пока продолжалось побойще Васильево и проис-
ходили переговоры депутацій, прошелъ весь четвертый день, съ
утра до вечера, и былины согласны въ томъ, что конецъ имѣлъ мѣсто
въ вечеру. Василій Буслаевъ побѣдилъ Новгородъ въ единоборствѣ,
какъ побѣдилъ Садко съ своей стороны: но Садко удовольствовался
торжествомъ и насмѣшкою, а послѣдствія единоборства смертнаго еще
должны были продолжаться. Слѣдовало выкупить тѣла убитыхъ чтобы
погребсти, подобно Гомерическимъ посольствамъ къ Ахиллу. Передъ
ночью того же дня—такъ слѣдуетъ по всему ходу разсказа — «при-
ходятъ Князья Новгородскіе, Воевода Николай Зинovieвичъ, Стар-
шина Оома Родіоновичъ, ко тому Васильюшку Буславьеву. Пали ко
Василью въ рѣзвы ноги, просятъ Василья во гостебынѣ (на пиръ къ
себѣ), сами говорятъ таковы слова: — Ай же ты, Васильюшка Бу-
славьевичъ! Прикажи обратъ тѣла убитыя, предать ихъ матери сы-
рой землѣ; во той ли во рѣченькѣ Волховѣ на цѣлую на версту на
мѣрную вода съ кровью смѣсилася: безъ числа пластина принаруб-
лена!—» Какъ Ахиллъ, великодушно и гордо, Василій «приказалъ
обратъ тѣла убитыя; не пошелъ къ имъ въ гостебынѣ: зналъ, де, за
собою замашку великую (что опять не утерпѣть).» Садко послѣ всѣхъ
похожденій принять и успокоенъ женою, товарищами: съ дружиною
Василіи нашелъ отдыхъ у матери. Сюда опять явились Новгородчана
и заключили окончательный миръ: «втапоры мужики Новгородскіе
приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и за тѣмъ у
нихъ мирова пошла, а и мужики Новгородскіе нокорилися и сами
поклонилися.» Все кончается пиромъ, а на пирѣ раздаются голоса

СХІІІ

дружины, Вольницы: въ родѣ хора, какимъ кончались античныя произведенія, а вмѣстѣ какъ выводъ изъ всей исторіи и указаніе предмета, послужившаго содержаніемъ былины. «Сѣли они молодцы во единой кругъ, выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ: — У мота и у пьяницы у млада Васютки Буслаевича не упито, не уѣдено, въ краснѣ-хорошѣ не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, — а увѣчье на вѣкъ залѣзено (всего вдоволь, но вдоволь на вѣки и увѣчья отъ побоищ)!—» Тѣмъ кончена въ былинахъ исторія Василья Буслаева, а въ ней исторія Новгородской Вольницы, возведенная въ одинъ цѣльный типъ, рассказанная какъ событіе типическое, только лишь приуроченное извѣстному имени, лицу, мѣсту и времени, ибо это имя, и лицо, и мѣсто, и время—изъ XII-го вѣка—дали творчеству такіе живые образы, такъ возбудили его своими образами, что отсюда оказалось возможно создать цѣльный творческій типъ, цѣльное творческое созданіе.

Когда вы прослушали или прочитали былины о Садкѣ и задаетесь вопросомъ — что же послѣ того дѣлалъ Садко и какова дальнѣйшая его судьба, — вы чувствуете, что отвѣтъ намѣченъ въ былинахъ: жилъ, да поживалъ, да добра наживалъ, больше ничего и не могло быть. Сдѣлался онъ первымъ богачемъ, даже монополистомъ, подчинилъ себѣ Новгородъ въ торговыхъ дѣлахъ, уѣлся дома, съ женой, съ подраставшимъ сыномъ, съ товарищами прежнихъ поѣздокъ, а теперь прикащиками и довѣренными лицами, наконецъ на свою наживу строилъ церкви, украшалъ ихъ, всячески пособлялъ подобными вкладами городу, попалъ за то въ лѣтописи. Но, послѣ победы Василья надъ Новгородомъ, хотя и рѣшительной, былины вамъ оставляютъ его въ первомъ цвѣтѣ молодости и въ пылу страстей, противъ Русскаго обычая — неженатымъ, съ побѣдоносною, столь же рьяною какъ самъ предводитель, дружиною: что же съ ними дальше, какова же была судьба? Отвѣта нѣтъ, ибо былины прибавляютъ: «и стала тутъ—мать—Васильюшка кормить-поить, въ покояхъ хоронить (сберегать) и весело съ нимъ жить;» «и жилъ Васильюшка въ праздности, излѣчилъ дружинишку хоробрую отъ тыхъ отъ ранъ кровавыхъ и привелъ дружину въ прежнее здравіе.» То есть, ничего не дѣлалъ: но вы чувствуете, что, судя по всему, этого никакъ не могло быть. Слова былины значать, что въ даль-

нѣйшей жизни Буслаева творчество не признаетъ ровно ничего достойнаго былины, другими словами, что онъ важенъ для творчества и великъ какъ типъ Вольницы, какъ выраженіе извѣстной борьбы, а послѣ борьбы былины оставляютъ его равнодушно. Но вы знаете тотчасъ, что, покинутый былинами, Василій со своею Вольницею продолжалъ походы: они принадлежатъ исторіи, ищите ихъ по лѣтописямъ, взвѣсивая, что для Новгорода сдѣлала его Вольница, какъ билась съ сосѣдними врагами, какъ проникала въ далекіе края, какъ заводила счастливыя колоніи. Здѣсь мыкались и умыкивались молодя безпокойныя силы, пока возвращались въ доно Великаго Новгорода зрѣлыми, стойкими, осѣдали, давали истинныхъ гражданъ. Если молчатъ былины, то говоритъ лѣтопись, что то же было съ Васильемъ: онъ удостоился сдѣлаться Посадникомъ; такимъ именуется его лѣтопись, записавши годъ его смерти. Это не значитъ, что умеръ онъ въ должности Посадника: напротивъ, какъ увидимъ ниже. Значитъ лишь, когда онъ умеръ, лѣтопись помянула его въ этотъ годъ какъ бывшаго Посадника.

Минуя всю эту жизнь Буслаева, послѣднимъ звѣномъ коей былъ высшій почетъ Посадничества, Былины обращаются къ его *смерти*, подоспѣвая съ своимъ разсказомъ тамъ, гдѣ оставляетъ насъ лѣтопись. Для творчества Василій существуетъ только какъ отчаянный и побѣдоносный борецъ въ первой молодости, а потомъ какъ умирающій удалецъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ для былинъ Новгородскихъ существуетъ Василій не какъ Посадникъ, не какъ опытный степенный Новгородецъ, прошедшій бурную жизнь и вышедшій къ успокоенію: для нихъ остался тотъ же Василій, что и въ былой борьбѣ съ Новгородомъ, тотъ же юный и удалый, неженатый, съ тою же матерью, съ тою же дружиною, съ тѣмъ же неизмѣннымъ вязомъ, съ той же отвагою, доходившею до дерзости. При этомъ разсказывается одно изъ походовъ или одинъ изъ походовъ, какіе свойственны были Новгородской Вольницѣ и какихъ не мало было объ ней извѣстно: но не изъ такихъ, которые кончались мирнымъ ея возвращеніемъ или водвореніемъ,—этого, съ послѣдствіями, посадничествомъ, знать не хотеть творчество, — а напротивъ такихъ, въ которыхъ Вольница складывала свою голову, и не даромъ, за крайнюю предприимчивость и дерзость; дерзость, которой, при по-

стоянномъ ея нарожденіи, не могъ укротить весь Новгородъ, которая сама побѣждала его, побѣждалась послѣ лишь сама собою, сама въ себѣ получала казнь и смерть.—Говоря объ этомъ событіи, воспѣтомъ въ Былинахъ, мы приведемъ прежде Сказку, весьма рѣдкую съ концемъ сего рода и помѣщенную у насъ подъ № 1-мъ въ Приложеніяхъ. Записана она въ Пермской губерніи, вдали отъ Новгорода: обстоятельства подробныя стерлись, выведена рѣка *Обь*, событие само округлилось, потерявши частности, но тѣмъ любопытнѣе намъ уцѣлѣвшія черты главнаго, общаго типа. Сначала сообщается та же, что въ приведенныхъ Былинахъ. Есть и дополнительная черта, именно что Василій отданъ былъ обучаться грамотѣ, перомъ писать, извѣстному Старiku Угрумищу, т. е. Пилигримищу: на это есть указаніе и въ Былинахъ, гдѣ сынъ Пилигримища назоминаетъ Василью, — «Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты? Я надъ тобой былъ въ тѣ поры большій братъ (Рыбник. т. I).» Это весьма древняя черта творчества: вспомните (вып. 1), что также Илья учился грамотѣ вмѣстѣ съ Калѣчищемъ; дѣло въ томъ, что это сообразно съ жизнью, ибо въ ней издревле у Калѣкъ были своя училища (да и до послѣдняго времени), особенно когда жили они при монастыряхъ. Вторая черта Сказки сближаетъ Василья съ Вольгою или Волхомъ Сеславичемъ (Рыбник. т. I), а также Княземъ Романомъ, старше же съ Саломаномъ (т. II): «выучился Василій не во листы писать, а выучился *соколомъ летать*,» приобрѣлъ способность изворачиваться, быть оборотнемъ, проходить въ приключеніяхъ разные виды бытія, выучился высшей премудрости. Но важенъ особенно конецъ, гдѣ рассказывается именно то, къ чему перешли мы въ разсмотрѣніи творчества Новгородскаго. Рассказывается, когда Василій побилъ множество Новгородцевъ, мать осердилась на него за пролитіе крови, снарядила ему корабль, набрала дружину, пустила въ море и махнула въ слѣдъ рукой. Начался обычный походъ Вольницы: онъ лежалъ на море, куда ходилъ и Садко, и всѣ удалцы Новгородскіе, гдѣ часто, за излишнюю дерзость, слагали они голову. Всего замѣчательнѣе, что Василій встрѣчаетъ *Морскую Пучину*: въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску (стр. IV) мы объяснили уже, что самое имя Пучины значить и Море, Понтъ, и Путь, обыкновенный, главный путь древле-Славянскихъ и Русскихъ удалцевъ. Морская Пучина «лежитъ», у нея «кругомъ глаза:» это образъ,

столь извѣстный въ Греческомъ творествѣ подъ именемъ Медусы-Горгоны, столь же страшной и именно морской, любимицы Посейдона, нашего Морскаго Царя; на сушѣ занималъ ту же роль многоглазый, всевидящій Аргосъ. Какъ герои Греческаго творчества, герои наши, и именно тины торговли, далекихъ торговыхъ предпріятій, также точно боролись съ сими чудовищами: Садко, препиравшійся съ Морскимъ Царемъ, нашелъ его въ глубинѣ моря въ томъ же видѣ, какъ Пучину, — онъ «лежитъ (у насъ № 3),» «голова у Царя какъ *куца спящая* (Рыбник. т. I),» такая точно, какая изображалась у Медусы; Чурило, сынъ Плънка, Гостя Богатаго, Суроженина, и самъ такой же, выродокъ Чура-Гермеса (см. вып. 4), подобно сему послѣднему, «Убійцѣ Аргоса,» былъ губителемъ Ермы, тина стоголазой ревности, и такъ же на сушѣ, уже не на морѣ. То же затѣялъ и Василій, — одолѣть Пучину, перескочить ее: перескакала дружина, Василій палъ жертвою своей дерзостной отваги, онъ погибъ отъ Пучины, не перескочилъ ее, не вернулся изъ мореходства. Любопытно еще, что въ Сказкѣ Морская Пучина, вопреки видимому смыслу, помѣщена «на зеленыхъ лугахъ,» именно чтобы дать Василью, съ позднѣйшей точки зрѣнія, возможность скакать черезъ нее ногами. Но этотъ выводъ на сушу, извѣстный и въ мнѣ о Медусѣ, выразившійся въ сухопутномъ Аргосѣ, дѣйствительно случился для Русскихъ Славянъ въ дальнѣйшее время, при выходѣ ихъ къ положительной исторіи, по мѣрѣ отдаленія отъ морей или развитія дѣятельности на землѣ, среди сложившейся Земщины: съ тѣмъ вмѣстѣ камень Алатырь, янтарь, нѣкогда привлекавшій и питавшій нашихъ отважныхъ мореходцевъ гостей, переведенъ былъ также на сушу, какъ не разъ уже доказали мы и какъ увидимъ сейчасъ, ибо Василій, въ сказкѣ погибшій отъ Морской Пучины, по Былинамъ гибнетъ отъ того, что скакалъ черезъ камень Алатырь. — Переходимъ къ Былинамъ, возникшимъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ всѣ обстоятельства изложены по тому самому подробнѣе и определеннѣе (Рыбник. т. I, II, и нашъ настоящій выпускъ). У Василья есть уже корабль, онъ плаваетъ на немъ по *Ильмену*, съ обычными приключеніями Вольницы, окруженный своею дружиною, тридцатью друзьями, изъ которыхъ держитъ корму *Костя Никитинъ* (Новоторжанинъ), на носу стоятъ *Маленькой Потаня*, намъ уже извѣстные. Они пристають къ Новгороду, для задуманной цѣли: Ва-

силій просить у матери благословенія съѣздить съ дружиною въ *Ерусалимъ*, помолиться Богу, приложиться къ Святымъ, искупаться въ Ерданѣ, осушиться на Оаворѣ и проч. Для этого они между собою «складываются» особо «на лодочку.» Побужденіе главное, сходное съ показаніемъ приведенной сказки, узнаёмъ далѣе изъ словъ Василія встрѣчнымъ гостямъ-корабельщикамъ: «А мое-то вѣдь гулянье неохотное (ѣду по неволѣ),—съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти.» Это не значитъ, что онъ былъ уже дѣйствительнымъ старикомъ, ибо въ той же Былинѣ называется «молодымъ» и такимъ же описывается, оставаясь для творчества героемъ юнымъ: но онъ помнилъ проказы своей молодости и заготовлялъ подъ старость спасеніе. Въ этихъ видахъ онъ *дѣлается* Старикомъ, Старцемъ, ибо путешествіе къ Святымъ мѣстамъ есть удѣлъ Калѣкъ Перехожихъ, Странниковъ, безъ различія лѣтъ представляемыхъ типически Старцами. Итакъ Воляница съ своимъ предводителемъ принимаетъ на себя иной типъ—Странниковъ, Перехожихъ, «по водѣ бродящихъ,» и отъ вѣрности этому типу зависитъ успѣхъ и спасительность ихъ предпріятія. Мать напоминаетъ это, давая благословеніе лишь въ томъ случаѣ, если пойдутъ они «на дѣла добрыя: то коли ты, дитя, на разбой пойдешь (по обычаю Воляницы), и не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василія сыра земля!» Поэтому же напоминаетъ она — «побереги ты буйну голову свою,» но, по мягкости материнскаго сердца, какъ замѣчаетъ былина, даетъ на случай и оружія, и боевыхъ снарядовъ; не забылъ Василій и своего вяза, съ которымъ является въ теченіи разсказа. Отправляются они по *Ильмену*, выѣзжаютъ отсюда на Волгу, ибо послѣ оказываются на морѣ *Каспійскомъ*. Первые встрѣчные, какихъ тогда вездѣ бывало встрѣтишь,—гости-корабельщики; они первые предостерегаютъ о разбойникахъ впереди, «атаманахъ козачихъ (встрѣчавшихся Ильѣ Муромцу, еще болѣе извѣстныхъ и дѣйствительныхъ на морѣ Каспійскомъ);» и въ первые же Василій высказываетъ буйную самонадѣянность Воляницы: «А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ,—а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!» Слѣдуетъ второе предостереженіе или знаменіе. При вѣѣздѣ въ Каспійское море, Василій замѣтилъ на берегу гору *Сорочинскую* (всѣ высокія горы—Сорочинскія), вышелъ на берегъ поглядѣть. Тамъ лежитъ «пуста голова, че-

СХVІІІ

ловѣчья кость,» такая же, какъ помянутая голова Медусы, на сушѣ съ своими пророчествами являющаяся у насъ Олегу, Добрынѣ, богатырю Ивану (см. Замѣтку къ 3-му вып. и II т. Рыбник.). Какъ Пучину, Василій началъ эту новую Медусу ногою попинывать: та въ отплату прорекла, что и его головѣ валяться будетъ тутъ же. Снова Василій отнесся дерзко: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить, или нечистой духъ?» «Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!» Плюнулъ и пошелъ дальше въ гору, а тамъ лежитъ камень, камень Алатырь, смѣнившій (на сушѣ) Пучину: но его еще увидимъ мы ниже. Молодцы начали поперегъ его скакать, а вдоль не смѣютъ, по угрозѣ надписи; Василій же, прибавлено, опять-таки «тому не вѣруеть.» Сошедши снова на корабль, путешественникъ *на морѣ Каспійскомъ, на островъ Куминскомъ*, нашелъ предсказанныхъ разбойниковъ: слава Василья Буслаева была такъ велика, что они тотчасъ его узнали по полеткѣ соколиной — поступкѣ молодецкой, угостили, дали провожатаго къ Ерусалиму. Прямо съ моря вѣхали они въ Ердань и бросили якорь: въ Ерусалимѣ выполнили все, что слѣдовало Странникамъ,—молились, прекладывались, служили заупокойную обѣдню съ панихидою по покойномъ Буслаѣ, заздравную за мать Буслаева и его самого, обѣдни съ молебнами за дружину, «что съ молоду бито много, граблено,» расплачивались съ попами и дьяконами, давали милостыню несчетную Богатѣльнымъ Старцамъ при церкви (въ страннопріимницѣ), и прочее. При купанѣ въ Ерданѣ Василій опять подпортилъ: мать предостерегала его при поѣздѣ не купаться здѣсь «нагимъ тѣломъ,» а въ рубашечкѣ; при случаѣ мы объяснимъ, почему, на основѣ древнѣйшихъ воззрѣній, нѣкоторымъ нашимъ героямъ, на примѣръ Добрынѣ (см. прежніе выпуски наши и Рыбник.), и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ нельзя было этого дѣлать; съ христіанской же точки зрѣнія извѣстно, что безъ одежды крестился лишь въ Ерданѣ Іисусъ Христосъ, а богомольцы доселѣ купаются въ рубашкахъ (сохраняя ихъ, чтобъ послѣ лечь съ ними въ гробъ). Василій опять-таки пошелъ на перекоръ, купался нагой, «нарушилъ родительско благословленье, не послушалъ государыни матушки.» Этимъ вызвано новое предсказаніе, — приходила *Баба Зальская*, т. е. Баба Горынинка, она же Алатырка (связанная съ Пучиною и Азатыремъ), намъ извѣстная изъ Кіевского творчества. Она догадалась, что oprичъ Василья Буслаева некому сдѣлать эту дерзость, купаться

нагому, и за то предрекла дружинѣ: «Потерять его вамъ будетъ, большаго атамана Василья Буслаевича!» И тутъ дружина нашлась сгрубить: «Нашъ Василій тому не вѣруеть, ни въ сонѣ, ни въ чохѣ!» Впослѣдствіи, когда творчество спустилось въ этихъ былинахъ ступенью ниже, мѣсто Бабы Залѣсной заняла простая «женщина престарѣлая» и Василій обошелся съ ней болѣе положительно: «Кабы ты была, сказалъ онъ, на сей сторонѣ, я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ, двухъ богатырей!» Плюнула женщина и прочь пошла, а между тѣмъ, видите, надъ головой Василья скопилось уже слишкомъ много дурныхъ предзнаменованій (ср. предзнаменованія въ походѣ Игора) и все-то вызвано было его дерзостью, и сопровождалось дерзостью его новою, а задача странниковъ все нарушалась да нарушалась, и за невыдержку священнаго народа типа непремѣнно должна была послѣдовать казнь. Вспомните изъ исторіи Потыка и его товарищей, сухопутныхъ странниковъ къ Ерусалиму, какъ страшно заклинались они противу грѣховъ, какія страшныя казни выполняли надъ своими членами при малѣйшемъ даже подозрѣніи (вып. 3): тѣмъ грознѣе казнь свыше. Но, исполняя своимъ чередомъ внѣшніе обряды, въ кожѣ Странниковъ, внутри тою же Вольницей, пошли прибывшіе на послѣднюю святыню, на Оаворъ-гору, гдѣ стояла церковь, стоялъ образъ Преображенья. Голова-Кость богатырская перенеслась съ Каспійскаго моря, съ Сорочинской горы, и сюда, съ тѣмъ же пророчествомъ о гибели (Рыбник. т. I): и естественно, ибо какъ перешелъ, мы видѣли выше, пупъ морской въ пупъ земной, а этотъ послѣдній съ теченіемъ времени на Голгооу, такъ и эта древнѣйшая голова въ христіанскихъ преданіяхъ признана «головою Адамовою,» лежавшею съ костями подъ крестомъ; на нее-то, по преданію, текла кровь съ креста, текла и на пупъ земной, сквозь разсѣлину камня Алатыря; она же владѣла и силою пророческой о суетѣ сей жизни. Но, еще важнѣе, за головою, съ невѣдомой горы Сорочинской, послѣ того какъ народъ сближался съ христіанствомъ и шелъ въ его глубь, перенесся въ Ерусалимъ и самъ камень *Бѣлый Алатырь*. Потому, тогда какъ въ одной былинѣ Василій гибнетъ на пути возвратномъ изъ Ерусалима, пройдя заставу козачью и взойдя на Сорочинскую гору, въ другихъ его постигаетъ эта участь уже въ самомъ Ерусалимѣ: то же движеніе Алатыря, какъ въ Голубиной Книгѣ, съ моря на сушу, на гору

(ср. «Латыгорку», вып. 4), на путь-дорогу, въ Ерусалимъ. «Поѣхалъ, говоритъ былина, на Оаворъ гору, *ко тому ко камню ко Латырю*, и ко той ко церкви соборнія, которая стоятъ со двѣнадцатю престоламы, *у того у камня у Латыря*, на которомъ камени преобразился самъ Иусъ Христось... Итакъ Васильюшка поѣздъ держалъ ко той ко церкви ко соборнія, *ко тому ко камню ко Латырю*» и т. п. Камень описывается огромный, въ нѣсколько сажень, самую величиною достойный своего великаго значенія. И, какъ мы знаемъ изъ Кіевского творчества, когда перешелъ онъ уже на перекрестки богатырскихъ дорогъ и легъ здѣсь, какъ постоянно читались на немъ надписи, пророчившія богатырю судьбу его въ будущемъ, такъ и на Оаворѣ Алаторъ имѣлъ разныя надписи того же рода. Прочтемъ ихъ: «Кто на эту гору захаживалъ, тотъ оттуль живъ не выхаживалъ; кто скочить черезъ этотъ бѣль-горючъ камень, тотъ буде живъ, а не скочить, не бывать живу.» Явно, онъ подзадоривалъ на опасную игру, какъ подзадоривалъ Садку на игру Царь Морской. «Кто перескочить трожды черезъ бѣль камень, тотъ достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому; а кто не перескочить черезъ бѣль камень, тотъ не достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому:» еще вызывательнѣе, особенно послѣ надождныхъ пророчествъ пустой головы, не сулившей Василью доѣхать до церкви, твердившей о суетѣ жизни и смерти. Наконецъ: «А кто у камня станетъ тѣшиться, а и тѣшиться-забавлятися, вдоль скакать по камню,—сломить будетъ буйну голову.» Это ужъ былъ прямой вызовъ, послѣ коего не утерпѣлъ бы ни одинъ удалецъ: это какъ будто нарочно было разсчитано на Василья, будто знали его характеръ. Виновать былъ Василій прежней своей дерзостью въ богомольѣ; не молился народъ православный за личную судьбу его, противъ опасностей игры его; никто не тронулъ его въ плечо, чтобъ удержать во время какъ Садку: Василій новой дерзостью купилъ себѣ гибель. Дружина его, какъ ни была смѣла, рѣшилась скакать только *поперегъ*: Василій пустился *вдоль* (въ долину камень былъ три аршина съ четвертью, поперегъ же только лишь топоромъ подать); дружина перескочила черезъ камень, перескочила и трижды: Василій въ третій разъ придумалъ скакнуть не передомъ, а *задомъ*. И задѣлъ онъ каблучкомъ, ножкой правою, и ударился о жестокъ камень плечами богатырскими, ударился го-

ловушкою. Сталъ онъ умирать, сталъ прощаться, наказывать братіа: «Скажите-ка, братія, родной матушкѣ, что сосватался Василій на Оаворъ-горѣ и женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.» Не довелось ему и въ законъ вступить. Похоронили его, гдѣ валялась прорицательница голова человѣческая.— Поѣхала, пріѣхала дружина въ Новгородъ: не встрѣтила ее, какъ Садкову, жена съ ребенкомъ, не подошелъ печально Василій, какъ спасшійся Садко. Ожидала одна горемычная старуха. Передали ей завѣщаніе сына, подали письмо. Прочитала она, заплакала: «Гой вы еси, удалы-добры молодцы! У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны не считаячи!» Въ послѣдній разъ явилась знакомая намъ Чернавка, повела въ подвалы: благородная дружина, подвизавшаяся не изъ за денегъ, а изъ за молодости и отваги, брала казны «по малу числу.» Замѣьте эту противоположность, выставленную творчествомъ: первые люди города, благородные, сановные и гордые, оказались, когда пристращали ихъ, послѣдними низкоклонниками, готовыми на подкупъ и всякое подлое дурно; молодежь почти что распутная, тати-разбойники, явились подъ конецъ образцемъ благородства и великодушія. Разсчитавшись, поклонились они вдовѣ: «Спасибо, матушка Амелоа Тимоѣевна, что поила-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ (таковы были условія содержанія)!» Поднесла еще имъ Чернавка по чаркѣ, «и пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося:» у Садки они бы остались въ прикащикахъ. Садко при жизни утѣшался вкладами на церкви: старуха, на концѣ дней своихъ, съ горемъ «собрала все свое имѣнье-богачество, и роздала она по Божьимъ церквамъ, по монастырямъ.» Такъ вѣрно выдержаны типы творчества въ былинахъ о Буслаевѣ до самого конца, такъ вѣрно во всемъ представляютъ они противоположность типамъ былинь о Садкѣ!

Теперь упомянемъ вкратцѣ о Сказкахъ, помѣщенныхъ нами въ Приложеніяхъ этого выпуска подъ №№ 2-мъ и 3-мъ. Мы ихъ не брали для изложенія дѣла и можемъ брать только для свѣдѣнія: въ основѣ ихъ лежатъ Былины, Сказки и Преданія народныя, но все это передѣлано, болѣе или менѣе. Чулковъ еще лучше. Онъ весьма близко выдерживаетъ основы народныхъ представленій и даже разсказа, допустивши только для украшенія — по его миѣнію—витіеватость лите-

ратурнаго языка своей эпохи. Но его поправки легко отдѣлить опытному чутью. Главная бѣда его—отъ воззрѣній на Русскую исторію, царствовавшихъ въ его время. У него является Новгородъ не дѣйствительный, а «сія гордая и славная Республика,» долженствующая непокорствовать предъ Князьями, «въ землѣ *Старо-Словенской* и Княжествѣ *Русскомъ*.» Для той же цѣли покойникъ *Богуслай* выставленъ *Княземъ*, не такимъ, каковы Князья въ былинахъ, а настоящимъ Рюриковичемъ; вдова его, мать Василья, *Княгиня*; самъ Василій *Княжичъ*, *Витязь* и живетъ съ матерью въ «*Старо-Словенскомъ дворцѣ*.» Въ рассказъ вставлена *интрига*: Василій въ тихомолку подумываетъ, какъ бы взять всѣхъ Новгородцевъ въ ежовыя рукавицы и для того въ молодости запасаетъ себѣ надежную дружину, для своего будущаго княженія; «буйные» вожди Республики, именуемые всѣ «Посадниками (даже въ выраженіи—«*всѣ Посадники*»),» пользуясь молодостью Княжича, дѣлаютъ заговоръ лишить его «престола» подъ предлогомъ проказъ его; послѣ побіенія Посадниковъ, они подносятъ Василью Княжество, Княжичъ пріемлетъ, править «съ мудростью и милостью,» получаетъ дани съ *Чуди*, и т. д. Подобную щелуху впрочемъ, какъ говорили мы, легко сдунуть, и въ основѣ остается все-таки замѣчательный народный рассказъ, любопытный нѣкоторыми чертами, которыя сейчасъ приведемъ мы и которыя то повторяютъ дословно показанія былинъ, то присоединяютъ къ нимъ дополненія и разнорѣчія. Товарищи Василья—знакомые намъ *Юма Толстой сынъ Ременниковъ* и *Новгородецъ Потанюшка*, «малъ собою—певеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ.» Они въ битвѣ не участвуютъ—то единоборство Василья съ Новгородомъ,—а лишь готовы только на подмогу, на случай.—Первыми именитыми гражданами, а на языкѣ Чулкова «первыми посадниками» выставлены: 1) *Сотко Богатой Гостъ*, весьма естественно, ибо онъ исторически былъ современникомъ Василья; 2) общій типъ древняго творчества и вѣчеваго Старца, «*Чуденъ* Старь—матѣрь человекъ,» изъ котораго Чулковъ сдѣлалъ лицо *Чудина*, соблазнившись вѣроятно еще названіемъ Новгородскаго «*Чудинова* конца,» названнаго въ дѣйствительности конечно по первоначально жившей здѣсь Чуди, участвовавшей—по преданію—и въ призваніи Князей, подобно какъ въ томъ же Новгородѣ была «сторона *Славянская*,» былъ «конецъ *Славянский*,» мѣсто жительства главной, господствующей части со-

шедшагося въ городъ народонаселенія.—Рѣчь Василья на пиру у Новгородцевъ, что «послѣ государя батюшки остался онъ сиротою малешенекъ, а государыня его матушка во вдовствѣ живетъ» встрѣчается и въ былинахъ, именно въ устахъ Кости: мы даже склонны думать, что тамъ она попала къ Костѣ по сбивчивости, ибо совершенно соотвѣтственно,—и эта черта пополнительная,—что Василій говорилъ на пиру сначала весьма скромно и лишь послѣ дошелъ до дерзости.—Знаменитый *Старчище-Многолѣтище* (Пилигримище, Калѣка) очерченъ хорошо: только что онъ тридцать лѣтъ не выходилъ «изъ *теремовъ* своихъ,» это могъ бы Чулковъ оставить про себя,—ибо типъ Старика быть бродячимъ и Василію непременно долженъ былъ встрѣтить его на мосту. Далѣе, что онъ снимаетъ колоколь съ *ольча*, а не съ колокольни, какъ говорятъ былины, это даже естественнѣе былинь. Оставимъ народу то и другое: по типу своему, Калѣки были и звонарями, и первыми лицами при набатахъ, такъ что Викторъ Гюго знаменитаго своего Квазимодо взялъ изъ дѣйствительныхъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій. Наконецъ, Василій, порядкомъ поучивъ старика, отпускаетъ ему душу на покаяніе: это есть, какъ видѣли мы, и въ нѣкоторыхъ былинахъ.—Что особенно хорошо у Чулкова, ибо совершенно согласно и съ типомъ Василья, и съ народными преданіями, это то, что Василій умеръ *не оставивши роду-племени*, а оставивши только на память Новгороду, какъ древнѣйшій Перуцъ, какъ второобразъ его, свой *стемлянный вязъ*.—Прочія подробности, улица *Рогатица*, *Чернавка* и т. п., совершенно вѣрны и согласны съ дѣломъ.

Нельзя того же сказать о г. Сахаровѣ, объ Н. П. Сахаровѣ. Мы помѣщали его Былевия Сказки, помѣщаемъ и будемъ помѣщать, ибо въ ихъ основу положены все-таки рассказы народные. Но—пора же сказать правду, Сахаровъ ихъ обдѣлывалъ, передѣлывалъ, додѣлывалъ и все, что угодно, и какъ ему было угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободою фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ, вымытымъ, причесаннымъ, рассыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною, *pleno manu*. Дивиться этому не слѣдуетъ: Чулковъ по себѣ оставилъ первый Русскій печатный

Пѣсенникъ, нынѣ сдѣлавшійся библиографической рѣдкостью, и въ рукописи, съ которой печаталъ, не разбирая нѣкоторыхъ словъ, какъ самъ признается, подставлялъ ихъ. Новиковъ, знаменитый Н. И. Новиковъ, перепечатывая Пѣсенникъ Чулкова, не усумнился также кое что переименовать. Это были еще осторожнѣйшіе издатели: имъ въ точности послѣдовали многочисленные изданія нашихъ Пѣсенниковъ на спекуляцію, въ простотѣ своей не находившія поводовъ къ исправленію. За тѣмъ И. И. Дмитріевъ, въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ,» 1796 г., столь же и даже болѣе рѣдкою нынѣ, какъ Чулковскій и Новиковскій, многія пѣсни прямо уже передѣлалъ по своему, соблазнивши и тѣхъ, кто изъ него перепечатывалъ. Нечего уже прибавлять о Макаровѣ, справедливо вызвавшемъ общее негодованіе, но несправедливо понесшемъ всѣ тяжкіе упреки на себѣ однимъ за поддѣлки. Первымъ безукоризненнымъ издателемъ народныхъ пѣсень можетъ быть названъ лишь К. Ѳ. Каллаидовичъ. Со Стихами духовными и Сказками была у насъ та же исторія. Такъ воспитался Сахаровъ и, хотя умѣлъ сердито критиковать, самъ увлекся путемъ ложнымъ. Вспомните, что даже почтеннѣйшій В. И. Даль, современникъ дѣятельности Сахаровской, пошелъ было также по этому *ложному*, какъ нынѣ самъ признаетъ, пути: его такъ не дозволилъ однако ему передѣлывать, а лишь воссоздавать народное творчество, но и то было отчасти уклоненіемъ. Единственный великій художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и не передѣлывая, воссоздавать народное творчество, то есть переводить его въ иную область, область посредственного художества, образованнаго сферою высшею, — законная задача для будущихъ писателей-поэтовъ,—былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство гениальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣнье не дали никому другому ни охоты, ни права наследовать въ семь дѣлѣ Пушкину. Что же случилось бы съ тѣмъ, кто вздумалъ бы не воссоздавать,—на это не хватало силъ,—а передѣлывать народное творчество, подиравлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ творилъ самъ народъ, однимъ словомъ на частное лицо свое надѣвать маску, снятую со всего великаго народа? Сахаровъ поддался этой неблагодарной роли, доказалъ свою роль тысячами опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы этого говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣ-

лавшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить *всѣ* напечатанные имъ памятники устнаго народнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя «Сказаній Русскаго народа» и «Русскихъ народныхъ Сказокъ.» Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья, помѣщенный у насъ во 2-мъ выпускѣ «Калѣкъ Перехожихъ;» довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ—удлинялъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго*, выведенная Сахаровымъ въ ссылки, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская—Татищевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно мы никогда не увидимъ. «Эта рукопись, говоритъ Сахаровъ въ Примѣчаніяхъ къ Сказкамъ, писана въ поллиетъ, скорописью, разными руками въ XVIII вѣкѣ. Впереди всего были, почти безъ раздѣленія, помѣщены Былины (здѣсь образцемъ послужила Сахарову рукопись Кирши), а послѣ ихъ Сказки. Бѣльскій, постоянный житель города Тулы, какъ самъ сказывалъ мнѣ, получилъ эту рукопись изъ дома Демидова (опять желаніе сродниться съ рукописью Кирши)... Изъ этой рукописи Бѣльскаго всѣ Былины буквально перепечатаны; Сказки же помѣщаю теперь.» Столь точно описанную рукопись poznali мы отъ плода ея: Былины, изъ нея напечатанныя, оказались совершенно тѣ же, что у Кирши, но, съ естественными, казавшимися необходимою, исправленіями. Въ Былинѣ объ Ильѣ (у насъ вып. 1), «*И начался* (начаялся, показался, по мнѣнію) Добрынь какой сильной могучій богатырь,» рукопись Бѣльскаго объяснила—«*показался;*» въ другой—«А Спиря встаетъ, то *постыриваетъ,*» исправлено вѣрно «*поспириваетъ;*» въ Былинѣ о Добрынѣ (у насъ вып. 2) «*Никитъ*» вмѣсто «*Никитичу,*»—рукопись Бѣльскаго исправила «*Никитичу.*»—Тамъ же—«не мнѣ *вода* грѣтъ,» древнее словосочиненіе, а рукопись Бѣльскаго нашла совре-

менше—«не мнѣ воду грѣть;» тамъ же, гдѣ нужно бы поправить—«сидитъ онъ, ничего, *свѣтъ*, не видитъ,» ошибка рукописи Киршевской *свѣту* перенесена и въ Бѣльскую; неправильное «*зашельщина*» вмѣсто «*засельщина*» оставлено по недосмотру и у Бѣльскаго; въ Былинѣ объ Алешѣ (у насъ вып. 2) древняя форма «*убихъ*» замѣнена болѣе понятною нынѣ «*убилъ*;» вмѣсто «*мочно*» также точно явилось «*можно*;» вмѣсто сокращеннаго народнаго «*подъ небесью*» болѣе обычное «*по поднебесью*;» вмѣсто народнаго «замочило *Тугарина*—крылья бумажныя,»—«*у Тугарина*;» вмѣсто «*Тугаретинымъ*,»—«*Тугаринымъ*.» Въ Былинахъ о Чурилѣ (у насъ вып. 4), «*другую сорокъ*,» возникшее вѣроятно изъ «*другое*,» «*свѣтлицы-гридни*» вмѣсто «*свѣтлыя*» догадливая рукопись Бѣльскаго исправляетъ «*другой сорокъ*,» «*свѣтлыя*.» Въ Былинѣ о Соловѣѣ Будиміровичѣ (у насъ тамъ же) ошибку пѣвца, попавшую въ сборникъ Кирши, «*глухоморья*» вмѣсто «*лукоморья*,» наслѣдовала себѣ рукопись Бѣльскаго; «*свашела* (сваха) княгиня Апраксѣвна» рукопись Бѣльскаго объяснила отъ глагола *свашить*, и потому выразилась «*свашила*,» сватала. Въ Былинахъ объ Васильѣ Буслаевѣ (настоящій нашъ выпускъ), употребительную форму «*хоробрый*» Калайдовичъ читалъ вездѣ въ рукописи «*хорабрый*,» примѣняясь къ формѣ «*храбрый*;» рукопись Бѣльскаго сочла безопаснѣе остановиться на сей послѣдней; явная ошибка «*такъ*» вмѣсто «*только*» наслѣдована и Бѣльскимъ; рукопись Кирши имѣла «*начается* (полагаетъ онъ, кажется ему, казалось):» рукописи Бѣльскаго должно бы наслѣдовать это правильное чтеніе, тѣмъ болѣе, что она, какъ выше замѣчено, уже замѣнила слово «начался (начаялся)» словомъ «показался;» но, совсѣмъ неожиданно, она усвоила себѣ неосторожное исправленіе Калайдовича—«*качается*;» исправила она также «*старцу* подъ колоколъ» вмѣсто двусмысленнаго «*старца*.» У Кирши «увѣче *залъзено*,» добыто, и тотъ же глаголъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Васильевыхъ Былинъ («не спасенья залъзтъ,» Рыбник. т. II), такъ что Калайдовичъ остерегся исправить, указавши примѣръ подобнаго лѣтописнаго употребленія; но слово, употребительное въ одной мѣстности, незнакомо было въ другой, такъ что пныя Былины, объяснивши себѣ «*залъчено*,» выразили свое пониманіе новымъ описательнымъ стихомъ—«*излъчилъ* дружинишку хоробрую (Рыбник. т. II):» рукопись Бѣльскаго,

какъ слѣдовало ожидать, выразилась «зальчено;» но она, какъ и выше замѣчено, не признавая древняго словосочиненія, не допустила выраженія «подъ старость надо душа спасти» и исправила «душу.» Но довольно, перейдемъ къ Сказкамъ. «Всѣхъ Сказокъ, какъ говоритъ Сахаровъ о содержаніи рукописи Бѣльскаго, было: 1. *Добрыня Никитичъ*, 2. *Василій Буслаевичъ*, 3. *Илья Муромецъ*, 4. *Акундинъ*, 5. *О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ*, 6. *Змѣй горыччица*, 7. *Соловей сынъ гостинной Ивановичъ*, 8. *Иванъ гостиной сынъ*, 9. *Алеша поповичъ*, 10. *Емеля дурачокъ*, 11. *Шемякинъ судъ*, 12. *О семи мудрецахъ и о юношѣ*, 13. *О чудныхъ и злѣо умильныхъ гусяхъ самогудахъ*, 14. *О Жаръ-птицѣ и Иванѣ царевичѣ.*» Прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь скромность рукописи Бѣльскаго: она сохранила въ себѣ лишь тѣ имена, лица и предметы, которыя извѣстны изъ другихъ народныхъ преданій и памятниковъ: новаго только *Акундинъ*, котораго рассмотримъ ниже, да сказаніе о *гусяхъ*, которое однако въ печати у Сахарова къ сожалѣнію не явилось. Во вторыхъ, удивительна здѣсь вѣрность былинамъ Кирши: такъ въ нихъ объ Иванѣ Гостиномъ лишь отрывокъ (мы прежде доказали, что съ этимъ героемъ связана цѣлая область самостоятельнаго творчества), — и Сказка Бѣльскаго, по замѣчанію Сахарова, «не имѣла окончанія,» не откуда ей было достать. Но, если скромна была рукопись Бѣльскаго, то не совсѣмъ скромнѣе ея издатель, ибо онъ прибавилъ: «Всѣ эти Сказки, *удержавшія въполнѣ нашъ чистый народный языкъ* (такъ думалъ издатель), были приняты мною за основаніе текста (выраженіе опасливое, на случай, если бы доказали подправки: только «приняты за основаніе»). По крайней мѣрѣ *доселѣ не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто либо другой.*» Богъ знаетъ, куда бы повело, еслибъ намъ пришлось это повѣрять на дѣлѣ: но по счастію издатель большей части всѣхъ сихъ Сказокъ не издалъ и успѣлъ напечатать лишь тѣ, кои вытекали прямо изъ имѣющихся народныхъ Былинъ и Сказокъ, — о Добрынѣ, Василѣ, Ильѣ, Акундинѣ и Семи Семіонахъ. Всѣ онѣ—относить ли это къ ихъ достоинству или къ естественному происхожденію?—всѣ, за исключеніемъ опять Акундина, о коемъ ниже, суть перифразъ народныхъ Былинъ и Сказокъ. Нельзя потому сказать, чтобы онѣ много пригали, — для свѣдѣнія мы даже печат-

таемъ ихъ при настоящихъ выпускахъ, — онѣ довольно осторожны: но осторожность ихъ даже бросается въ глаза, именно заботливость удалить все то, что въ другихъ памятникахъ сего рода есть двусмысленнаго, или искаженнаго, или требующаго поясненія. Есть и наивныя прибавки: такъ про смерть Ильи наше народное творчество съ намѣреніемъ умалчиваетъ, давая лишь разумѣть, что онъ ушелъ изъ Кіева, спустился въ пещеры, окаменѣлъ и т. п.; но Сказка Бѣльскаго обстоятельна: «а живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Добрыня по лѣтописямъ воевалъ съ Болгарами, о чемъ впрочемъ молчитъ устное творчество, зная Добрыню совсѣмъ инаго, какъ своеобразный типъ свой: образованная рукопись Бѣльскаго влагаетъ Тугарину, врагу Добрыни, тонкій намекъ, — «прогнѣвилъ князь Кіевскій царя Болгарскаго...., и велѣлъ тотъ царь Болгарскій (Тугарину) привезти ему главу Владимірову,» при чемъ Тугаринъ даже немножко обмолвился, заявивши, что царь Болгарскій «живетъ не далечъ *лукоморья синяго*,» тогда какъ это лукоморье несовсѣмъ умѣстно въ мѣстѣ жительства тогдашнихъ Болгаръ и тогда какъ народъ обыкновенно говоритъ «лукоморья *зеленаго*.» По тѣмъ же причинамъ устное народное творчество Кіева не знаетъ Добрыню въ Новгородѣ, а только въ Кіевѣ: но рукопись Бѣльскаго свѣдущее въ лѣтописяхъ и заставляетъ героя увѣрять, — «а пріѣхалъ я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода.» Къ чести ея нужно также прибавить, что, имѣя подъ рукою памятники народные, она женить Добрыню на *Настасѣ Микулиши*, обстоятельство, подтвержденное Былинами: но не къ чести, что отецъ ея, типъ *крестьянина*, *Микула Селяниновичъ*, вышелъ тутъ «*торгозымъ гостемъ*,» «*воеводою Кіевскимъ*» и *Микитичемъ*. Домовитая и религіозная рукопись Бѣльскаго всѣхъ этихъ богатырей, вопреки установившемуся типу Кіевского творчества, непременно, женивши, поселяетъ въ Кіевѣ и здѣсь хоронить: такъ и Добрыня «принявши законъ, жилъ припѣваючи, а живши состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Есть и еще кое-какія любопытныя вещи, — онѣ большею частію означены въ Указателѣ, напечатанномъ нами при 4-мъ выпускѣ, замѣткою «сомнительно:» но достаточно. Въ языкѣ также нельзя сказать, чтобы употреблялись слова и обороты, совершенно чуждые народу: но у него они на мѣстѣ, въ мѣрѣ требованія и творчества, а здѣсь

на каждой строчкѣ; это—удлиненныя формы—«добрыхъ,» «сладкихъ» (вм. «добрыхъ,» «сладкихъ»);» безпрестанное «а и,» «а и то-то,» «а и было,» «ужь и я ли,» «ужь и ты ли,» и т. н.; не просто «слово,» а непременно «словечушко,» или «слово ласковое, великое;» рѣчи «вѣстныя,» рати «сильныя,» руки «крѣкія,» терема «златоверхіе,» «надежа осударь;» «и на томъ рѣчь свою ставили;» «думать крѣiku думушку,» «служить вѣрою и правдою;» преклоняють «чело до иолу,» кланяются «большимъ челобитыцемъ, отъ востока до запада,» кланявшись «становятся во единъ рядъ» или «на особицу,» просятъ «соизволь выслушать,» и прочее, и прочее. Отражающаяся всюду въ Былевомъ творествѣ, отчасти грубая и суровая, но несомнѣнно простая и честная, развязная и удалая, стойкая и сильная наша древняя Земщина является здѣсь дворянской челядью XVII вѣка или придворною толпою, съ большими козырями, Китайскими церемоніями; не скажетъ просто слово, все съ ужимками и штуками; поклонъ ея оказывается какимъ-то реверансомъ, слово синичемъ. Впечатлѣніе рѣшительно паточное, послѣдствія для читающаго тошнотныя. — Перейдемъ къ Сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Она вся сложена у Сахарова изъ Киршевскихъ Былинъ и Чулковской Сказки, съ пособіемъ можетъ статься еще кое-какихъ народныхъ данныхъ, нами не отрицаемыхъ, но съ тѣми же передѣлками. вмѣсто народнаго «пѣнье церковное» выставлено безопаснѣйшее «пѣнье;» «въ наукѣ» замѣнено словомъ «въ науку.»—Отринувши показаніе Былны, что Василью грамота, письмо и пѣтье въ науку пошли, Сахаровъ не дошелъ до тѣхъ сказочныхъ данныхъ, что Василій вмѣсто того «выучился соколомъ летать,» а увѣряетъ, что «грамата и пѣнье Васекѣ въ науку не пошло.» — Показаніе Былны, отразившее мѣстность ея происхожденія, — «а и нѣтъ у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопровтивъ Василья Буслаева.» Сахаровъ счелъ надежнѣе замѣнить словами — «а и не было такого молодца супровтивъ Васки Буслаева.» — Слова Чулковской Сказки «отпускаетъ она посадниковъ съ почестью» изложены красиво: «и чинитъ почестъ честна вдова Амелоя Тимооевна мужикамъ Новгородскіимъ.»—У Чулкова подобнымъ образомъ отвѣтъ Василья матери: «не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе;» у Сахарова: «не боюсь страху посадниковъ, не

страшны мнѣ мужики Новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое.»—Василій по Былинамъ разослалъ ярлыки съ приглашеніемъ Вольницы, ихъ и читали проходившіе: у Сахарова «бирючи кличуть кличь.» и тогда уже излишней удержанный имъ изъ Былинъ образъ случайнаго прочтенія, — «шли люди грамотные, читали ярлыки скорописчаты.»—Удержано изъ Чулкова неловкое прозвище свинца «Сорочинскимъ,» тогда какъ у народа свинецъ «Чебурачкій.»—Потанюшка у Сахарова «идеть-плыветъ по улицѣ.» — красиво, но забыто, что хромому было трудно вато плыть утешкой и лебедушкой, какъ хаживали женщины.—Въ имени Дѣтей Боярскихъ намѣренно вставлено любопытное разнорѣчіе «Матвей» вмѣсто «Моисей.» — Сохранены изъ Былины «Мужики Залѣшане,» но, что Василій испугался ихъ и не смѣлъ показаться, думалось Сахарову несовѣтнымъ съ храбростью героя и онъ приправилъ растянутую картину, что Василій ихъ не встрѣтилъ, потомъ спохватился, бросился угощать. — Собирались, говоритъ Сахаровъ, къ Василью на пиръ «со вѣсѣхъ концовъ, *опричь Посацкой:*» это казалось необходимымъ, ибо на сторонѣ Посадской враги; но къ сожалѣнію, по Былинамъ, ихъ—то больше всего и было у Василья, только онъ ихъ не потчивалъ, а прогналъ. — Сборъ Новгородцевъ «въ терема тайничкіе» нравился Сахарову и вѣсѣ рѣчи ихъ взяты изъ Чулкова: но сочинитель побоялся выставить Чудина и Садку, замѣнивши перваго «счюднымъ старцемъ» и удаливши изъ рѣчей все, что касалось правъ Василья «на княжескій престолъ.» этого наивнаго мотива, допущеннаго Чулковымъ. — Старики задумали спонтъ молодого Василья, и у Чулкова «покупають вины заморскія, *что ни пьяныя,*» то есть что ни самыя пьяныя, самыя какія только были пьяныя, самыя похмѣльныя: не понявши этого, Сахаровъ говоритъ, что «приходили гости торговые (казалось неприлично, что старики посадники сами ходили къ нимъ) съ винами заморскими, *ни съ пьяными, ни съ похмѣльными.*» т. е. совершенно вопреки смыслу. — Въ Былинѣ у Керши, Новгородцы не думаютъ звать къ себѣ Василья и, случайно узнавъ о случайной ихъ братчинѣ Никольшинѣ, онъ идетъ туда безъ всякаго особаго умысла: у Сахарова изложено форменный зовъ на пиръ Василью отъ мужиковъ, а между тѣмъ выраженіе Былины, выставившее случайности, удержано: «прислышалъ Василья про канунъ варень — пива ячмья у мужиковъ посацкіихъ, по-

шелъ въ терема тайниціе;» да какъ же онъ *прослышалъ*, когда его нарочно приходили звать и онъ далъ согласіе притти?— У Буслая старика нигдѣ нѣтъ отчества: какъ допустить этотъ пробоѣлъ? Рукопись Бѣльскаго должна же отличиться любопытнымъ пополненіемъ, и вотъ очутился «Буслай *Довмонтъевичъ*.»—Но самого себя превзошелъ Сахаровъ въ описаніи нира: онъ собралъ сюда даже богатырей изъ Кіева и вложилъ имъ въ уста чудовищные спичи. Первый взять изъ Чулкова Садко: онъ, владѣвшій кораблемъ *Соколомъ*, здѣсь является удалымъ всадникомъ и хвалится «*конемъ Соколомъ*.»—вѣдь кушцы хвалятся же нынче хорошими лошадьми! Затѣмъ Чурило краснорѣчиво описываетъ свою жену, не бывши женатымъ, да еще какую жену! *Наетасью Апраксѣвну*, то есть жену чужую, жену Дуная Ивановича! Ставръ, изъ своего XII вѣка занесенный Былинами Кіевскими къ Владиміру—вмѣсто Мономаха—Святославичу, маніемъ Сахарова возвращенъ въ Новгородъ и отданъ на время въ сынки къ Владимірову боярину Путятѣ, въ *Путятичи*; у него и слуга *Акудинъ*, имя, которое Сахаровъ старался ввести въ творчество, упоминая и въ воеводахъ Кіевскихъ при Владимірѣ, готова сказку, которую ниже увидимъ. Еще забавитъ: стыдливый и даже робкій, вырученный изъ бѣды женою, Ставръ является страшнымъ богатыремъ, наѣзжаетъ на Чудъ поганую, кричитъ, свиститъ, гонитъ враговъ, машетъ копьемъ, хватаетъ мечемъ. Мѣстный герой, Костя, бездомный сирота, который въ Былинѣ прямо скорбитъ, что ему «нечѣмъ похвастати.» и у котораго одинъ выходъ—драться съ Новгородомъ, какъ голой Вольницѣ, у Сахарова разбогатѣлъ на диво: «а и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего,—три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.» Бѣдняга, по непривычкѣ къ богатству и неопытности въ коммерціи, забылся до того, что, по словамъ его, у него даже «*три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями*:» а лукоморье — лука по морю, излучистый берегъ моря. Но онъ по крайности далъ намъ объясненіе, почему лукоморье, въ народномъ творествѣ обычно «*зеленое*.» покрытое мхомъ и травой, у Сахарова, по недоразумѣнію, которое мы упоминали, явилось *синимъ* (въ Сказкѣ, выше помянутой). Богатый негоціантъ-издатель, отсутствовавшій Костя въ

кредитъ à fonds perdus лукоморье, считалъ его «заливомъ!» — Договоръ, особенно письменный и съ залладомъ, бываетъ не менте какъ при двухъ сторонахъ: а у Сахарова Василій уже ушелъ съ шира и тогда лишь, собравшись «въ терема тайницкіе (какъ это по-правилось, на каждомъ шагу!), мужики догадались сдѣлать залладъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, искомъ, — «битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ залладъ за Новгородъ держимъ дани и *оыгоды* (вмѣсто «выходы») по три тысячи на всякъ годъ. И на томъ мужики посацкіе руки подписали.» — Старуха мать Василья, указавшая Новгородцамъ на Пилигримища, сама нотомъ вышедшая унимать сына, во всякомъ случаѣ передъ городскими старшинами по своему вѣжливая, поднята Сахаровымъ (по неумѣстной выпискѣ изъ Чулкова) въ трагическое негодование: «отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелоа Тимоѣевна съ *нечестіемъ*.» Но, что дозволительно было Василью, могло быть страшновато старухѣ: а еслибы ее побили за нечестіе? — Старчище Многолѣтище, согласно Былинамъ, отведенъ Сахаровымъ «въ почестной *монастырь*:» но, согласно съ Чулковымъ, проповѣдуетъ, что «сiju я во *теремъ* неисходно ровно тридцать лѣтъ.» Такъ въ монастыряхъ бывали не кельи, а семейные терема? — Чтобы не дать издателю случая какъ ни будь ошибиться, Старикъ надѣваетъ колоколь просто, не съ колокольни — по Былинамъ, не съ вѣча — по Чулкову, а вѣроятно изъ кармана. Судьба его самого еще удивительнѣе: согласно съ Былинами, у Сахарова «заглянулъ онъ Васька старцу (исправлено вмѣсто пѣсеннаго «старца») подъ колоколь, — а во лѣвъ глазъ ужъ вѣку нѣту,» — поминай старика, какъ звали; но, согласно съ Чулковымъ, онъ тутъ же и оживаетъ, — «поднимаетъ Васька старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой съ честію.» Любопытно еще, какъ Сахаровъ осмыслилъ пѣсенное — «начается, старецъ не шевѣлится:» «качается старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится.» — Мы видѣли у Чулкова, что дружинники Василья, Юма съ Потапюшкой, въ битвѣ не участвовали, держались отъ нея вдали про запасъ, на случай, если ослабнетъ Василій; потому, когда вхъ будила Чернавка, они не захотѣли даже встать и спокойно завернули голову въ подушки: все это, почти до слова, лишь съ прикрасами, переписано Сахаровымъ. Но у Сахарова была еще Былина Кириш, гдѣ дружина выносить на себѣ всю тяжесть перваго боя, гдѣ она

избита и Василій, пробудившись, является выручать ее: безпристрастный сочинитель рукописи Бѣльскаго не погнушался и этимъ, онъ выписалъ и отсюда, — «пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой; завидѣли его удалы молодцы, Оомка со Потанюшкой, — у ясныхъ соколовъ крылья отрасли, у нихъ молодцовъ душунки прибыло, молодой Васька сталъ выручать ихъ.» Завидѣли — со своихъ перинъ, Василій выручаетъ ихъ — изъ просонья! Невольно вспоминается: «солгала неправда себѣ,» себѣ, а не кому другому. — Сбившись здѣсь однажды, Сахаровъ заставляетъ и далѣе унимать уже не одного Василья, а *дружину*, и *дружина* запиваетъ свои раны, — то есть, какъ попалъ на Былину, такъ отъ нея и не оторвался сознаниемъ. — Наконецъ, у Чулкова, гдѣ весь вопросъ изъ за Княжества и владѣнія Новгородомъ, разумѣется побѣжденные граждане передаютъ всѣ княжескія права побѣдителю и раздаются возгласы: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богу-слаевичи!» Эту невинную коронацію легко простить наивному Чулкову. Но Сахаровъ вопросъ о Княжествѣ весь вычеркнулъ: какъ же онъ допустилъ рукопись Бѣльскаго выписать послѣдствія битвы изъ Чулкова? Читаемъ: «втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминуемую, идутъ въ терема тайниціе (безъ этихъ теремовъ ничего у нихъ не дѣлается), пишутъ крѣпки записи — быть Новугороду за Ваською Буслаевымъ!» — Горожане Великаго Новгорода могли уступить побѣдителю въ единоборствѣ часть городскихъ повинностей; могли принести ему и дѣйствительно принесли записи — закладныя, теперь выигранныя: но, поступиться Новымъ-городомъ, а за нимъ всей Новгородской областью, поступиться счастливцу изъ Вольницы, когда не поступались ни одному Рюриковичу, — Сахаровъ въ увлеченіи своего творчества, снисавшаго съ одного боку Былину, съ другаго Сказку Чулкова, не остерегся выставить Новгородцевъ глухими ребятами.

Рукопись Бѣльскаго еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ *Акундинѣ* и Князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же пряный и уснащенный. Только лишь начинается Сказка, — «созвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приглубѣте рѣчью лебединою словеса немудрыя,» — тотчасъ чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распыщенная губернія.

Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями: рассказываетъ, какъ жили въ старину «не по нашему, по заморскому, а по своему православному,» но народъ не описалъ бы такого православнаго житія: вставали, видите, утромъ рано и «кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада,» — что за безобразіе! Потомъ «созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла,» — только *слуги* ихъ и дѣлали; «старики судъ радили,» «старыя старушки судили, радили,» — мужеско-женскія народоправства; «молодыя молодицы правили домкомъ,» тогда какъ съ народъ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ — «красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день,» «старыя старушки сказки сказывали,» — это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угоняешься: мы остановимся на содержаніи. Опять не отрицаемъ, что въ основѣ нашлись кое-какія преданія, подслушанныя или прочитанныя гдѣ-либо Сахаровымъ, въ теченіе лѣтъ, когда онъ всюду интересовался народной словесностью: такъ, на примѣръ, существенныя черты въ образѣ выведенныхъ имъ Каликъ или Калѣкъ весьма замѣчательны и вѣрны, какъ убѣдились мы, долго занимавшись тѣмъ же предметомъ. Но, что изъ этого слѣжена перехитренная мозаика и сшитъ тучный романъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Имя Акундина, какъ замѣчали мы, старался нѣсколько разъ уже привести Сахаровъ, подготавливая естественность сказки: и въ Кіевѣ, и при Новгородѣ Ставрѣ. Еще любопытнѣе ближайшій поводъ къ сочиненію сказки. О. Н. Глинка жилъ въ Олонецкой губерніи, въ этой странѣ были и поэтическіе преданія, недавно поразившихъ насъ своей творческой красотой и величавостью въ Сборникѣ П. Н. Рыбникова. То, что могъ собрать путешественникъ, — весьма впрочемъ скудное, — онъ группировалъ около событія — заточенія Марѣи Ивановны Романовой на Выгозерѣ, въ Обонежской пятинѣ, принадлежавшей Новгороду. Преданія Олонецкія, истекавшія изъ массъ, заселившихъ сію мѣстность, перекрещивались въ древности — и доселѣ — съ Новгородскими, ибо, какъ здѣсь были владѣнія древняго Новгорода, такъ изъ него же на глазахъ исторіи шли сюда многочисленные поселенцы, со всѣмъ запасомъ Новгородскаго творчества. Разсказъ, сгруппировавшійся около Марѣи, или, лучше, отрывочныя описанія въ стихахъ, издалъ сочинитель въ 1830 г. подъ именемъ столь извѣстной своей «Карелии,» въ четырехъ частяхъ. При озерѣ

Онегъ, въ Мурмекомъ урочищѣ, есть извѣстная обитель, основанная Лазаремъ Мурмскимъ. Это былъ выходецъ изъ Рима, Странникъ, жившій послѣ въ Новгородѣ, основавшій монастырь въ урочищѣ, которое и подарено было монастырю въ 1182 году отъ Новгорода, именно однимъ доброхотнымъ дателемъ, жителемъ Славянскаго Конца. Простодушное житіе, описанное Лазаремъ, о странствованіяхъ, подвигахъ, чудесахъ, получено было Ѳ. Н. Глинкою и дано, какъ видно, ему мысль воспользоваться разсказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Къ Марѣѣ Ивановнѣ введено съ разсказами таинственное лицо какого-то Отшельника, описывающаго свои странствования, любовь, разлуку, приходъ издалека на Сѣверъ, водвореніе въ пустыни Оло-нецкой. Онъ родомъ былъ изъ Греціи, любилъ войну, битвы и походы, плѣнился дѣвой чужеродной и, когда она гнѣвнымъ отцомъ была убитъ, попалъ самъ въ темницу, освободился, «топилъ свою печаль» въ далекихъ странствованияхъ, явился въ Италию, «онъ гробъ Марона посѣтилъ и прочиталъ на немъ Гомера,» и все это, и объ Италию, «странѣ гробовъ неумирающихъ героевъ,» разсказывалъ Марѣѣ Ивановнѣ. Досужая, послушно она внимала. Далѣе, «онъ всю Германію прошелъ, искалъ чего-то,» онъ «весну проводилъ надъ Рейномъ,» видѣлъ видѣніе Богоматери, такое же какъ Лазарь Мурмскій, и призванъ былъ видѣніемъ на Сѣверъ. «Такъ онъ, къ безвѣстному влекомый, все шелъ на Сѣверъ,» и пришелъ, засталъ въ Карелии пожаръ, воспоминавшій «гнѣсъ Омира въ его стихахъ—*лѣсной пожаръ*;» пугался дикости сначала, но примирился съ языкомъ, «но сладокъ у лѣсной Карелы ея безпечный языкъ; казалось, я (слова разсказчика) переселился въ края Авзоніи опять и мнѣ хотѣлось повторять ихъ рѣчь, въ ней слухъ мой веселился игрою звонкой буквы *.I (ель)*;» потомъ, для рими, встрѣтилъ *ель*, явленіе частое въ томъ краѣ и, Промыслъ свой благословляя, нашелъ пристанище въ глуши, утѣлся, въ мирѣ и тиши вѣкъ проводилъ и кончилъ передъ Марѣѣю повѣсть разсказомъ, какъ страдала совѣсть мечтою грѣшной о быломъ, влетающею какъ будто птица, «какъ мысль, какъ пылкая зарница,» а тамъ, какъ онъ владелъ собой и «какъ держалъ Духовный бой, и что въ пустынѣ съ нимъ сбывалось.» Сія поэтическія картины, при всемъ ихъ достоинствѣ и живости, не скрываютъ отъ насъ, что образъ Отшельника есть

второобразъ, снятый съ Лазаря Мурманскаго. Благоговѣйный поэтъ не рѣшился никакъ высказать этого прямо: но, что это близко къ дѣлу, мы заключаемъ изъ примѣчаній о Лазарѣ, присоединенныхъ къ стихотворенію, изъ таинственности Отшельника и изъ того, что говорится: «Душей съ земнымъ разставшись прахомъ, онъ небомъ званъ; онъ жилъ въ лѣсахъ близъ Тѣлуи и на скалахъ у Кивача, не знаясь съ страхомъ; у поселянъ онъ слытъ монахомъ; то будь онъ и у насъ монахъ! Ктожь онъ, какой онъ уроженецъ? Наставникъ мирныхъ поселянъ — за чѣмъ? И изъ какихъ онъ странъ въ сей край недавній преселенецъ?» При семъ замѣчаніе прозою: «разсказъ объ отшельникѣ, о его переселеніи съ Востока на Сѣверъ, *не есть просто вымыселъ* (вотъ указаніе прямое); но — прибавляетъ скромный сочинитель — здѣсь не мѣсто о семъ распространяться.» Такимъ образомъ, думаемъ мы не безъ основанія, Марѳа Ивановна въ разсказѣ таинственнаго Отшельника выслушала мѣстную повѣсть о Лазарѣ Мурманскомъ. — Теперь сторона другая: къ Царственной Изгнаницѣ входитъ послѣ Отшельника дѣвушка-крестьянка Маша, и полились разсказы уже о преданіяхъ чисто-народныхъ, творческихъ. Тотъ же подвижникъ, котораго видѣли мы въ Лазарѣ — со стороны болѣе нравственной, теперь, по народному представленію, является Богатыремъ подъ именемъ *Заоньги*, — имя вымышленное, просто — поселенецъ Заонжья, уничтожившій въ семъ краю страшилищъ, злыхъ духовъ, Змѣя Тугарина. Почерпнуты ли эти разсказы поэтомъ изъ рукописнаго Житія, или изъ устъ Олончанъ, — все равно, они близко сходятся и одинаково принадлежатъ возрѣнію народнаго творчества. «Теперь разсказываетъ Маша все больше про свою страну и говорила дѣва наша про то, что было въ старину: про озеро свое Онѣгу и про Карельца Заонѣгу. А кто же былъ онъ? Богатырь, и славный. Онъ съ дубиной, смѣлый, берегъ Карельскіе предѣлы и славилъ свой лѣсной пустырь.... За чѣмъ тутъ ели вдругъ не стало? Ее унесъ нашъ богатырь. *На Мурманъ шелъ онъ въ монастырь* (замѣтьте его тожество съ Лазаремъ); вдругъ стадо на него напало, какъ войско цѣлое, волковъ, конечно посланныхъ духами; но въ мигъ унявшись съ волками, добрался онъ и до духовъ. И видимыхъ своей дубиной громилъ и билъ онъ какъ пестомъ, а невидимокъ гналъ крестомъ, считалъ ихъ козни паутиной: и силой честнаго креста онъ ихъ — воздушныхъ скомого-

ховъ, ихъ не спасла и высота... Мы помнимъ Змѣя Тугорѣна (Тугарина; дѣйствительно, у Олончанъ есть свой Тугаринъ, Шаркъ-великанъ, получившій имя отъ историческаго Шарукана): онъ триста сажень былъ длиною и горы подымалъ спиною; но Заонѣгина дубина ему далась порядкомъ знать. Мы помнимъ, изъ всей Карелы сошлась какъ туча нашихъ рать: метали камни, копыя, стрѣлы, а Змѣй бойцевъ и не слыхалъ и, лежа на скалахъ Онѣги, имъ въ уши бурею свисталъ и полъ-Онѣги разплескалъ хвостомъ. Но все отъ Заонѣги онъ не ушелъ. Избитый, чуть чертя густою кровью путь, чуть, сонный, въ Укшу дотащился и тамъ у Коссалмы свалился. (Да) онъ лежитъ тамъ и теперь: и съ той поры, огромнымъ тѣломъ загоро- дилъ на Кончу дверь и легъ какъ толстая плотина, его покрыла пыль и тина, на немъ сконилася земля и выросъ лѣсъ.» Это опи- саніе дѣйствительно прекрасно и конечно не могло возникнуть безъ основы народныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ, говоримъ, изъ устъ ли, или изъ рукописнаго Житія. Далѣе слѣдуетъ встрѣча Заонѣги съ Водяникомъ, потомъ съ воздушными духами:... «Заонѣга, послѣ обѣ- деннаго сна (въ кельѣ?), идетъ путемъ къ лѣсному Уру собирать ду- шистую мамуру,—она въ то время новизна. Все тихо, тихо и сон- ливо, порой лишь, подъ овсяной нивой, взреветъ медвѣдь. Но вотъ жужжитъ и вьется—что такое? Мухи? Но Заонѣга говоритъ:—Я знаю васъ, воздушны дуа!—» Духи начинаютъ искушать Заонѣгу, какъ всегда искушаютъ отшельниковъ: «—Ну полно жъ врать, я не люблю, вы знаете, я васъ не трушу!—Такъ Заонѣга. Но кипитъ воздушниковъ лихая сила, хохочетъ, дразнить и шумить, ужъ Зао- нѣгу разсердила... Но—*Лазарь въ Мурми зазвонилъ* (угодникъ съ братіей тамъ жилъ),—и духи тотчасъ присмирѣли, и Заонѣга сталъ смиренъ: прогнавъ враговъ вечерній звонъ, то въ Муѣ павечерье пѣли.» Такимъ образомъ Лазарь же прогнавъ искушенія духовъ. Ясно, что Мароа Ивановна въ разсказѣ Маши слышала ту же повѣсть о Лазарѣ, но народнымъ воззрѣніямъ, лишь замаски- рованную скромнымъ сочинителемъ.—Спросятъ многіе: къ чему это длинное отступленіе къ творенію поэта? Какое его отношеніе къ народнымъ сказкамъ? Да, странно представить, что здѣсь отношеніе есть: а между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ «Карелии», въ 1841 г. отпечатаны Сказки Сахарова и въ нихъ, *изъ рукописи Бѣльскаго*, сказка объ Акундинѣ. Акундинъ—житель Новгорода, связаннаго съ

Заонежьемъ и всей Олонецкой областью народными сказаніями; изъ эпохи XII вѣка (судя по современности Глѣбу Ольговичу), слѣдовательно современникъ и Лазаря, и Заонѣги. Ходилъ онъ прежде въ походы съ Воляницею, но ему наскучило разгулье, его влечетъ къ инымъ странствіямъ, къ Кіеву и Москвѣ, и пускается онъ по Волхову, одинокимъ Странникомъ, какъ Лазарь, какъ Отшельникъ—второй образъ Лазаря. Какъ эти послѣдніе призваны были къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудными видѣніями, такъ мѣсто высшихъ силъ для Акундина занялъ таинственный Калѣчище: онъ беретъ Акундина, ставитъ на высокій курганъ и съ высоты показываетъ обширную Рязанскую область отъ Оки до Дону, городъ Ростиславль, тамошнихъ жителей и совершавшіяся тамъ событія. Увлеченный дивнымъ видѣніемъ, юный странникъ рвется въ открывшуюся взорамъ страну на подвиги: Калѣчище мгновенно переодѣвается, надѣваетъ на себя платье Посадника (онъ нарочно таскалъ это платье съ собою на случай), является въ величіи посадническомъ, открывается дядю Акундина, передаетъ ему наслѣдіе отъ отца, мечъ кладенецъ, калену стрѣлу, тугой лукъ (это то же до поры-времени береглось въ каличьей сумѣ), благословляетъ племянника на предстоящіе подвиги и — самъ кончается, преселяется въ вѣчность. Ясно, что Калѣчище есть дивное видѣніе, но не такое, какое описываютъ Житія, подобныя Житію Лазаря, или суевѣрные народные преданія о Заонѣгѣ, а живое, съ кровью и плотью дѣйствительности, въ образѣ, какой только могла создать народная сказка. — Что же за подвиги предстояли Акундину? «Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, Змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать Рязанскую, синую валить круты берега, а самъ все проситъ стару дань.» Читатели узнаютъ грознаго врага Лазарева и Заонѣгина. Изъ Ростиславля пытаются сперва укротить его подарками: здѣсь вставляется юмористическій эпизодъ о *Думномъ Дьяклѣ Чоботкѣ*. Но мысль о семъ послѣднемъ, и самый характеръ плута, успѣвшаго обмануть старшину, стараго воеводу и посадника, встрѣчаемъ мы опять у Ѳ. Н. Глинки, въ разговорѣ духовъ съ Заонѣгою; желая развлечь подвижника соблазнительными картинами мірской жизни, они говорятъ насмѣшливо: Чтò у васъ въ міру за люди? «Ихъ судить *Думный Дьякъ* изъ

платы, они другъ друга тянуть въ судъ, другъ друга лишь во снѣ не бьютъ... Подьячій врѣтъ передъ Дьякомъ, *Дьякомъ, лукавый, предъ Царемъ перелукавленъ Воевода.*» Вотъ вамъ исторія Чоботка и перелукавленнаго Юрья Микитича.—Когда же Тугарина не смогли побѣдить лукавствомъ, встаетъ весь Ростиславль со своимъ юнымъ княземъ Глѣбомъ Ольговичемъ, влюбленнымъ, но изъ за Тугарина теряющимъ невѣсту: тучи ихъ стрѣль, посылавшихся на Тугарина, уже мы видѣли у Ѳ. Н. Глинки въ описаніи того, какъ встала на Тугарина вся Карелія. Но и рать не успѣла. «Какъ прочуялъ Змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ: широка Ока рѣка возмущилася, круты берега разсыпалася, мутна вода разливалася. Нельзя къ Змѣю подойти, нельзя Змѣя войной воевать: широко поле Рязанское; а негдѣ рати стать, на широкіихъ поляхъ кони не стоятъ, на круты холмы вода взошла.» Сравните вышеприведенное описаніе въ «Карелін.» Всю эту бѣду Рязанцевъ видить съ высоты Акундинъ: ему такъ хочется въ дѣло, такъ рвется онъ помочь бѣднякамъ, что въ описаніи порыва его Сахаровъ нѣсколько измѣняетъ величественному тону рукописи Бѣльскаго, ибо не можетъ стать, чтобы она рисовала такую картину: «какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ заматалася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу,» —это точь въ точь, какъ рвутся въ удалую присядку. Разумѣется, когда этотъ новый Лазарь и Заонѣга дорвался до Тугарина, онъ его побилъ: «и его-то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ (уступка воззрѣніямъ Житія), а разрушивши его еретичество, идетъ ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалася (улегался?). И беретъ онъ, Акундинъ, мечъ кладенецъ, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ былъ.» Побѣдителя торжественно вводятъ въ городъ Ростиславль, дарятъ, чествуютъ, умоляютъ остаться: но странника влечетъ невѣдомый голосъ—«впередъ,» къ Кіеву, въ Москву. Они уѣзжаетъ. Въ этомъ разсказѣ Былины Новгородскія переходятъ въ Княжескія, удалцы Новгородскіе пзъ мѣстной исключительности выводятся на широкія поля другихъ областей Руси: Сахаровъ рѣшился познакомить насъ съ бытомъ Княжествъ, съ ихъ сказаніями, эпосомъ Кня-

жескимъ. Выѣхавъ изъ Ростиславля, Акундинъ является въ соседнемъ, по той же Окѣ, Муромѣ, и здѣсь-то развивается снова исторія Лазаря и Отшельника. Въмѣсто урочища «*Мурмскаго*» и «*Мурмы,*» является область *Муромская, Муромъ*; вмѣсто роя воздушныхъ духовъ, тревожившихъ Лазаря и Заонѣгу, рой Татаръ, обложившихъ городъ, подолпившихъ народъ, увезшихъ красавицу Настасью Ивановну. Для Акундина настала пора любви, онъ влюбленъ какъ Отшельникъ Ѳ. Н. Глинка. Онъ мчится, разбиваетъ Татаръ какъ мухъ, освобождаетъ дорогую плѣнницу: но, какъ отецъ разрушилъ своею яростью союзъ сердецъ Отшельника и Турчанки, такъ названный отецъ Настасьи. Нежданъ предательски выдаетъ ее за другаго; какъ Отшельникъ попалъ даже въ темницу, изъ которой едва высвободился, такъ Нежданъ грозитъ Акундину, велитъ пинками гнать его. Разочарованный, неся въ сердцѣ неисцѣльную рану, странникъ уѣзжаетъ по добру но здорову изъ Мурома, стремится къ Кіеву и Москвѣ: въ Москву почему-то онъ уже не попалъ, но въ Кіевѣ очутился. Одна отрада его — молитва. Какъ Буслаевъ въ Ерусалимѣ, такъ Акундинъ сърадіель здѣсь поминанья по батюшкѣ и вѣснь роднымъ. Таинственные Калѣки, занимающіе во всей сказкѣ мѣсто тѣхъ небесныхъ видѣній, которыя черпалъ изъ Житія или аллегорически рисовалъ Ѳ. Н. Глинка, пророчатъ аллегорически Акундину, что онъ долженъ искать и найти «сѣрую утицу», прежнюю любовь свою. Теперь вспомнимъ: когда Мароа Ивановна, прослушавши длинную повѣсть Отшельника объ его странствіяхъ, Авзоніи, Германіи и Рейнѣ, наконецъ о прибытіи въ дикую страну Кареліи, перешла къ его «Духовному бою въ пустынѣ» и задала вопросъ, намекая на прежнюю разочарованную любовь Отшельника, — «покинувъ свѣтъ, не зналъ ли грусти сокровенной?» Отшельникъ въ аллегоріи разсказалъ, что прежняя любовь, милый образъ прилетаетъ къ нему въ пустыню сердца, въ образъ дивной птицы, такой, какая прилетаетъ и въ пустыню Кареліи: «На дальнемъ Сѣверѣ есть птица. Она, какъ слышно, иногда перелетаетъ и сюда. Какъ мысль, какъ пылкая зарница, она мелькаетъ по лѣсамъ. Ее, какъ сонъ, я видѣлъ самъ. Грудь — яхонтъ, и лазурны крылы отливомъ золота горятъ.» Видите, она похожа на сизую золотистую утку: по крайности у *простаго народа*, не знающаго райскихъ птицъ, естественно перейти ей въ образъ утки, и такую-то Саха-

ровъ, чуткій къ народному творчеству, изобразилъ ее. Тогда какъ Акундинъ горевалъ во образѣ Калики или, что то же, Странника, явилась ему прежняя возлюбленная, она успѣла уже потерять неправаго своего батюшку, матушку и перваго мужа: на языкѣ Сахарова это выражено въ образѣ, что она «ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой сърой утицей поплыла.» Разумѣется, Акундинъ соединился съ предметомъ любви, женился на Настасѣ Ивановнѣ, потомъ, какъ всѣ герои у Сахарова, «состарѣлся и переставился.»—Но, при всемъ этомъ, столь явномъ и даже рабскомъ заимствованіи изъ Карельскихъ или, лучше, Олонецкихъ преданій, вы спросите все-таки невольно: не ужели это такъ, не ужели можно творить народныя Сказки на основаніи стиховъ поэта, хотя бы и О. Н. Глинки? Признаться, намъ самимъ это не вѣрилось и даже какъ будто не вѣрится до сихъ поръ: а между тѣмъ это такъ. Самъ И. П. Сахаровъ потрудился увѣрить насъ въ томъ; напечатавъ Сказки, въ Примѣчаніяхъ къ нимъ, въ концѣ, какъ будто мимоходомъ и ненарочно (такъ всегда бываетъ, когда дѣло не совсемъ чисто и ищутъ подкрѣпить свое созданіе авторитетомъ народа), бросаетъ онъ нѣсколько словъ: «Сказка Акундинъ взята изъ рукописи Бѣльскаго. *Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видѣть заимѣтки объ этомъ Акундинъ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію О. Н. Глинки Карелія.*» А въ этихъ, процитованныхъ, примѣчаніяхъ О. Н. Глинки нѣтъ ни слова объ Акундинѣ, есть только—сходное—о Лазарѣ Мурмскомъ, съ которымъ сближенъ и народный герой Заонѣга. Кто читывалъ «Сказанія Рускаго народа,» тотъ знаетъ, что Сахаровъ вездѣ—иногда очень справедливо—смѣется надъ прежнимъ обычаемъ выводить нашихъ народныхъ героев съ чужи, связывать ихъ съ преданіями церковными или принимать на слово суевѣрныя о нихъ сказанія въ народѣ: все это и вездѣ онъ старается перевести на языкъ простѣйшій, такъ, какъ бы сказалъ по его мнѣнію народъ, а этотъ языкъ и эти образы, возникающіе въ языкѣ, создаетъ самъ на основаніи своей опытности въ дѣлѣ. Такъ все онъ упростилъ и въ настоящемъ случаѣ: зачѣмъ въ Новгородѣ выходець изъ Рима?—Это просто Новгородецъ; и имя его народное, извѣстное въ Новгородѣ, хотъ бы знаменитый *Якунъ*,—только прибавить «*динъ*.» Странникъ по Востоку и Евро-

тъ—ну откуда ему быть? Это просто Новгородскій переходецъ, исчадіе Повольницы, бродившей по княжествамъ. «Мурма,» «Мурмское урочище.»—это просто Муромъ, искаженный народными преданіями въ Заонежьѣ. Видѣнія, пророчества,—это просто таинственные Калѣки съ ихъ способностью передавать и разсказывать всякія дива. Тугарину мѣсто на Окѣ: любовь романтическая—просто любовь къ Настасьѣ Ивановнѣ. Ѳ. Н. Глинка придумалъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, залетнюю птицу, нечаянно прилетавшую: да это сѣрая утица, это и есть Настасья Ивановна. Какіе тамъ духи въ воздухѣ! Это Татары; а указаніе духовъ на Думнаго Дьяка—просто память о Чоботкѣ. Сочинитель опытнымъ взглядомъ расшифровалъ все эти аллегоріи, столь любимыя Ѳ. Н. Глинкою: дай изложу дѣло; какъ оно могло быть у нашего простаго народа, въ сказкѣ! А тутъ рукопись Бѣльскаго съ готовыми сказками: въ ней и есть сказка объ Акундинѣ. Но нужно бы подкрѣпить себя? Сдѣлаемъ сноску на Глинку: ищите, кикъ тамъ искажена подлинная сказка объ Акундинѣ.—Ищите: но мы находимъ совсѣмъ другое, мы находимъ *источникъ* и *поводъ* творенію Сказки! Прочая обстановка не хитра: Глѣбъ Ольговичъ изъ исторіи; Путята и Путятичи есть въ творествѣ Кіевскомъ, были уже вставлены въ сказку о Буслаевѣ; Муромцы изъ Былины и Сказокъ объ Ильѣ; Татары, Калѣки.—ихъ въ древнемъ творествѣ и даже въ нынѣшнемъ—бери хоть пригоршнями.

Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя: грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ расчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа: но—и отрадно, какъ отраденъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній: онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для сличенія поддѣлки.

CXLIII

Сказка объ Акундинѣ, тѣмъ, чгò есть въ ея основѣ народнаго, хотя переходить къ Княжескимъ, но есть собственно продолженіе Новгородскихъ. Въ первые среди нашей литературы мы выводимъ затерянные между другими Былины *Княжескія*, даже цѣлый *Эпосъ Княжескій*. Вторая половина нашей «Замѣтки,» Б, посвящена именно этой новой и громадной области, со всѣми ея особенностями: но, по обстоятельствамъ, мы вынуждены помѣстить ее при выпускѣ слѣдующемъ, какъ вступленіе къ Былинамъ Московскимъ; тамъ же будетъ приложенъ и соответствующій «Указатель.»

И. Б.

1862,
Августъ.

Конецъ 5-го выпуска.

ОГЛАВЛЕНИЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ
Общества Л. Р. Сл. . . . . I.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ. I. НОВГОРОДСКІЯ.

ВАСПЛІЙ БУСЛАЕВЪ, 1, 2, 3, 4: . . . 2—33.
САДКО КУНЕЦЪ, БОГАТЫЙ ГОСТЬ, 1, 2, 3: 34—53.
ГОСТЬ ТЕРЕНТЫШЕ: . . . . . 54—60.

—

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ. II. КНЯЖЕСКІЯ.

ДИМИТРІЙ КНЯЗЬ: . . . . . 63—65.
ВАСПЛІЙ КНЯЗЬ: . . . . . 66, 67.
КНЯЗЬ МИХАЙЛО, 1, 2, 3, 4, 5: . . . 68—76.
СМЕРТЬ КНЯЗЯ МИХАЙЛА: . . . . . 77.

Туда же относящіяся—

КОРОЛЬ-КОРОЛЕВИЧЪ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9: 78—87.
КОЗАЧЕНЬКА, 1, 2: . . . . . 88—91.
КНЯЗЬ РОМАНЪ, 1, 2: . . . . . 92—99.
КНЯЗЬ РОМАНЪ—ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ, 1, 2, 3, 4,
5, 6: . . . . . 100—112.

Туда же относящіяся—

Донской Козакъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	113—122.
Добрый Молодецъ, 1, 2, 3:	123—125.
Молодой Маюръ, 1, 2:	126, 127.

Князь Волконскій и Ваня Ключничекъ,

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	128—140.
То же:	140, 141.
То же, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7:	141—154.
То же, 1, 2, 3:	154—158.
То же, 1, 2, 3, 4, 5:	159—163.

Туда же относящіяся—

Молодецъ у короля въ службѣ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11:	164—178.
Князь Румянцовъ:	179.
Камеръ-лакей, 1, 2:	180—182.

Князь Данило: . . . . . 183, 184.

Князья—Борисъ и Глѣбъ, Александръ Невскій, Михаилъ Черниговскій, Мос- ковскій Симеонъ Ивановичъ, Димит- рій Донской, Оедоръ, Давидъ и Кон- стантинъ Ярославскіе (въ сноскахъ):	185.
Князья Тверскіе:	186—190.

Приложенія.—I Сказки про Василья Буслаева, 1, 2, 3:	I—XXV.
II. Сказка про Князя Глѣба Ольговича и Акундина:	XXVI—LIII.
III. Замѣтка П. А. Безсонова. А) О Нов- городскихъ Былинахъ, Сказкахъ и про- чихъ народныхъ преданіяхъ:	LIV—CXIII.

При семъ особо: Указатель ко II-й части Пѣ-
сень, собранныхъ П. В. К., къ 5-му выпуску,
а) къ творчеству Новгородскому, составленный П. А.
Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное
(съ особымъ счетомъ страницъ).

—

Для имѣющихъ I-ю часть въ 4-хъ выпускахъ, общая
къ нимъ Сорочка.

*

ВЪ I-й ЧАСТИ.

Вып. 1, Пѣсни, стран. 22, въ разнорѣчіяхъ. Разнорѣчіе Б.) близко сходно съ тѣмъ, что въ Новиковскомъ пѣсеникѣ, 1780 г., ч. III, № 76, стр. 82. Различія слѣдующія:

2) Б.) Что по синему морю по	Что по синему по морю
Каспицкому — — — — —	по Каспійскому
5) Б.) ... отнюдь... — — — — —	... отнюдь...
9) Б.) ... Святогоръ... — — — — —	... Свѣтогоръ...
...Подъ-атаманомъ... — — — — —	... Подъ-атаманъ...
10) Б.) ...въ пять сотъ рублей... — — — — —	... во пятьсотъ рублей...
... во сотенку... — — — — —	... во сотеньку...

Вып. 3, Пѣсни, стран. 87, стихъ 96, стран. 88,
ст. 122 и 148:   Слѣдуетъ исправить:

«Есть да пить, — — — — — «Ѣсть да пить,

Вып. 4. «Замѣтка,» стран.

СХLIII, строка 5 сверху:

обступаютъ Кіевъ; — — — — — обступаютъ городъ;

Строка 19:

заморить Кіевлянъ — — — — — заморить горожанъ

—